МЕМУАРЫ ПОД ГРИФОМ
<СЕКРЕТНО>

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ И ДИПЛОМАТИИ

1938-1941 ГОДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легендарный советский разведчик и диверсант Павел Судоплатов выполнял различные секретные поручения Сталина. С ноября 1938 года по июнь 1942 года он был одним из руководителей отечественной внешней разведки. Благодаря этому он был посвящен во множество подробностей советской тайной войны и дипломатии.

Как Сталин за три недели до «Мюнхенского сговора» узнал о готовящийся встрече лидеров Франции, Великобритании, Италии и Германии, которая фактически стала прологом Второй мировой войны? Кто был инициатором советско-германского пакта о ненападение? Что предшествовало советско-финской войне? О чем сообщала советская разведка весной 1941 года? С кем и на каких условиях осенью 1941 года Сталин планировал провести сепаратные переговоры?

- Павел Судоплатов
  - Предисловие
  - Канун войны
  - Эмиграция на службе Советов
  - Советско-германский пакт о ненападении
  - Зимняя война с Финляндией
  - Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах
  - Контакты с англичанами через посла Югославии
  - Успешное завершение операции «Утка»
  - Дата начала войны под вопросом
  - О репрессиях в органах госбезопасности и разведки
  - Немецкие спецслужбы против СССР накануне нападения
  - Начало войны
  - Особая группа
  - Начало партизанской войны на коммуникациях немцев
  - Бакинские нефтепромыслы под прицелом
  - Начало разведывательных операций по атомной проблеме
  - Битва за Москву
  - Отношения с союзниками и тихоокеанская война в 1941 году

Павел Судоплатов
Хроника тайной войны и дипломатии. 1938–1941 годы

Предисловие

Предлагаемые воспоминания — плод не одного года. В них — моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимолетно Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. Почему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века — Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило, по линии ЦК КПСС, имел значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы — В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым — документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неугодных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности развеять их, снять ненужные наслоения — в этом тоже я вижу свою задачу. Это непростая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить

происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности, да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителями Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП(б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, — говорил Берия. — Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии — провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, — продолжал он, — поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, — говорил Берия, — что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дуроломов в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это

будет выгодно».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции. Там советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал Берия, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«В Китай, — говорил он, — с тайной миссией к Чан Кайши предполагалось направить Панюшкина в качестве и посла, и резидента разведки. Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен был заняться поддержанием отношений с Бенешем, когда тот приедет в Америку из Европы. Имейте в виду, — наставлял Берия, — что Уманский будет выполнять одновременно ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает тов. Сталин».

Мы молчали. Я попросил дать разъяснения по операции, связанной с Троцким. На что получил ответ: дело это исключительно важное. Троцкий, добавил Берия, должен быть уничтожен к началу большой войны, чтобы обезглавить остатки пятой колонны. Занимайтесь этим делом каждодневно, сказал Берия, но ликвидировать его можно и нужно с учетом того, что его одновременно используют и ненавидят как в Америке, так и в Европе.

В книге использованы материалы документов:

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/25 от 14.06.41 и Указа Президиума ВС СССР от 17.06.41 «О награждении тт. Меркадер К. Р., Эйтингон Н. И., Василевского Л. П. и др.».

Указ Президиума ВС СССР от 31.05.60 — закрытый.

Пост. СНК СССР от 24.06.41 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», объявленное пр. НКВД СССР от 26.06.41.

Пр. НКВД СССР № 00882 от 5.07.41.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П34/287 от 30.07.41 «О назначении руководящих работников НКВД СССР», объявленное пр. НКВД СССР № 00984 от 31.07.41.

Пр. НКВД СССР № 001435 от 3.10.41.

Пр. НКВД СССР № 00145 от 18.01.42.

Справка о штатах и структуре НКВД СССР от 20.05.42.

Пр. МГБ СССР № 00447 от 9.10.46.

Пр. МГБ СССР № 569 от 15.02.47.

Записка МГБ СССР № 6990/А от 4.08.50 И. В. Сталину.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/310 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00532 от 28.09.50.

Пост. ПБ ЦК ВКП(б) № П77/309 от 9.09.50, объявленное пр. МГБ СССР № 00533 от 28.09.50.

Пр. МВД СССР № 00318 от 30.05.53.

Пр. МВД СССР № 00601 от 31.07.53.

Записка МВД СССР № 876/к от 17.09.53 в Президиум ЦК КПСС.

Канун войны

Внешние и внутренние задачи ОГПУ-НКВД

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Непритязательная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не встал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас много выходит различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, — каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза,

неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике, да и в литературе, существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ЧК после гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление. Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого — подавление политической оппозиции и укрепление советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В тридцатые — пятидесятые годы без соответствующего заключения ОГПУ-НКВД-МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей решала в качестве главного направления своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению

направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевоинского союза. Он был полностью дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в тридцатых годах по руководителям ОУН и РОВС, спецслужбы СССР последовательно лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Ахиллесова пята внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов — полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, — были огромными, несопоставимыми с правами послов сороковых — пятидесятых годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых советским

правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее генерального секретаря, первый посол СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в двадцатые — тридцатые годы действовали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи — нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени — соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Блюмкина Трилиссер был заменен Артузовым. В свете изменения внешнеполитической

обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение двадцатых годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела (ИНО) были признаны создание надежной агентуры, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел НКВД, Разведуправление Красной армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН) Я. Серебрянского («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве консультанта, рядового сотрудника.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной армии руководил старший майор госбезопасности Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время военную контрразведку, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е управление НКВД-

НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД-НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Персонификация внешней политики

В канун войны произошло очень важное, мало кем замеченное событие — персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителей советского государства: Сталина и Молотова. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача — поставлять руководству не анализ разведданных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД-НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством, либо они касались вербовки особо важных сотрудников и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство наркомата внутренних дел или наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного

строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов — заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах — был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной армии имел, в отличие от начальника разведки НКВД-НКГБ, в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД-НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями — Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Главное из главных

Главными подразделениями в НКВД накануне войны были: 1-е разведывательное управление, 2-е управление, 3-е, недолго просуществовавшее, секретно-политическое управление (СПО) и управление особых отделов.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки являлось немецкое.

Главным направлением в работе особых отделов и военной контрразведки также было немецкое.

Главным направлением в работе секретно-политического направления по-прежнему был разгром антисоветских

политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и польской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая считалась одним из главных наших противников. Третье направление занималось отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников — главным образом действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое.

Второе — связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье — нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синьцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что контрразведывательное управление и управление военной контрразведки, а также транспортное управление имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило управление пограничных войск, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе. Это смешение функций очень отчетливо себя проявило в том, что информация, поступавшая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, управление пограничных войск вообще вышло в 1941 году из структуры органов госбезопасности и перешло в НКВД. Это удлинило сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности. Усложнилась реализация этих материалов. Курирование основных направлений работы также усложнилось, например, транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация.

Эта структура НКВД-НКГБ дает нам основания понять два момента. Во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий. Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать во время войны, в особых обстоятельствах использование остатков антисоветских политических партий и организаций — основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с советским государством. Еще одно направление в работе СПУ, перешедшее из иностранного отдела, — недопущение вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку главного вероятного противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных групп, которые бы выступили в поддержку немцев, в нашем тылу не могло возникнуть. Так было всюду, за исключением Прибалтики и Западной Украины. По учетам НКВД, основные лица, которые могли сотрудничать с противником, были известны.

Но тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служило свыше 250 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использование этой силы в массовом порядке против советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годах. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Кто руководил контрразведкой?

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника иностранного отдела в мае 1939 года было связано со

значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Кто возглавлял главные направления работы госбезопасности в предвоенный период и во время войны в области контрразведки? Прежде всего следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Власик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина. Но, думаю, следует остановиться на тех, кто непосредственно руководил разведывательной и контрразведывательной работой. Среди деятелей этого направления того времени следует выделить прежде всего П. Федотова, первоначально возглавлявшего секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, то есть 2-й отдел, как он тогда именовался, и позднее тот же Федотов возглавлял 3-й отдел ГУГБ — контрольно-разведывательный. Первым заместителем его был Л. Райхман.

Петр Васильевич Федотов — кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и содружество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года, когда Федотов возглавил уже внешнюю разведку, первоначально в МГБ СССР, а потом в Комитете информации.

Надо сказать, что Райхман в 1946–1951 годах продолжал руководить контрразведывательной работой, став первым заместителем Е. Питовранова, начальника контрразведывательного управления с 1946 года, а позднее заместителя министра госбезопасности. Фактически всю эту работу инициативно направлял Райхман вплоть до своего ареста в октябре 1951 года. Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат.

Первоначально особый отдел, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков — выпускник военной академии имени Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берию в

прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берию заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении врагов народа, и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома ГБ Б. Кобулов и начальник секретно-политического управления, предшественника идеологической контрразведки КГБ, Н. Сазыкин. Бочков стремился замять его. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать его как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приняло политическую подоплеку. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил В. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-

диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было непросто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков — сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник отдела политических репрессий администрации президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызывала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существует во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Райхмана, Федотова, Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской

эпохи ВЧК-НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркоме внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркоме внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко, и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД-НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее контрразведку на транспорте, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил секретно-политическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтрразведка, возглавляемая Копытцевым, Шевелевым и Блиндерманом. В

канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них — Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из наркомата внутренних дел. Наркомом был Меркулов, первыми замами — Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы, с 1943-го по 1945 год, Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Спецагенты из иностранцев

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее двадцатые — тридцатые годы? Становление советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной армии, ИНО ОГПУ-НКВД и Особой группы Серебрянского. Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшие польские офицеры в контрразведывательном и позднее в разведывательном отделах ОГПУ — Сосновский и Бодеско. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Мали, австриец Ст. Дейч. Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник

Георг Миллер — участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» — документов прикрытия для советских нелегалов в тридцатые — сороковые годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам — мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта — Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в тридцатые годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки. На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы. Но после того, как советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому. Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Мали, погибший в 1937 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту. Ни Филби, ни Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе, не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры. Отбор происходил через систему специальных учебных заведений,

появившуюся еще в тридцатые годы, которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппарата военной разведки и аппарата органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра. Этот период начал завершаться при Артузове в середине тридцатых годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине тридцатых годов был связан с заведением пространных дел.

И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как Филби, Маклейн, Берджесс, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки, применительно к группе Кембриджской пятерки, временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом», и невозвращенца Орлова-Никольского. В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбежав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что

Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого имеющего опыт разведывательной работы является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджесс лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой Кембриджской пятерки имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом, — Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» — мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до восьмидесятых годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Знаковое событие

3 февраля 1941 года произошло разделение наркомата внутренних дел на наркомат госбезопасности и наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же формально была передана в подчинение наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения из-под контроля одного человека — Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка. Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что Ворошилов — нарком обороны — мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном

положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация — наличие компрометирующих материалов и проверки руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как председатель Совета народных комиссаров.

НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д. представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до Ворошилова. Ведь только Сталин, а позднее Хрущев, Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступавшую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной армии не стояли как приоритетные. Руководство страны искало после неудач в зимней войне с Финляндией наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение — фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности — с территориальными и центральным аппаратом.

Военная контрразведка сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение

военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не проработаны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД-НКГБ накануне войны было кратковременным — с февраля 1941-го по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркому обороны Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически. И руководство страны — Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны — не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале. Однако надо сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-воздушных сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Однако они явились формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Смушкевича,

Штерна, Рычагова и других, для ареста и расправы над руководящими работниками Главного артиллерийского управления Красной армии.

Новое время — новые задачи

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Благодаря закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров — поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей — находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему хотелось мне выделить — и правомерно — 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности. Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, И. Эренбург и другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны быть якобы нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав

мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседуя с нашим послом Меркаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле-мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе это породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германо-советского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через авторитетного своего представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного

обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был специально создан для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель — не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с тридцатых годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в тридцатые — сороковые годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу — использовать во благо страны страх правящих

кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Недостигнутые цели

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии — в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна готова была предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством втайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление — чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женевьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях — подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор не известно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза, о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтоб чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что он в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКИД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 году в коридоре седьмого этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское

правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции — в наркомат иностранных дел и в НКВД. Какие же вопросы обсуждали они? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «иностранного легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже ясно, что будущая война будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будет развернуто две-три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственное что сделали — его разоружили. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему было какое-то особое внимание, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились, по указанию Сталина, с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказания и поручения

Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво, после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский, наш посол в США, был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения — Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Меркалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Меркалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде 1939 года.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить

нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с нашей стороны с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза опасалось в двадцатые — тридцатые годы, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции — поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия, Меркулов — с другой, стали непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему,

превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в сороковые — пятидесятые годы. Два этапа советской политики за рубежом и людей, которые обслуживали эти этапы, следует трезво оценивать.

Эмиграция на службе Советов

Операция «Коридор»

О российской эмиграции, о сложнейших отношениях с нею нашей политической и военной разведки написано немало. Этому, в частности, посвятили свои произведения советские писатели Никулин и Ардаматский. Операции ЧК «Трест» и «Синдикат» — наиболее известные. Благодаря им многие знают о борьбе с белой эмиграцией, о внедрении в нее наших чекистов с тем, чтобы парализовать ее деятельность, направленную против советского государства.

Однако этого нельзя сказать обо всей эмиграции. Часть ее, вдоволь надышавшись чужим воздухом Европы и, возможно, из ностальгических чувств, повернулась к нам лицом. С помощью этих людей мы стали приобретать ценные источники информации, что давало возможность обеспечить безопасность государства по предотвращению террора со стороны остатков белого подполья.

В конце двадцатых и особенно в начале тридцатых годов установившиеся связи с эмиграцией стали для нас незаменимым каналом, способствовавшим проникновению в важнейшие гражданские, правительственные и государственные структуры ведущих капиталистических стран с целью изучения наших главных противников.

При Вячеславе Менжинском была начата операция «Коридор», которую курировали помощники начальника Иностранного отдела ОГПУ Валерий Горожанин и Макс Штейнберг. Горожанину посвятил свое известное стихотворение «Солдатам Дзержинского» Владимир Маяковский. Позже руководили работой по связям с эмиграцией начальник отделения ИНО, герой операции «Синдикат» А. Федоров и вскоре сменивший его М. Штейнберг. Мы активно выводили за рубеж наших доверенных людей. Ведь вплоть до коллективизации процедура выезда за пределы страны была очень простой. Заграничный паспорт можно было получить в уездной милиции. В это время существенное значение для оперативной работы органов госбезопасности приобрело ведение учетов выездов за границу наших граждан в связи с пребыванием там их родственников. И когда по указанию Менжинского были предприняты меры по активизации работы с эмиграцией, прежде всего мы обратились к этим данным.

В эмиграции весомую политическую роль играли бывшие работники дипломатических ведомств Российской империи. Сложилась такая ситуация, что после ликвидации российских посольств их бывшие сотрудники использовались в качестве консультантов внешнеполитических ведомств Франции, Англии, США, Германии при выработке политики по отношению к Советскому Союзу. Это и была так называемая вторая линия нашей работы по вербовке видных деятелей эмиграции.

Деятельность значительных эмигрантских колоний, а также их руководителей была взята нами под контроль. В числе их был В. Штрандман, который до революции возглавлял российское посольство в Югославии. В апреле 1918 года правительство Колчака назначило Штрандмана посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в Югославии. В двадцатые — тридцатые годы он в Белграде занимался оказанием помощи российским беженцам. Его избирали делегатом Нансенского комитета, названного в честь известного мореплавателя. В 1934 году Штрандман стал уполномоченным российского Красного Креста в Югославии. В его окружении нам удалось создать прочные позиции, позволившие в 1938 году выйти на очень важные связи с военными кругами Югославии.

Еще один видный деятель эмиграции, который находился под нашим контролем, — Евгений Васильевич Саблин. Этот человек, проживая в Лондоне, имел большие связи среди англичан. Был дипломатом, секретарем российской миссии в Тегеране. В 1915 году его назначили первым секретарем российского посольства в Лондоне. После Февральской и Октябрьской революций оставался вторым лицом посольства России в Лондоне. Скончался Саблин в английской столице после второй мировой войны. Он был вхож в английский Форин-офис — МИД Великобритании. Долгое время был там внештатным консультантом по российской политике и российской проблематике.

Благодаря деятельности закордонных агентов Дьяконова и Третьякова мы подобрали ключи к еще двум российским эмигрантам — Милюкову и Маклакову. Милюков — фигура известная. Это крупный политический деятель, авторитет которого в кругах эмиграции был очень большой. С ним даже встречались советские дипломаты после окончания войны. Маклаков — крупный государственный деятель дореволюционной России. В октябре 1917 года был послом Временного правительства. Нам удалось полностью контролировать всю его почту, к которой в Кремле проявлялся вполне закономерный интерес. Ибо в переписке Маклакова с Саблиным и Штрандманом давались оценки крупных событий того времени. Причем

комментарии были не только по материалам открытой прессы, но и по важнейшим источникам министерств иностранных дел Франции и Великобритании. После признания Францией СССР в 1924 году Маклаков возглавил эмигрантский комитет, объединявший различные российские и зарубежные организации. Руководил он также центральным офисом по делам русских беженцев в Париже, который был признан французскими властями и Лигой Наций. Вся его деятельность не могла оставаться вне нашего поля зрения.

Но работа по эмиграции — это не только то, что связано с изучением обстановки и анализом ситуации. Работая с эмигрантами, завязывая с ними отношения, формируя подходы и позиции, мы всегда помнили, что это исключительно деликатное дело. Используя тягу россиян, проживающих за границей, к общению, мы получали политическую, экономическую информацию, что не только помогало в оценке той или иной политической обстановки, но и позволяло через этих людей оказывать влияние на развитие событий.

Здесь следует признать, что политическая борьба в нашей стране в значительной степени инспирировалась искусственным преувеличением роли эмиграции в создании внутренней оппозиции. С этим связаны политические процессы в отношении Промпартии, Трудовой крестьянской партии (ТКП), процесс Союзного бюро меньшевиков, которые были инициированы советской внешней разведкой. Наша агентура часто преувеличивала масштаб связей российской военной и политической эмиграции с зарубежными государственными деятелями и спецслужбами. Был и другой аспект. Поступающие агентурные сведения из спецслужб Германии, Франции и Англии некритически констатировали утверждения монархистов, промышленников из числа русской эмиграции о том, что они имеют множество сторонников в Советской России, особенно в кругах научно-технической интеллигенции и среди военных специалистов.

С этим связано одно неприятное событие. Наш видный закордонный агент Третьяков был потрясен, узнав, что его переписка с профессорами Кондратьевым и Рамзиным, которые проходили по делу Промпартии, по обвинению «в организации контрреволюционного заговора», была преподнесена как доказательство в открытом судебном заседании. Имя Третьякова замелькало в официальных советских изданиях. Таким образом произошла его расшифровка. К нему был проявлен соответствующий интерес со стороны немецких и французских спецслужб. Третьяков вынужден был обратиться к нашему

резиденту в Париже и выразить законное негодование по этому поводу.

Надо, однако, признать, сообщения ОГПУ и НКВД из-за кордона отражали не наличие организованной оппозиции в Советском Союзе, а скорее довольно широкое распространение антисоветских настроений главным образом среди интеллигенции и специалистов. Да, эти враждебные настроения имели место, было и оппозиционное отношение к советской власти, и неприятие пятилеток, индустриализации, но все это преподносилось руководству как существование организованного контрреволюционного подполья. Таким образом, следственные органы, опираясь на указания, поступающие сверху в связи с информацией, пришедшей из-за границы, делали определенные выводы. Все это инициировало первую волну репрессий против научно-технической интеллигенции в начале тридцатых годов.

Любопытен такой момент. Агентурная работа английской и французской разведок против СССР вплоть до 1938 года также концентрировалась на использовании русской эмиграции. Англичане даже назначили русского эмигранта В. Богомольца региональным резидентом на Балканах и в Румынии по операциям против Советского Союза. И только в 1939 году, после массовых арестов и чисток в СССР, руководством английской, французской и немецкой спецслужб, особенно после похищения и вывоза нами руководителя «Российского общевоинского союза» Миллера, было осознано, что русская эмиграция нашпигована и разложена агентурой ОГПУ-НКВД. Обострение борьбы между эмигрантскими группировками, во многом спровоцированное нашим проникновением, вызвало у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции, сдержанность в использовании ее кадров. По этой причине в будущей войне она не смогла сыграть важной политической роли, на что первоначально рассчитывали в руководящих кругах Германии, Англии, Франции, США и Японии. И в то же время у англичан, французов, не говоря уже о немцах и японцах, не было других кадров для организации агентурной работы в Советском Союзе, кроме эмигрантов и их родственников, учитывая антисоветские настроения многих из них, а также знание языка и реальной обстановки в стране.

Как разжигались противоречия

После похищения Миллера и Кутепова немцы, разумеется, поняли, что «Российский общевойсковой союз» контролируется нами. Позже к нам попали немецкие директивы, из которых было

ясно, что Германия очень осторожно подходит к сотрудничеству как с русской, так и с украинской эмиграцией. Надо сказать, что мы вели очень большую работу по расколу ОУНовского подполья. Нам было известно, что в агрессивных планах Гитлера ОУНовская организация выходила на первое место для создания немецкого протектората на Украине. Мы заслали в эту организацию агента-украинца. Перед ним была поставлена цель — разжигание противоречий в двух кланах, сложившихся в ОУН. Один из них возглавлял Мельник, другой — Бандера. До августа 1939 года организация украинских националистов возглавлялась бывшим управляющим имением митрополита Шептицкого полковником Андреем Мельником. Мельник претендовал на роль вождя украинских националистов. Другой лидер ОУН Бандера был освобожден немцами из польской тюрьмы, где он отбывал срок за организацию убийства министра внутренних дел Польши Перацкого. Наши действия были направлены на то, чтобы вызвать между ними острый конфликт. Мельник прибыл для переговоров в Краков. Бандера предлагал ему одну из руководящих должностей в главном проводе ОУН, возглавить который намеривался сам. Но они не сговорились, поскольку Мельника это не устроило. Бандера сколотил вокруг себя группу известных националистов, которые укомплектовали батальон «Нахтигаль», выполнявший впоследствии карательные операции на Украине. Со временем Бандера обвинил Мельника в том, что он не использовал благоприятную обстановку для создания самостийной Украины в момент падения Польши, а также способствовал засорению ОУН агентами польской полиции. Так, Ярослав Барановский, постоянно сопровождавший полковника Коновальца, за опоздание в одной из поездок (воспользовавшись которым, я ликвидировал Коновальца) был объявлен агентом польской охранки и расстрелян самими бандеровцами.

По сути дела, именно Бандера создал раскол в ОУН. Он являлся, по словам Мельника, прежде всего «диверсантом с маниакальными наклонностями». Мельниковцами даже распространялись слухи о том, что он был агентом советской разведки. В этом они заподозрили члена бандеровского провода адвоката Горбового и «сдали» его немцам. После войны он был нами перевербован и сыграл большую роль в уничтожении бандеровского подполья во Львове.

В эмиграции были разные течения. Она не представляла единого кулака, выступающего против советской власти, чем мы активно пользовались. Существовало противоборство между украинской, российской и кавказской эмиграцией. Например, для русских эмигрантов раздражителем номер один была

деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Это настроение содержалось в эмигрантской переписке, которую перехватывал НКВД. Нам стало известно, что украинские националисты при поддержке немцев, в случае поражения СССР, хотят воссоздать украинское независимое государство, в чем их не поддерживало белоэмигрантское крыло антисоветской эмиграции на Западе.

То же относится и к кавказской эмиграции. «Независимая Грузия», созданная грузинскими меньшевиками и укрывавшаяся в качестве эмигрантского правительства в Париже, также вызывала большое беспокойство в белоэмигрантском крыле российской монархической эмиграции, которая никаких симпатий к разделу России не испытывала и считала эту деятельность антирусской, антигосударственной. Наша агентура старалась использовать это настроение.

Противоборство эмигрантских группировок очень сильно на себе ощущал наш противник. Он был дезориентирован в направлениях их деятельности, тщательно скрывал свои контакты с ними и постоянно попадал впросак; офицеры английской и французской разведок не очень четко ориентировались в особенностях наших отношений с Прибалтикой и Украиной. И лишь после войны, когда встал вопрос о борьбе с СССР на совершенно иной основе, американцы решили создать антибольшевистский блок народов во главе с последним премьером Временного правительства Керенским, осевшим тогда в США. Но из этой затеи ничего не вышло. Против подчинения великодержавным русским националистам выступили сначала украинцы, а затем и другие эмигрантские националистические организации.

Вокруг Чехословакии

Наряду с материалами из Лондона от Кэрнкросса через каналы русской эмиграции были получены, от Штрандмана и Саблина, подтверждающие данные о ближайших планах западных держав к разрешению чехословацкого кризиса, о предательстве ими Бенеша и об отказе Франции от гарантий, данных Чехословакии в 1934 году.

В связи с событиями в Чехословакии осенью 1938 года через эмиграцию мы были проинформированы о том, что западные державы намерены твердо вести линию на договоренность с Гитлером. Сообщение было получено за три недели до подписания знаменитого мюнхенского соглашения. Эта же

информация ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве, которое и подталкивало Сталина в 1938 году к активным действиям в Чехословакии — поддержке акции Бенеша по свержению правительства Югославии, во главе которого был тогда Милан Стоядинович. Суть вопроса состояла в следующем. Чехословакия и Югославия при поддержке Франции подписали соглашение о создании так называемой малой Антанты, целью которой была защита территориальной целостности Югославии и Чехословакии. Когда обстановка в 1937 году стала обостряться и возникла так называемая проблема судетских немцев, мы получили сведения о том, что правительство Милана Стоядиновича не собирается выполнять свои обязательства перед Чехословакией. Фронт поддержки Чехословакии с юга был оголен, и рассчитывать на прочные тылы не приходилось. Бенеш пытался переубедить югославов и решил прибегнуть к нашей помощи. Мы поддались на уловки военизированной ассоциации «Объединение или смерть» и сербской экстремистской группы «Черная рука», их возможности по свержению Стоядиновича оказались невелики. Однако то обстоятельство, что чешские и югославские круги, взаимодействуя друг с другом, прибегают к негласной поддержке СССР, для нас было очень кстати. Надо сказать, что секретное соглашение между СССР и Чехословакией было заключено еще в 1935 году, а с югославами в 1940-м, когда в Москве был создан тайный канал связи между Кремлем и Белградом.

В январе 1940 года нами через эмиграцию была получена докладная записка генерала Деникина по русскому вопросу, представленная премьер-министру Франции Даладье, в которой содержалась оценка «интернациональной политики большевизма». Эмиграция и Деникин в январе 1940 года первыми оценили реалии советской внешней политики, указав на то, что «великодержавные, геополитические соображения защиты глобальных российских интересов доминируют над принципами большевистского интернационализма и поддержки мирового революционного движения».

Для нас эта информация имела очень важное значение. Из нее мы не только узнали ход мыслей противника, но и увидели (хотя мной это воспринималось совершенно естественно), что в записке Деникина четко формулировались общие установки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам, в частности о том, что мировое коммунистическое движение должно прежде всего действовать в направлении поддержки СССР, а не классового противостояния в капиталистическим мире. Но самым важным было то обстоятельство, что мировое

коммунистическое движение, деятельность компартий Европы, опора на наших зарубежных друзей и источников — все это было подчинено главной цели советской внешней политики — утверждению СССР как ведущей державы на международной арене. Таким образом, идеологические соображения в практической деятельности Коминтерна со второй половины тридцатых годов были отодвинуты на второй план. Коммунистические партии зарубежья мы рассматривали как свой боевой резерв в будущем военном противостоянии.

Работа с эмиграцией позволила нам выйти на самые ценные источники информации, которые негласно разделяли нашу идеологию и взгляды. Эти люди внесли огромный вклад в нашу победу в войне с фашизмом. Они стали со временем, как теперь говорят, агентами влияния. Тогда такой термин мы не использовали. Мы считали их искренними друзьями и опорой Советского Союза.

Невольно возникает вопрос: почему эмигранты сотрудничали с нашей разведкой? К этому времени Советская Россия играла уже иную роль в мировой политике. Это особенно почувствовалось после вступления нашего государства в Лигу Наций, превращения его в великую державу. Именно эти события подтолкнули руководителей эмиграции на официальные и негласные контакты с советскими представителями. Надо не забывать, что эмиграция была неоднородной. Среди нее были монархисты, меньшевики, эсеры, националисты. Тут следует выделить одно существенное обстоятельство, известный парадокс. Сталин лично знал видных деятелей эмиграции, в особенности грузинских меньшевиков. Французские, английские разведывательные и контрразведывательные службы также уделяли повышенное внимание грузинской эмиграции, полагая, что через нее можно выйти на грузинское окружение Сталина или Берии. Такой интерес к грузинской эмиграции с нашей стороны и западных спецслужб привел не только к активному противоборству в течение длительного периода, но и определил на длительную перспективу значение Кавказа и в особенности бакинской нефти в военной и внешнеполитической деятельности Советского Союза, Англии и Франции в тридцатые — сороковые годы.

Нам удалось также наладить тесную связь с эмиграцией, осевшей на Дальнем Востоке. Этой работой руководил первоначально Я. Минскер, затем С. Шпигельглаз, а после И. Чичаев и начальник восточного отделения ИНО М. Яриков. Нынешние историки разведки не особенно распространяются об их роли, за исключением Чичаева. А зря! Причина простая.

Шпигельглаз, а затем Яриков были репрессированы по клеветническим обвинениям. К этому приложили руку не только Берия, Кобулов, но, к сожалению, и их коллеги-сослуживцы, которые позднее заняли важные посты в аппарате разведки. Скажем, В. Пудин, ветеран ЧК, участник операции против Савинкова, активно обличал Ярикова и Шпигельглаза в шпионаже, являясь вместе с тем их подчиненным в ряде операций на Дальнем Востоке. А впоследствии Пудин препятствовал реабилитации Ярикова и Шпигельглаза органами военной юстиции.

Военная разведка и эмигранты

Состояние работы по эмиграции во многом предопределило характер взаимодействия советских разведывательных органов за рубежом. В частности, военная разведка тоже держала связь с эмиграцией. Но при этом она не могла решать многие вопросы без данных оперативных учетов НКВД. Именно по этой причине первоначально в США, Германии, Франции, Китае создавались в двадцатые — тридцатые годы совместные резидентуры ИНО ОГПУ и Разведупра Красной армии.

Новый этап начался после провалов Разведупра, когда разведывательное управление Красной армии «усилилось» А. Артузовым, прекрасно знавшим эмиграцию, который привел с собой и назначил на руководящие должности Штейнбрюка и Карина, видных работников Иностранного отдела НКВД и имеющих огромный опыт агентурной работы. Военная разведка стала более внимательно оценивать людей при использовании эмигрантов русского происхождения, принимала во внимание их связь с зарубежными спецслужбами и контрреволюционными организациями.

Этот этап работы с эмиграцией привел нас к осознанию необходимости проверки не только эмигрантов-агентов первой волны. Мы стали придавать значение родственным связям эмигрантов с крупными государственными чиновниками в администрациях Англии, Франции, США и в большей степени Германии.

С середины тридцатых годов среди эмиграции сложился новый психологический климат в отношении к нашей стране. Это произошло под влиянием событий, связанных с войной в Испании, с вторжением Японской армии в Китай. Повлиял и мировой кризис 1929–1933 годов, а также небывалый рост престижа нашей страны, информация о научных открытиях,

достижениях техники, трудовом энтузиазме. Многие другими глазами стали смотреть на новую Россию благодаря поездкам к нам видных зарубежных деятелей — Бернарда Шоу, Герберта Уэллса.

Эмигрантов настраивало на сотрудничество с нами признание Западом советского государства как важнейшего фактора в мировой политике, его роль в пересмотре Германией Версальских соглашений.

Именно на идеологической основе, на симпатиях к коммунизму начала тайное сотрудничество с советской разведкой знаменитая «Кембриджская пятерка», группа видных деятелей научно-технической интеллигенции США, Англии, Франции и т. д. Привлекая их к агентурной работе на идеологической основе, мы старались не ставить во главу угла идеологию в контактах с ними. Хотя все информационные источники, привлеченные на идеологической основе, безусловно, считались наиболее надежными.

Сотрудничество эмиграции с западными спецслужбами создавало фон информации, поступавшей как по линии военной разведки, так и по линии НКВД в Кремль. И эта информация уже в канун войны, до заключения в 1937–1938 годах советско-германского пакта о ненападении, в разгар войны в Испании и обсуждения великими державами трагической судьбы Чехословакии ставила перед нами вопрос о налаживании контактов с Германией и о возможном советско-германском соглашении.

Эмиграция, как чувствительный слой, по наводящим вопросам работников немецких, английских и французских спецслужб ощущала, что все больше превращается в разменную монету в отношениях между Западом и Советским Союзом. Но она уже втянулась в эту жизнь и, как говорится, вошла во вкус.

Прощупывание позиций крупных европейских держав накануне войны отразилось на настроениях русской эмиграции, неизбежно вовлекло ее в лабиринты разведывательных операций и тайной дипломатии в Европе и на Дальнем Востоке.

Антисемитизм или борьба за власть?

В работе советской разведки по эмиграции в тридцатые годы выделилось новое направление — борьба с троцкизмом. Здесь приходилось опираться прежде всего на коминтерновские резервы, особенно на первоначальном этапе. Мы не ставили перед нашей эмигрантской агентурой задачу по ликвидации Троцкого, а

использовали ее преимущественно для организации наружного наблюдения за троцкистами. Нам важно было проникнуть в троцкистские эмигрантские организации, искавшие выходы на установление связей со своими единомышленниками в Советском Союзе. Для этого эффективно были использованы негласные агентурные ячейки аппарата компартий, отпочковавшиеся от Коминтерна. Классический пример — использование литовской группы братьев Дмитрия и Алексея Сеземанов, Ю. Айдулиса и др. Эта группа отделилась от литовского комсомола и была перенацелена на проникновение в штаб-квартиру троцкистской организации в Париже.

Нельзя не отметить, что троцкистские группы на Западе в большей части состояли из лиц еврейского происхождения. Поэтому у нас возникла необходимость в агентуре, которая имела бы связи с их родственниками, знакомыми и так далее. Пришлось использовать выходы на еврейские мелкобуржуазные и социал-демократические организации, в общение с которыми входили интересовавшие нас лица. Нами была использована, в частности, спецагентура из сионистских организаций в Палестине, завербованная Я. Серебрянским по указанию Дзержинского еще в конце двадцатых годов.

Именно эти группы наиболее эффективно действовали по разложению троцкистского движения и уничтожению его руководителей. Похищение троцкистского архива в Париже, ликвидация секретаря исполкома IV Интернационала были бы невозможны без участия этой агентуры.

То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в тридцатые годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата.

Сейчас нередко можно услышать наивный вопрос: как удалось натравливать евреев на евреев? При этом подразумевается убийство Троцкого. По этому поводу могу сказать, что в работе разведки всегда ставка делалась на внутренний раскол и соперничество в среде противника, что было характерно для националистических организаций. Нельзя не учитывать и того, что сионистские, организации и еврейские группы социал-демократического толка, примыкавшие к

социалистическому Интернационалу, вели смертельную борьбу друг с другом. В годы войны доходило даже до того, что сионистские лидеры в неофициальных секретных беседах с советскими представителями, в частности с М. Литвиновым, К. Кукиным и сотрудником разведки В. Хангуловым, ясно давали понять, что они не рассматривают расстрел советскими властями лидеров Бунда — еврейской социал-демократической партии — Г. Альтера и В. Эрлиха, ныне реабилитированных, как проблему «преследования евреев» и ни в коей мере не участвуют в антисоветской пропаганде Бунда по этому вопросу.

Советско-германский пакт о ненападении

Гитлер, а не Сталин первым протянул руку

Бытует мнение, что советско-германский пакт о ненападении якобы был обусловлен жестом Сталина, который выразился в смене Литвинова Молотовым в качестве наркома иностранных дел. Ходили и такие слухи, что родственник Сталина Канделаки, работавший в нашем торгпредстве в Берлине, зондировал с гитлеровским руководством вопросы по поводу нормализации советско-германских отношений еще в 1935–1937 годах. И на этой основе поддерживались неофициальные связи в области экономического сотрудничества и поиска общих интересов в сферах международной политики с Германией.

Очень часто пакт о ненападении с Германией изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце тридцатых годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений.

Но хотелось бы напомнить, что сказал Черчилль. Он писал, что в «истории дипломатических отношений западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества… после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях, в самых больших масштабах».

Я не собираюсь вдаваться во всю предысторию этих отношений, потому что в нашей литературе, особенно об истории разведки и дипломатии, все это довольно подробно описано. Но хотелось бы указать на следующее. Весной 1939 года (тогда я стал одним из руководителей внешней разведки органов безопасности) начался тот самый период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых, любого вида сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предрешена.

Американские, английские и советские правящие круги, используя свои разведывательные и дипломатические каналы, были наиболее осведомленными в сфере секретных контактов, которые завершились подписанием пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года и началом 1 сентября 1939 года второй мировой войны.

Немцы имели сильные выходы на правящие круги США, Франции, Англии, но не понимали секретных пружин американской и английской политики. Это происходило потому, что, по нашим агентурным данным, Гитлер переоценивал, связи, которые у него были в окружении премьер-министра Англии Н. Чемберлена. Успех мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскружил ему голову. Он считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 года предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому, недолго думая, заявил о своих претензиях к Польше. Таким образом традиционная линия в английской внешней политике — умиротворить Гитлера и направить его на Восток, была нарушена.

Упускается, однако, из виду, что тогда Гитлером еще не были определены сроки развязывания войны. Как следовало из наших агентурных материалов, 25 марта 1939 года он склонялся к тому, что возможно решение конфликта с Польшей мирным путем, но 29 марта его карты были спутаны, потому что Англия, проглотив заявление о занятии Чехословакии, неожиданно выступила с инициативой предоставления гарантий Польше. Сразу же у тех, кто был у руля европейской внешней политики, возник вопрос: чего будут стоить эти гарантии, и именно после этого начинался известный раунд советско-англо-французских консультаций.

Информация, которой располагали, полученная от «Наследника», очень надежного источника, помимо Кембриджской пятерки, а также материалы, предоставленные небезызвестным банкиром Виктором Ротшильдом, проходившим в нашей оперативной переписке под псевдонимом «Джек», подтверждали, что советско-германский пакт о ненападении не стал сдерживающим фактором для Англии и Франции, на что рассчитывал Гитлер. Было очевидно, что, несмотря на существующее прогерманское влияние в английских правящих кругах, Англия не пойдет на компромисс в отношении Польши, а значит, ввяжется в войну. Пакт же с СССР для Гитлера являлся передышкой. Что же касается Польши, то он, опираясь на реальные боевые возможности вермахта, рассчитывал на молниеносный ее разгром.

Феномен «странной войны», которая развернулась на Западе

с 3 сентября 1939 по май 1940 года, был не чем иным, как успешной реализацией немцами плана предотвращения полномасштабной войны на два фронта, поскольку германские вооруженные силы не были к этому готовы. Этим и объясняется линия Гитлера на мирные экономические отношения с Россией.

Очень часто Сталину приписывают инициативу договориться с Гитлером. На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов. В этой связи следует выделить два направления деятельности нашей внешней разведки, которые связаны с именами начальника отделения ИНО по Турции и Ближнему Востоку В. Хангулова и заместителя начальника ИНО Н. Мельникова. У них концентрировались материалы по первым зондажным подходам немецких дипломатов к советским официальным представителям.

Весной 1939 года мы получили первые сигналы из французской резидентуры об изменениях в польско-французских отношениях как традиционных союзников. Французские правящие круги, сообщал наш агент, завербованный еще Серебрянским и работающий в канцелярии премьер-министра Франции Даладье, очень раздражены зигзагами и шараханьем в польской внешней политике, и ее министр иностранных дел Бек не пользуется у них серьезным доверием.

Таким образом, еще весной 1939 года мы были осведомлены о том, что польско-французские и польско-английские отношения находятся в подвешенном состоянии. И, следовательно, тот зондаж, который был начат с нами о содружестве и гарантиях западных держав в отношении Польши, когда Гитлер выступил с открытыми территориальными претензиями к ней, уже воспринимался нами очень сдержанно.

В то же время Польша изъявляла гораздо большее желание договориться с Гитлером об урегулировании возникшей ситуации. В связи с этим мне вспоминается совещание в кабинете начальника ИНО Фитина относительно сообщений, поступивших из Турции, на котором присутствовал и Хангулов. Надо сказать, что, как только германское посольство в Турции возглавил фон Папен, он поставил ряд острых политических вопросов перед нашими представителями. Мне пришлось этим серьезно заниматься, потому что, с одной стороны, наш посол сообщал о беседах, которые у него были с Папеном, с другой — в то время как резидентура ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве — главной целью Палена было добиться в любом варианте неофициальной встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, который находился тогда в

Турции. (Сейчас недооценивают значение этих событий.)

Надо сказать, что в то время у нас с Турцией складывались особые отношения: через эту страну прорабатывались довольно деликатные вопросы связей СССР со странами Запада. Турецкое руководство стремилось играть роль неофициального посредника между Советским Союзом, Англией и Германией в обсуждении спорных проблем.

Сообщение нашей резидентуры о том, что немцы просят турок через свои связи в Москве выйти на кремлевское руководство, пришло почти одновременно с информацией о беседе, которую имел наш посол в Турции А. Терентьев с фон Папеном.

Помнится, Хангулов и Мельников докладывали эти материалы Фитину, а потом и Меркулову. Интересно, что запись беседы посла СССР в Турции Терентьева с Папеном вел сотрудник Иностранного отдела НКВД, работавший под прикрытием в посольстве. Немецкое руководство посредством Папена ставило перед нами весьма важные вопросы. Они касались политики на Балканах, будущего стран Восточной Европы, стабилизации обстановки на Кавказе и в Иране.

Вторая беседа Терентьева с Папеном состоялась уже по инициативе советской стороны. Обсуждался вопрос, касающийся урегулирования конфликта Германии с Польшей. При этом Папен был довольно сговорчив. Но вместе с тем он излагал концепцию Германии о ее обязательном присутствии на Балканах и необходимости установления новых отношений с СССР. Папен неоднократно повторял, что между Советским Союзом и Германией нет никаких неразрешимых противоречий, которые бы препятствовали их сближению, что нужно строить отношения совершенно по-другому, на новых основах. В шифровках содержались даже такие высказывания, что идеологические разногласия надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам дружественных отношений между Россией и Германией.

Должен откровенно признать, что, несмотря на эти материалы, мне и в голову не могло прийти, что вскоре, всего через три месяца, будет подписан важнейший договор с Германией о ненападении и экономическом сотрудничестве. Я тогда не понимал, что соображения Папена перекликались с тезисом, который Сталин высказывал еще на XVII и на XVIII съездах партии в своих отчетных докладах о разграничении идеологических противоречий и необходимости поддержания соответствующих межгосударственных отношений. Таким образом, становилось очевидным, что советское руководство,

давая директивы Терентьеву на дальнейшее прощупывание позиций Папена, рассматривало его не просто как посла, а как бывшего канцлера, руководителя немецкого правительства. Было ясно, что по собственной инициативе Папен не мог делать подобных заявлений (подтверждение этому мы получили из Берлина) и что он направлен Гитлером в Турцию послом с широкими полномочиями. В его задачу входило превратить Турцию в важнейшую нейтральную страну, мощную буферную зону, через которую следует прощупывать все возможные повороты в ближневосточной политике.

Сейчас много говорят о советско-германских тайных переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так. Буквально через две недели зам. наркома иностранных дел В. Потемкин оказывается вовлеченным в секретные переговоры с англичанами, которых также интересовали позиции советского правительства по мирному сотрудничеству.

И наконец, примерно в то же время, когда Потемкин беседовал с английским послом в Турции, проходила историческая встреча в Москве Молотова с немецким послом в СССР Шуленбургом, который ставил вопрос об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург вел разговор об экономическом соглашении, но Молотов ответил, что экономическим переговорам должна предшествовать соответствующая политическая база и что советская сторона заинтересована в получении конкретных разъяснений в этой области. Противоречия между Германией, Англией и Францией активно втягивали СССР в самые узловые проблемы международных отношений. Внешнеполитическая деятельность Советского Союза постепенно приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира.

В 1990 году М. Горбачев и А. Яковлев устроили широкую дискуссию по поводу советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Поражает фарс организации слушаний по этому вопросу на съезде народных депутатов. В критические периоды мировой истории тайная дипломатия и секретные протоколы — неизбежные атрибуты внешней политики. В отличие от рядовых парламентариев, и Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, в то время тайно договаривавшиеся с руководством США, Англии и Германии о кредитах, займах в обмен на уход СССР из Восточной Европы, прекрасно отдавали

себе в этом отчет. Вся возня вокруг секретных протоколов к советско-германскому пакту была затеяна весьма искушенными в делах тайной дипломатии людьми с целью отвлечь внимание общества от собственных провалов во внешней политике, от односторонних, ничем не оправданных стратегических уступок западным державам. Ничем, кроме «искреннего» тупоумия и профессиональной некомпетентности нельзя объяснить их расчеты на то, что страны Запада экономически помогут возрождению «демократии» в СССР в обмен на внешнеполитические уступки и одностороннее прекращение «холодной войны». За всем этим, по-моему, скрывалась наивная вера, что Запад поможет Горбачеву в условиях кризиса в Советском Союзе удержаться у власти.

«Редактор», Бенеш и Рузвельт

Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отзыва в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной армии. В нашей переписке он значился как «Редактор». По указанию Москвы Уманский установил личные тесные связи с президентом Чехословакии Бенешем, находящимся в изгнании в США. При этом Бенеш выступал в качестве посредника между Рузвельтом и советским руководством. Этот факт у нас, к сожалению, должным образом не освещался. А он, между прочим, заслуживает серьезного внимания. Встречаясь с Уманским, Бенеш излагал позицию Рузвельта по ряду узловых проблем развития обстановки в Европе. О переговорах и встречах с Бенешем Уманский докладывал наркому иностранных дел Молотову и НКВД. Иногда его сообщения с резолюциями Берии или Меркулова направлялись Фитину и мне.

Несмотря на то что Бенеш оказался в эмиграции, а Чехословакия была оккупирована, он считал своим долгом регулярно продолжать работу по поддержанию секретных советско-чехословацких отношений. Даже в трудное для себя время он очень ответственно подходил к выполнению взятых перед нами обязательств. Так, в сентябре 1938 года в самый канун своего бегства из Чехословакии он дал указание чешскому военному концерну, выполнявшему заказ на изготовление оружия для республиканской Испании, перечислить 1,5 миллиона фунтов стерлингов, полученных от СССР, на счет советского

коммерческого банка в Париже. В то время заказ этот уже невозможно было выполнить, поскольку создалась реальная угроза оккупации Чехословакии. Средства же эти в счет депонированного в 1936 году испанского золота сыграли большую роль при выведении республиканского актива из-под удара фашистов на заключительной стадии гражданской войны в Испании.

При встрече с «Редактором» Бенеш сообщил, что его европейская, в том числе и немецкая агентура подтверждает ранее переданные данные о планах Гитлера, не дожидаясь конца сентября, осуществить захват Данцигского коридора, а затем нанести удар по Польше. Бенеш назвал три направления главных ударов и концентрации немецких войск, которые впоследствии полностью подтвердились. Это бросок из Восточной Пруссии на юго-запад, затем на Познань и операции в Верхней Силезии.

Расчет немцев, по информации Бенеша, сводился к тому, что для англичан и французов их маневр будет неожиданным, поэтому они отреагируют не сразу. Используя их растерянность и отсутствие договоренности с Советским Союзом, операцию можно будет продолжить в течение двух-трех недель, после чего открыть «очередное мирное наступление» на англо-французов и добиться, как с Испанией, их невмешательства. Далее Германия должна была двинуться на юго-восток. Если расчет на англо-французское невмешательство не подтвердится, немцы планируют осуществить воздушное нападение на Англию. По сведениям Бенеша, первыми жертвами юго-восточного этапа агрессии станут Греция, Албания и Хорватия. Первоначальные планы восстания и интервенция в Добрудже (Румыния) заморожены.

Бенеш сообщал и об интенсивном давлении немцев на Польшу, требующих не допустить присутствия на их территории чехословацких формирований и выдать им наиболее видных из перебравшихся в Польшу чешских военных. Бенеш отметил, что в случае ожидаемых им событий он даст сигнал к развертыванию движения сопротивления в Чехословакии.

Другое сообщение Уманского было адресовано только Сталину, Молотову и Берии. В нем ставился поднятый Бенешем вопрос о советском содействии в формировании чехословацкого легиона на территории Польши, о новых формах сотрудничества советской и чешской разведок в рамках московского соглашения 1935 года. Уманский информировал, что Бенешем даны указания прибывшему в Лондон полковнику Моравцу, руководившему чешской агентурой, установить рабочие связи с представителем советской военной разведки в Лондоне.

Вся эта информация опровергает безответственные

утверждения о том, что советско-германское соглашение о ненападении было экспромтом Сталина и Молотова.

Впоследствии полковник Моравец поддерживал связь с нашим послом в Лондоне Майским, военным атташе, а позднее и резидентом НКВД. Бенеш во время встреч с Майским обсуждал планы участия Чехословакии в создании Восточного и Западного фронтов против Германии в случае ожидаемого начала войны.

Надо сказать, что американские и английские правящие круги отдавали себе отчет о двойной роли Бенеша. Например, Черчилль после возвращения Бенеша из США в Англию напрямую спросил его, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?». Практически через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. Это совершенно не исследованный, но достоверный факт в истории нашей разведки и дипломатии.

Благодаря Бенешу впервые нам стало ясно и другое: идти на заключение соглашения с английскими и французскими правящими кругами в условиях разногласий между ними по поводу сближения с Советским Союзом и о возвращении к идее коллективной безопасности в Европе, бесперспективно. Такая ситуация подстегивала наше руководство к поиску эффективного политического решения. И, разумеется, в поисках его никто не был озабочен соображениями абстрактной морали. Для нас, что необходимо подчеркнуть, никогда не означали какой-либо общей заинтересованности в мировой революции. Мы четко представляли, что победа мировой революции может быть осуществлена только на основе укрепления материального могущества Советского Союза. И ради этой цели, ради укрепления нашей страны перед нами не стояло вопроса о том, кого использовать.

Почему узел вокруг отношений с Уманским приобретает очень важное значение в период первого этапа зондажных переговоров с немцами в начале лета 1939 года? Дело в том, что Уманский имел постоянную тесную связь с министром финансов США Генри Моргентау, правой рукой президента США Рузвельта. А одним из главных консультантов Моргентау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гарри Декстер Уайт, он же «Кассир» в нашей переписке. Под прикрытием урегулирования с советским послом вопросов задолженности, признания царских долгов Моргентау и Уайт зачастую в неформальной обстановке передавали советской стороне исключительно ценную внешнеполитическую

информацию об отношении правящих кругов США к развязыванию войны в Европе и японской агрессии на Дальнем Востоке.

Любопытна и роль Рузвельта в этом неформальном неофициальном диалоге. Он был предельно откровенен с Бенешем, не скрывал от него своей двойственной позиции, что не собирается использовать имеющиеся у него рычаги воздействия на англичан и французов. Например, он откровенно говорил о своей заинтересованности в успехе наших переговоров с англичанами и французами, употребляя в то же время крепкие выражения в их адрес за непоследовательность. Иными словами, мы получали через Бенеша и Уманского четкую информацию помимо той, которая шла из Англии о нежелании правящих кругов Англии и Франции договариваться с нами об отпоре фашистской агрессии. Таким образом, зная об этой двойной игре стран Запада, советской дипломатии ничего не оставалось, как вести одновременно переговоры и с англо-французской, и с германской сторонами.

Мы имели также проверенную информацию о двойственной, а точнее, антисоветской позиции Польши, стремившейся спровоцировать военное столкновение Германии и Советского Союза.

На потепление отношений с Германией заметно повлиял один эпизод, связанный с освобождением из испанского плена группы моряков из экипажа нашего корабля «Комсомолец», потопленного немцами, или фалангистами, и капитана другого корабля — «Цюрупы». В это активно была вовлечена разведка НКВД. Мы обратились к немцам с просьбой посодействовать в освобождении моряков, в чем они нам не отказали.

Надо сказать, что улучшение наших отношений с Германией произошло на фоне крупномасштабного конфликта СССР с Японией в мае — августе 1939 года. Именно в период напряженных боев, когда исход сражения на Халхин-Голе был еще не решен, немцы выступили с очень важным заявлением о том, что нам не следует переоценивать угрозу перерастания военного конфликта на границах Монголии в большую войну. И предложили свою помощь в урегулировании советско-японских отношений. Для достижения компромисса по этому вопросу, считали они, Советскому Союзу необходимо поддержать Китай. Молотов вначале отмолчался по этому поводу. Но немцы дали понять, что осложнение отношений между Англией, США, Францией и Японией — это существенный повод, не способствующий вовлечению СССР в войну с Японией, которая слишком увязла в Китае. При этом нам доверительно сообщили,

что не кто иной, как Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел Германии, провел беседу с японским послом Осимой в Берлине и высказался в пользу нормализации отношений между Германией, СССР и Японией.

В критический для нас момент, еще до победы на Халхин-Голе, благодаря немцам мы узнали о серьезнейших противоречиях и разногласиях между японским послом в Берлине Осимой и его японским коллегой в Москве — Того. По линии НКВД советское правительство получило подтверждение этой информации. Наша радиоконтрразведка и агентура контролировали переписку между посольством Японии в Москве и японским МИДом. Символично, что Сталин и Молотов именно из этого, второго источника получили подтверждение, что японский посол в Москве, который со временем стал министром иностранных дел Японии, занимает позицию мирного урегулирования советско-японских отношений. Это была очень важная информация, поскольку военные события на Дальнем Востоке связывали руки советскому руководству в довольно сложной ситуации со стороны Запада.

Канделаки — торгпред и сталинский эмиссар

В зарубежной литературе много материалов публиковалось о тайной миссии Давида Владимировича Канделаки, торгпреда СССР в Берлине в 1935–1937 годах. Высказывались предположения, что он имел поручение прощупать позицию немцев на предмет улучшения отношений с нами. Канделаки был известен на Западе как крупная фигура, занимающаяся не только внешнеполитической деятельностью. До этого он был торгпредом в Швеции, работал с полпредом Коллонтай, был вхож в круги, близкие к Сталину, возможно, лично с ним встречался.

Однако роль Канделаки неправомерно преувеличивается. Перед ним ставилась задача сохранить с Германией экономические отношения, установленные в двадцатые годы. Именно по этой причине Канделаки встречался с верхушкой немецких финансово-промышленных кругов. В наших архивных документах остались некоторые следы его связей. Об этом мне говорил Л. Безыменский, наш крупнейший историк советско-германских отношений.

Надо отметить, что судьба Канделаки сложилась трагично. Но трагичной оказалась судьба всех людей, занятых в неофициальных переговорах об улучшении российско-германских отношений. Канделаки был принесен в жертву в связи с тем, что

кремлевская верхушка стремилась всячески отмежеваться от тех, кто знал о нашей большой заинтересованности в экономических отношениях с западными развитыми странами независимо от их политического строя. Канделаки фактически был одним из свидетелей конкретной линии советской политики, проводимой людьми очень среднего номенклатурного уровня, вне высшего политического руководства. Кому-то было дозволено об этом знать, а кто-то оказался вовлеченным в эти операции, не будучи сотрудником спецслужб, но находясь на дипломатической работе или занимаясь внешнеторговой деятельностью.

Канделаки оказался как бы попутчиком в исполнении специальных поручений. И поскольку информация о его контактах с министром финансов, крупнейшим банкиром нацистов Я. Шахтом всплыла в Германии, в западной прессе, то судьба Канделаки была предрешена. Он был объявлен немецким шпионом и расстрелян в 1938 году, хотя никаким шпионом он не был. Это было сознательное преступление советского руководства, которое таким образом заметало следы.

Вместе с тем важно отметить и другое. Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия, о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди действительно были в Германии но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось, к сожалению, не столь значительным.

М. Розенберг: «Мои стремления к оперативной работе очевидны…»

Второй жертвой тайных контактов, преследовавших осуществление намерений влиятельных немецких кругов, стал Марсель Розенберг, первый координатор работы Разведупра и Иностранного отдела ГПУ, наш временный поверенный в делах во Франции, позже заместитель генерального секретаря Лиги Наций и первый советский посол в республиканской Испании. В истории нашей дипломатии он, к сожалению, совершенно обойден вниманием. А ведь именно Розенберг обеспечил работу по завершению подписания советско-французского пакта о взаимопомощи в 1935 году. Он блестяще справился с поручением разведать у французского банкира Танери о реальных намерениях

Германии, которая вынашивала планы поделить с Польшей советскую Украину.

Розенберг сыграл также ключевую роль в организации вступления СССР в Лигу Наций, опираясь на свои широкие связи среди прогрессивной общественности и влиятельных дипломатов Франции, Румынии, Испании и Чехословакии.

Не могу не привести драматические строки из его письма от 13 декабря 1937 года, адресованного им Сталину. Оно чудом сохранилось в архивах НКВД и было приобщено к его уголовному делу. Копию письма передала в МИД России вдова посла Марианна Ярославская.

Вот этот текст:

«Мои отношения с товарищами по работе были принципиальными и выдержанными. Я на любой работе считал, что выполняю задание, вправе до получения директив отстаивать по конкретным вопросам свою точку зрения, не плетясь в хвосте того или иного ведомственного руководителя. Именно с этим связаны мои отношения с Чичериным, когда они были не безоблачными, они были в корне подорваны тем анализом позиций Турции, который я дал в качестве поверенного в делах Турции. Еще до этого я давал сигналы относительно политики афганского правительства, которые не соответствовали романтическому представлению Чичерина о нашей политике на Ближнем Востоке. В курсе этого товарищи Литвинов и Суриц.

Мои отношения с Крестинским испортились в период моего пребывания в Париже. Он, как правило, старался систематически проваливать все исходившие от меня предложения, касающиеся французских дел. С тов. Литвиновым я реже расходился в оценке конкретных вопросов, однако и с ним мне приходилось часто не соглашаться по существенным вопросам нашей дипломатии и дипломатической политики. Причем тов. Литвинов, наверное, не считал, что в этом сквозило мое желание показаться оригинальным или какие-либо моменты личного порядка. Никогда я не делал карьеру чиновничью. К уходу в 1926 году из Народного комиссариата иностранных дел в аппарат ЦК, на низовую работу никто меня не принуждал. К моменту ухода из НКИД я занимал должность заведующего вспомогательного бюро. Это бюро было специально создано для разработки секретных материалов ГПУ и разведуправления Красной армии. Кроме того, на этой должности я имел доступ ко всей секретной переписке Народного комиссариата иностранных дел. Я ушел из НКИД, так как на этой работе не имел никакого касательства к живому делу. В силу этого мои стремления к оперативной работе были очевидны. Я просил ЦК через посредство тов. Литвинова

пересмотреть решение о направлении меня на работу в Лигу Наций. Через тов. Литвинова я, начиная с 1934 года, неоднократно устно и письменно ставил вопрос о переводе меня на какую угодно работу внутри Союза.

Работая в Женеве, я был в курсе всех перипетий нашей внешней политики — благодаря частым наездам нашей делегации в тот период и благодаря контакту с Парижским полпредством. Я домогался освобождения от работы в Женеве, так как в основном был лишь в роли наблюдателя среди руководства.

Сознание, что ни в моем настоящем, ни в моем прошлом нет ничего, из-за чего меня следовало исключать из партии, побуждает меня еще раз обратиться непосредственно к вам, товарищ Сталин».

К этому стоит добавить, что Розенберг совместно с агентом советской разведки, корреспондентом ТАСС в Париже В. Кином провели труднейшую работу по выявлению реальной позиции фашистского банкира Шахта в отношении к Советскому Союзу. Но тем не менее и Кина, и Розенберга, и замнаркома иностранных дел, бывшего посла в Берлине Н. Крестинского не миновала трагическая участь. Они были арестованы и казнены якобы за шпионаж и измену.

Чудовищные обвинения в попытке установить секретные контакты с немецкими властями, предъявленные Крестинскому и Розенбергу, имели под собой тайную подоплеку, но руководство страны прекрасно знало, что все обвинения против этих людей — сплошная фальсификация и вымысел, что все их действия за рубежом базировались на неукоснительном выполнении указаний правительства СССР.

Говоря о Розенберге, нельзя не отметить его выдающиеся способности дипломата и разведчика. Именно он привлек к сотрудничеству с Советским Союзом известного журналиста Женевьеву Табуи, последовательно разоблачавшую прогитлеровскую и антисоветскую политику умиротворения фашистской агрессии. Благодаря ей советская разведка опубликовала в авторитетной не только левой, коммунистической прессе материалы о преступлениях фашистских легионов в Эфиопии и Испании. Книга Табуи «Меня называют Кассандрой» принадлежит к числу лучших произведений антифашистской публицистики. Табуи также активно участвовала в нашей разведывательной работе при подготовке советско-французского договора о ненападении, подписанного в 1935 году.

Деятельность и контакты Розенберга получили значительное

развитие и в сороковые годы. Его доверенное лицо, видный французский общественный деятель, министр правительства народного фронта и антифашистской коалиции в сороковые годы Пьер Кот, товарищ «Дедал», сыграл большую роль в осуществлении поставок самолетов республиканской Испании, в антифашистской борьбе. Помогая Литвинову в США, нашему резиденту Зарубину, ведя с нами важную переписку, «Дедал» достойно продолжил дело своего соратника и учителя.

Георгий Астахов

И наконец, еще одна достойнейшая личность — Георгий Астахов, советник нашего посольства в Берлине с 1938 года, также ставший жертвой репрессий. Именно он был тем, кто вынес на своих плечах основную тяжесть в поддержании тайных советско-германских отношений и подготовку всех договоренностей, подписанных 23 августа 1939 года. Несмотря на ведущую роль Астахова в начальной стадии переговоров по пакту о ненападении и то, что он был принят на высшем уровне, его осенью 1939 года отстранили от работы в НКИД, а в феврале 1940 года по специальному указанию Молотова Астахов был арестован и обвинен в двойной игре.

Георгий Александрович Астахов был, однако, не просто дипломатом. Он первым проложил дорогу к советско-германскому пакту о ненападении. С ноября 1938 года ему был поручен, так же как Уманскому в США, ряд обязанностей резидента разведки НКВД в Берлине. Занимался Астахов прежде всего политической разведкой, но поддерживал агентурные связи. При этом его сообщения о политической обстановке в стране, адресованные Берии, в аппарат ИНО не спускались. Насколько я помню, все телеграммы, два письма за его подписью подлежали обязательному возврату в секретариат НКВД. Астахов мужественно держался во время следствия, ни в чем себя виновным не признал. Неоднократно обращался к Берии, напоминая о выполнении им важных поручений по линии НКВД. Первоначально его держали в тюрьме «на всякий случай», если понадобится, поскольку он хорошо знал немецких руководителей. И только в 1941 году Астахов был осужден в массовом порядке, когда военная коллегия в условиях надвигавшейся войны штамповала приговоры арестованным в 1938–1939 годах. Астахов погиб в лагере. Материалы о его деятельности находятся не только в уголовном деле, но и в архивах Берии, Молотова, а также в архивном фонде секретариата НКВД-НГКБ.

Зимняя война с Финляндией

Секретный диалог

1939–1940 годы — период испытания договоренностей с Германией, испытания на выдержку немцев в связи с развертыванием наших военных действий в Финляндии. Как известно, в планировании военных операций в Финляндии было допущено много ошибок. Но разбирать их — дело не мое. Я только хочу коснуться так называемого финляндского вопроса в связи с тем, что перед нашей разведкой была поставлена задача — ускорить заключение мирного договора с финнами в марте 1940 года. Это было поручено выполнить отозванным в 1938 году в Москву резиденту НКВД в Хельсинки с 1935 года Б. Рыбкину (Ярцеву) и его заместителю и жене З. Рыбкиной. За эту операцию впоследствии Рыбкин (Ярцев) был награжден орденом «Знак Почета», а его жена — почетным знаком и грамотой «Заслуженный работник НКВД».

В январе-феврале 1940 года после провала нашего первого наступления на Карельском перешейке состоялась их поездка в Стокгольм, где наша разведка через посредничество заместителя министра иностранных дел Швеции Садлера начала предварительные зондажные контакты. Секретные переговоры вел Рыбкин. Для контроля переговоров и связи с финскими и шведскими агентами нашей резидентуры в Стокгольм одновременно был командирован один из активных участников «чистки» в ИНО НКВД в 1938–1939 годах, партийный выдвиженец А. Граур. Впоследствии он какое-то время в 1941 году возглавлял шведскую резидентуру НКВД, после чего был отозван в Москву. Работая в центральном аппарате как начальник отдела внешней разведки, Граур отличался особой подозрительностью к людям, что сыграло трагическую роль в судьбах некоторых наших разведчиков. Только после войны Граур был уволен, когда стало ясно, что он был психически серьезно болен: придя на прием к начальнику разведки П. Федотову, он «сознался» в своей работе на американскую разведку.

Так вот, на Рыбкина, который вел секретные переговоры, возлагалась исключительно ответственная миссия. Война с Финляндией вызвала резкую негативную реакцию на Западе. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Несмотря на показной немецкий нейтралитет, мы прекрасно понимали, что если увязнем в этом конфликте, то он ослабит нас и толкнет на

путь конфронтации с гитлеровцами, у которых были серьезные интересы на Балтийском море, хотя Финляндия признавалась с их стороны зоной наших интересов.

З. Рыбкина в Стокгольме в январе-феврале 1940 года провела огромную работу по подготовке секретных переговоров. Впрочем, секретными они были только для широкой общественности. Финское руководство прекрасно знало, что к подготовке мирного соглашения с русскими подключена Х. Вулиоки, известная писательница и доверенное лицо, «агент советского правительства». Поездка Вулиоки в Стокгольм и встреча с «супругами Ярцевыми» (с целью обсуждения условий предварительного соглашения о мире) проходила фактически с ведома и благословения финских властей. История этих переговоров — интересный пример того, как агент советской разведки с конца 1920 годов «Поэт» превратилась из информатора в политического посредника, деятельность которого в конечном счете принесла большую пользу обеим странам.

Однако финнам не было известно, какие соображения докладывал Рыбкин в правительство и руководство разведки о перспективах заключения мирного договора.

Сообщения Рыбкина были настолько важны, что направлялись не только в НКВД, но и в наркомат обороны. Главный вывод Рыбкина был таков: заключение мира абсолютно реально, но при условии нанесения финнам довольно серьезного поражения на фронте, которое сделает невозможным дальнейшее затягивание переговоров. Он настаивал на продолжении бомбардировок военных объектов Финляндии, в частности линии Маннергейма, что должно было продемонстрировать безусловное превосходство воздушных сил Красной армии, учитывая, что авиация Финляндии была ее ахиллесовой пятой. Прорыв линии Маннергейма и выход нашей армии на оперативный простор, считал Рыбкин, предопределит неизбежную капитуляцию финнов. Он довольно точно указал незначительность угрозы высадки десанта западных стран в Финляндию. Как оказалось, Запад основные планы возлагал на англо-французскую десантную операцию, которую планировалось провести не в Финляндии, а в Норвегии, чтобы выйти к финской границе и воздействовать оттуда на развитие событий.

В свете сложившейся обстановки необходимо отметить, насколько весомым был в то время успех советской дипломатии и разведки. Начало военных операций Германии против Норвегии, столкновение немцев с англо-французским флотом и десантом произошло спустя две недели после заключения мирного договора с Финляндией. Таким образом Советскому Союзу

удалось избежать втягивания в полномасштабный военный конфликт Второй мировой войны, развернувшийся на суше и на море в Скандинавии.

Финская кампания обнаружила крупные недостатки в ведении боевых действий и в организации разведки Красной армии. На повестку дня встал вопрос кадрового обновления в вооруженных силах и в органах госбезопасности. Это коснулось и нашей разведывательной работы в главных капиталистических странах. Мы, к сожалению, в 1938–1939 годах вынуждены были прибегнуть к консервации ряда важных источников нашей разведки в Германии, Франции, Англии, США, Маньчжурии в связи с бегством и предательством ряда руководящих работников, резидентов советской разведки и органов безопасности в 1937–1938 годах — Орлова-Никольского, Кривицкого, Порецкого-Рейса, Штейнберга и Люшкова.

«Дело 7 апреля»

Но вернемся к началу финских событий в апреле 1938 года. Очень много говорят о провалах и неудачах советской политики и просчетах в финской войне. Мои встречи и беседы с нашим резидентом в Финляндии Елисеем Тихоновичем Синицыным, которые проходили в 1987–1988 годах (в то время, когда он работал над книгой воспоминаний), дали мне возможность несколько по-иному взглянуть на то, что происходило накануне и во время боевых действий. Какова была роль разведки в обеспечении внешнеполитических целей СССР по отношению к Финляндии? Как действовала разведка в период войны? Каким образом взаимодействовали военная и внешнеполитическая разведки?

К финским событиям, которые были знаковыми для нашей внешней политики, мне довелось подключиться в сентябре 1939 года. Бытует точка зрения, что после подписания пакта Молотова — Риббентропа у Советского Союза были развязаны руки в отношении Финляндии. Однако, несмотря на признание балтийского пространства сферой наших внешнеполитических интересов, что было зафиксировано на советско-германских переговорах, руководство и командование вооруженными силами Германии не было заранее нами проинформировано о планах в отношении Финляндии. Тем не менее немцы о них узнали.

Нам стало известно из надежного источника через МИД Германии, что финны поставили в известность немцев о секретном зондаже Рыбкина в апреле 1938 года. В наших

архивных материалах, насколько я помню, это фигурирует под кодовым названием «Дело 7 апреля».

Об этом, считаю, стоит рассказать подробнее, как и о феномене Рыбкина, передававшего тогда предложения советского правительства руководству Финляндии, причем втайне от советского посла в этой стране.

Еще в 1937 году руководство НКВД, в частности, Ежов как нарком выдвинул предложения по мирному урегулированию отношений с финнами и о необходимости закулисных переговоров с ними. Рыбкин был назначен секретным уполномоченным советского правительства, поскольку именно он инициировал эти предложения.

Для Сталина и Молотова была подготовлена справка, в которой давалась оценка политики Финляндии и определялись пути сотрудничества с ней. В справке говорилось, что финское правительство не было германофильским и существуют реальные условия для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту воздействия СССР. В документе предлагалось поставить перед Хельсинки вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с условием соблюдения неприкосновенности границ. Предлагалось гарантировать финнам поставки советского вооружения и техники. В справке также были приведены характеристики руководящих деятелей Финляндии, указывались возможности для активного негласного, но важного для нас сотрудничества с Аграрной партией Финляндии. (Впоследствии для создания партии мелких хозяев Рыбкину было передано около десяти миллионов финских марок наличными. Эти деньги были использованы для укрепления наших позиций в основном через министра финского правительства Пекалла и его брата, агента советской разведки.) Подготовленная Рыбкиным справка фиксировала наличие в стране мощного агентурного аппарата советской разведки, способного в известной мере оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Финляндии.

Кстати, о возможности ареста Рыбкина. На него имелся ряд показаний репрессированных сотрудников ИНО. Как руководящий работник, он был отозван в Центр в 1938 году, но поскольку «Дело 7 апреля» было возложено на Рыбкина, любое действие в отношении такого человека могло быть предпринято только с согласия Сталина. А финская тема оставалась приоритетной, несмотря на неудачное для нас завершение секретных переговоров летом 1938 года. Кстати, Рыбкин в беседе со Сталиным, Ворошиловым и Молотовым высказал сомнение, что финны пойдут на секретное соглашение с Советским Союзом.

Как ценный работник, проявивший себя еще в 1929 году в перехвате тайной переписки Троцкого и его сторонников в компартии Германии, не вовлеченный ни в какие политические игры и фракции, он продолжал работать в Центре и пользовался полным доверием руководства. Да и на дворе уже стоял не 1937 год. И самое, может быть, главное. В связи с тем, что Рыбкин сохранил свое положение в Центре, не ставилась под сомнение действовавшая агентура в Финляндии. При смене руководства НКВД были лишь предприняты обычные меры по ее дополнительной проверке в новой политической обстановке накануне войны.

Для СССР военное решение финского вопроса было вынужденным шагом, ибо мирные переговоры с финнами о переносе границ закончились ничем. Таким образом с сентября по ноябрь 1939 года мы начали военные приготовления и смогли сохранить это в тайне от немцев и финнов.

Тем не менее напряженность осенью 1939 года в советско-финских отношениях нарастала, и финны демонстративно вели работу по укреплению своей границы, что, как им казалось, усиливало позиции на переговорах с нами. С этим были связаны обстоятельства, которые нас поначалу удивляли, — финская контрразведка не противодействовала советскому военному атташе в изучении будущего театра военных действий вблизи Выборга и на Карельском перешейке. Мы-то расценивали проникновение в эти районы как успех разведывательной операции. Финны же, демонстрируя нам мощь своих укреплений, давали понять, что нам потребуется длительная подготовка к военным действиям.

Однако, как известно, все произошло не так, как мы рассчитывали. Нашим военным руководством была допущена ошибка в оценке военных возможностей Финляндии. Считалось, что с нею удастся справиться силами войск Ленинградского военного округа. Внезапное нападение, которое было предпринято в ноябре 1939 года, застало и финнов, и немцев врасплох, поскольку никаких чрезвычайных переброс наших войск ими зафиксировано не было. И тем не менее группировка Ленинградского военного округа потерпела поражение в попытке прорвать с ходу оборону финнов на Карельском перешейке. Война с Финляндией преподнесла урок, недостаточно учитываемый и теперь. Скрытность и внезапность военного нападения не должны быть самоцелью военной или специальной операции. Необходимо тщательно просчитывать соотношение сил на театре военных действий и в особенности отрабатывать организационный механизм о развертывании военной кампании.

Следует отметить, что перед началом и во время военных действий в Финляндии наша военная разведка и органы НКВД располагали большим количеством разведывательных данных. Это объяснялось и тем, что репрессии практически обошли стороной руководителей разведки по Скандинавии, которые работали в ИНО. Не был подвергнут репрессиям и аппарат военного атташе, бесперебойно работавший в Финляндии в тридцатые годы. Однако информация о противнике, его тактике и вооружении, которую докладывали высшему руководству, по непонятным причинам не спускалась на уровень командиров армий, корпусов и дивизий, которым предстояло вести боевые действия. Не потому ли командование Красной армии в боях на Карельском перешейке ожидали очень большие и неприятные сюрпризы?

Ко мне понимание этого пришло не сразу, лишь в самый канун Отечественной войны, когда мы уже вели подготовку в ожидании нападения Гитлера. Тогда Н. Эйтингон разъяснил мне эти азбучные истины. Надо сказать, что роль Эйтингона в истории советской разведки в годы войны уникальна. Это был единственный руководитель разведки органов госбезопасности (кроме Н. Мельникова), имевший высшее военное образование. Но у Мельникова был накануне войны лишь небольшой опыт агентурно-оперативной работы. Эйтингон же в Академии штаба РККА учился вместе с будущими известными военачальниками — маршалами В. Чуйковым, Я. Головановым и другими.

Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии — Елисей Тихонович Синицын. В отличие от Рыбкина он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Синицын закончил разведывательную школу, во время событий в Польше участвовал в обеспечении деятельности нашей оперативной группы. Таким образом, имел опыт работы в экстремальной обстановке боевых действий, хоть и не очень большой. Но зато он в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе.

Очень часто противопоставляют разведку и дипломатию. На мой взгляд, это происходит от неправильного представления самой сути этой работы. В периоды военных конфликтов мы всегда держали в горячих точках резидентов, которые одновременно являлись и высшими должностными лицами советской дипломатии. Так было с Синицыным, когда он работал, что называется, на два фронта в Финляндии, так было и с А. Панюшкиным — резидентом и полпредом СССР в Китае, когда там шла гражданская война, потом война с Японией. И не совсем

уж давний пример. Ветеран ИНО НКВД, закончивший разведывательную школу первого выпуска, А. Алексеев, он же Шитов, в решающий момент стал советским послом в Республике Куба. И делалось это в тех случаях, когда нужно было сосредоточить усилия дипломатов и разведки в одних руках и проводить активные дипломатические действия, опираясь на агентуру, которая была лично известна главному резиденту в стране.

Несколько слов о наших недостатках и упущениях в финских событиях. Известно, что в военном отношении операция по прорыву линии Маннергейма была плохо подготовлена. Сроки начала ее постоянно сдвигались. Большие недоработки были и с нашей стороны. Синицын вез с собой в Финляндию десяти миллионов финских марок для финансирования деятельности компартии и выезда финских коммунистов в Швецию, которые впоследствии, как мы планировали, должны были войти в правительство Куусинена. Перед отъездом Синицын получил неверную ориентировку от Берии о том, что война начнется не раньше, чем через три дня. Однако военный конфликт развернулся в день его приезда в Хельсинки. Со своим аппаратом Синицын попал под бомбежку нашей авиации. Бомбы сыпались рядом с советским посольством.

Вспоминается эпизод, когда Синицын в октябре 1939 года был вызван в Москву для срочного доклада наркому иностранных дел Молотову как временный поверенный в делах. Встречали его представители наркома иностранных дел и с вокзала привезли в кабинет Молотова. Это вызвало резкое недовольство Берии: почему он как резидент не явился вначале с докладом к своему непосредственному начальнику?! После в кабинете Берии состоялся довольно нелицеприятный разговор. Я присутствовал при этом вместе с Фитиным. Синицын докладывал Берии. Он, как человек недостаточно опытный в аппаратных условностях, начал с информации, которую он только что доложил Молотову и как тот ее воспринял. Чтобы остановить Синицына, я дважды наступал ему под столом на ногу. Только таким образом удалось прервать его. Ведь Берия ждал доклада не о политической обстановке в Финляндии, которую он и без Синицына хорошо знал, а хотел услышать предложения по задействованию и использованию агентов, бывших в его распоряжении, причем не только среди финских руководящих кругов, а и в МИДе, аграрной и социал-демократической партиях Финляндии.

Еще один любопытный момент. Поскольку Синицыну не удалось до начала военных действий вывезти родственников Куусинена из Финляндии, а также в связи с большими иллюзиями

относительно удачного исхода начавшейся кампании, в середине декабря 1939 года руководством было принято беспрецедентное решение — отправить резидента страны, с которой идет война, в отпуск до конца января 1940 года! И это в то время, когда срочно требовались какие-то справки, данные его личные наблюдения. Однако все обошлось благополучно. Фитин, исключительно доброжелательный и чуткий человек, устроил все так, чтобы Синицын, не дай Бог, не попался на глаза ответственным работникам международного отдела ЦК, жаждавшим наказать его «за провал партийного поручения».

С Синицыным связан еще один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы «Суоми», которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Синицына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако, когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Невероятно, но это так: никому не пришло в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны.

Анализ уроков войны с Финляндией

Главным выводом для советской разведки после анализа военных действий в Финляндии стала необходимость регулярного обмена разведывательной информацией между НКВД, Разведупром Красной армии и разведуправлением наркомата Военно-морского флота. На совещании по итогам войны с Финляндией Сталин бросил резкие упреки начальнику Разведупра РККА И. Проскурову, после чего он был отстранен от должности. Связано это было с информацией резидентуры военной разведки и НКВД из Лондона и Парижа о намерениях англичан и французов в апреле 1940 года начать бомбардировки Бакинских нефтепромыслов. Информация об этом, кстати, была достоверной, но с одной существенной оговоркой относительно сроков. Сталин немедленно принял решение об увеличении нашей закавказской военной группировки в три раза. Сразу же после перемирия началась переброска туда с финского фронта войск, имеющих боевой опыт, в том числе сил и средств ПВО и

ВВС. Эти меры в целом были оправданы. Сталин, безусловно, понимал, что изменение военной обстановки в Европе сорвало англо-французские замыслы относительно наших нефтепромыслов, но он использовал неподтвердившиеся предупреждения о бомбардировках для критики руководства наркомата обороны за неудовлетворительные, как он считал, разведывательные операции и как предлог для снятия начальника военной разведки.

Впрочем, сообщения об угрозе англо-французского десанта в Скандинавии и бомбардировок Баку имели и другое важное последствие, когда разведывательная информация была быстро реализована наркоматом обороны. Разведка получила указания тщательно изучить ближневосточный театр военных действий. Тогда впервые с материалами, добытыми разведкой, были ознакомлены не только представители военной разведки, но и офицеры оперативного управления Генштаба.

Как я уже говорил, впоследствии это стало правилом — наиболее важные сообщения по военным вопросам по линии НКВД для оценки направлялись в разведывательное управление Генштаба. В его составе был образован специальный отдел военно-технической информации. Кроме того, к нам в НКВД стали регулярно поступать обзоры из разведывательных управлений Генштаба и ВМФ.

И наконец, хочу уточнить еще один момент. Утверждать, что только разведка по военно-дипломатической линии сыграла ключевую роль в завершении войны с Финляндией, было бы неверно. Более правильно подчеркнуть объективную ситуацию, создавшую благоприятные возможности для разведки в подготовке мирного договора с Финляндией. Во-первых, немцы напрямую не поддерживали Финляндию, они были заинтересованы в том, чтобы финны заключили с нами мирный договор, уступив территорию на Карельском перешейке, и сделать это советовали им неоднократно. Во-вторых, нейтральная Швеция оказалась между двух огней. Больше всего она боялась в этой войне потерять свой нейтралитет. Поэтому шведская дипломатия оказала нам всемерную поддержку в этом мирном урегулировании. Конечно, многое сделали и наши серьезные агентурные позиции в шведском дипломатическом ведомстве.

В заключение, говоря об уроках для разведки в финской кампании, следует подчеркнуть, что наркомат Военно-морского флота наиболее полно реализовал разведывательную информацию о складывающейся обстановке на Севере. Насколько я помню, накануне англо-германских военных действий в Скандинавии нарком Военно-морского флота адмирал

Н. Кузнецов издал специальную директиву флотам о том, как действовать в условиях, когда Англия стремится восстановить утраченные рубежи для наступления на СССР, проводит подготовку к десантной операции в Норвегии с целью создать военно-оборонительный союз стран Скандинавии и Финляндии. В отличие от руководства наркомата обороны и Генштаба, Н. Кузнецов сумел не экспромтом, а заранее, на основе продуманной системы мер обеспечить высокую боеготовность своих соединений к отражению нападения гитлеровцев.

Не могу не сказать, что, когда Германия напала на Норвегию и началась англо-германская схватка, мы вздохнули с облегчением. Для нас это означало затяжку войны на Западе. Но, как показали дальнейшие события, силы противников, их планы были нам недостаточно известны. К этому следует добавить, что опыт боевых операций на фронтах Западной Европы после польской кампании нами также не был должным образом проанализирован и использован.

Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах

Наши шаги навстречу противнику

Прошло уже немало лет, но почти не обобщен материал, который был накоплен органами госбезопасности в ходе важных военных операций в западных Украине и Белоруссии, Буковине и Молдавии, осуществленных Красной армией в 1939–1940 годах. Очень мало написано и сказано об опыте разведывательной и контрразведывательной работы на территориях, занятых нами в соответствии с секретными протоколами. Между тем именно в это время мы напрямую столкнулись с деятельностью немецкой разведки в будущей полосе фронтовых операций. Созданные нами в исключительно быстром темпе агентурные позиции позволили уже в конце 1940 года составить довольно четкое представление о будущем театре военных действий.

В начале августа 1939 года, после моего возвращения из краткосрочной командировки в Западную Европу, по полученным важным сведениям становилось все более и более очевидным приближение военного столкновения. При распределении обязанностей среди заместителей Фитина, а их было несколько, мне было поручено заниматься подготовкой всех необходимых мер на случай начала военных действий.

Генштаб с самого начала выделял два главных направления в будущей войне. Первое — Западное, где Германия и Польша были основными противниками. Второе — Дальневосточное, здесь Япония, вне всяких сомнений, серьезно угрожала Советскому Союзу. Кстати, разгром Японии на Халхин-Голе совпал по срокам с заключением советско-германского соглашения о ненападении. Надо отметить, что перспектива развития военных действий на Дальнем Востоке была предметом большой озабоченности в Кремле, и тут нельзя не отдать должное квалифицированной работе нашей контрразведки, в особенности радиоконтрразведке и ее дешифровальному подразделению, которым успешно руководили Шевелев и Блиндерман.

Нам удалось подобраться к японским шифрам благодаря агентурным источникам в японском посольстве и кропотливой работе наших шифровальщиков. В отличие от советских посольств за границей, а также американских и английских, японские дипломатические миссии и военно-разведывательные

органы, работавшие под их прикрытием, обменивались между собой текущей информацией, минуя доклады в свой центр в Токио. Скажем, японское посольство в Москве регулярно поддерживало связь с японским консульством в Вене, японским посольством в Хельсинки, японскими представительствами в Бухаресте, Турции, Италии. Благодаря этому мы имели широкий доступ к японской шифропереписке и разведывательной информации, получая таким образом уникальные сведения. Например, из сообщений японского консульства в Вене, перехваченного в конце августа 1939 года, стало известно, что резервы Японии на Халхин-Голе исчерпаны и никаких реальных планов перенесения военных действий на Дальний Восток и Забайкалье у японского командования нет. Заключение советско-германского пакта о ненападении окончательно охладило японцев.

Информация об этом, доложенная руководству страны, развязывала нам руки. Согласно советско-германскому протоколу, мы могли предпринять активные действия в Европе, но обстановка, складывающаяся на Дальнем Востоке, заставляла все делать с оглядкой на Японию. Теперь же мы могли усилить нашу группировку на Западном направлении за счет дальневосточных резервов без особых опасений. Важно было и то, что это обстоятельство позволило разработать меры по широкому маневру нашими силами и средствами в условиях ограниченных возможностей железнодорожного транспорта. Тем более что в это время руководство НКВД докладывало Сталину и Молотову о крупных недостатках в работе наркомата путей сообщения, что не могло не отразиться на мобилизационных планах Красной армии. Положение было выправлено только в годы войны, когда перевозки на железных дорогах были буквально поставлены на «почасовый» контроль транспортного управления НКВД.

В августе 1939 года, как докладывал агентурный аппарат, организационно-мобилизационная работа в приграничных военных округах велась очень слабо. Отмечалась низкая боевая готовность ряда подразделений войск Белорусского военного округа, о чем неоднократно ставились в известность и правительство, и нарком обороны Ворошилов, а также начальники самостоятельных подразделений органов госбезопасности. Это послужило причиной для увольнения командующего войсками Белорусского военного округа И. Ковалева и назначения на эту должность К. Тимошенко, возглавлявшего в то время Киевский военный округ. (Впоследствии он показал себя собранным, волевым организатором взаимодействия различных родов войск в ходе

операции в Польше, в связи с чем был назначен командующим войсками в финской войне, а затем возглавил наркомат обороны.) Видя явные промахи Ворошилова как наркома обороны и главнокомандующего, Сталин, вероятно, хотел расставить на ключевых должностях в наркомате обороны людей, имеющих опыт руководства боевыми действиями в новых условиях.

Нельзя не сказать о крупных недостатках и организационной неразберихе в ходе польской кампании и при вводе войск в Прибалтику, о чем руководству страны было известно. Военная контрразведка регулярно направляла важные сообщения о неблагополучной обстановке в Военно-воздушных силах Красной армии, что выражалось в слабой организации взаимодействия различных родов войск и ВВС, плохом состоянии ПВО, особенно в приграничных военных округах, которые развернуты были во фронты.

Сейчас известно, что приказ о подготовке к выдвижению войск на территорию Восточной Польши и Западной Белоруссии последовал сразу же после первых дней нападения Германии на Польшу, однако, кроме командования пограничных войск, никто из руководителей разведки и контрразведки НКВД об этом не был проинформирован. Мобилизация офицеров запаса по линии госбезопасности и дополнительный набор из среды военных и партактива на службу в органы НКВД рассматривались нами лишь как проведение обычных учебных сборов и расширение штатов в связи с обострением международной обстановки. Знаменательно, однако, что учебные сборы по линии запаса НКВД были использованы для последующего комплектования разведывательных и контрразведывательных оперативных групп в процессе продвижения наших войск на Запад.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что в условиях начавшейся войны из чекистского и общевоинского запаса, а иногда прямо из заключения на службу вернулись уволенные в результате чисток 1937–1938 годов опытные оперативные кадры. Это ныне широко известные А. Коротков, В. Фишер, Р. Абель, Е. Зарубина, Г. Хейфиц, К. Кукин, Ф. Парпаров и другие. Вместе с присоединившимися к ним из заключения и запаса Я. Серебрянским, И. Каминским, Н. Белкиным, М. Яриковым, П. Зубовым они также передали свой богатейший опыт молодым кадрам, включившимся в разведывательную работу после окончания Школы особого назначения. Таким образом, советская разведка выполнила свои задачи в годы войны, несмотря на тяжелейшие потери по линии репрессий.

В этот период резко возросла роль территориальных органов

безопасности в ориентировании правительства относительно событий, происходивших в Западной Белоруссии и Прибалтике. Органы НКВД Белоруссии и Украины, транспортное управление докладывали о реальной обстановке на сопредельной территории, о продвижении немецких войск, о реакции в Польше в связи с поражением ее войск на основных фронтах. Наше выступление против поляков было неизбежным, поскольку мы должны были встретиться с немецкими войсками на рубежах, определенных соглашением, и преградить им путь к вторжению на западные территории Белоруссии и Украины. Нами учитывалось то обстоятельство, что «Карпатская Украина» разыгрывалась немцами и французами накануне войны как козырная карта против СССР. Поэтому нельзя было допустить, чтобы немецкие войска оккупировали территорию, где могла быть провозглашена независимая Западно-Украинская республика.

И наконец, еще одно обстоятельство. События в Польше показали исключительную важность взаимодействия территориальных органов безопасности и военного командования. В 1939 году впервые ориентировки Генштаба и Разведупра стали направляться в органы НКВД, в частности, развернутые сообщения о положении в Латвии, Литве с указанием характеристик войсковых частей, которые могут противодействовать движению Красной армии и сотрудничать с немецкими военными властями.

Директива НКВД о задачах работы в «освобождаемых районах Западной Украины и Белоруссии» обязывала все операции органов НКВД ставить в зависимость от действий военного командования. Речь шла о взаимодействии разведывательных и контрразведывательных органов прежде всего с военным командованием Красной армии. Наши же самостоятельные задачи были направлены на то, чтобы выявить и задержать участников, стоящих на оперативном учете, контрреволюционных белогвардейских формирований, таких как «Братство русской правды», «Российский общевойсковой союз», поскольку эти организации продолжали оставаться базой для антисоветской работы и шпионажа на отошедших к Советскому Союзу территориях.

Директива также гласила, чтобы мы ни в коем случае без крайней необходимости, за исключением участников беспорядков и уголовных преступлений, не задерживали немецкое население, проживающее как в Западной Украине, так и в Польше. Ряд немецких офицеров, попавших в плен к полякам, были освобождены и переданы нами Германии.

Происходящие события на западных рубежах СССР кардинально изменили оперативную обстановку и условия нашей деятельности. Чем дальше вместе с войсками мы продвигались на Запад, тем ощутимее становилось непосредственное соприкосновение с вероятным противником. Нами уже были установлены посещения руководителями немецкой разведки — абвера — Прибалтики. Немцы исходили из того, что присутствие частей Красной армии в Прибалтике, в Белоруссии и в Восточной Польше с 1939 года в полосе, которая им знакома, создавало очень большие возможности для изучения Красной армии, ее организации, структуры, средств связи, уровня боеготовности войск. В этом они опирались на националистические и военизированные организации Прибалтики.

Приезды туда шефов абвера Канариса и Пикенброка еще более активизировали широкую агентурную сеть. Тем не менее в прибалтийских странах мы располагали неплохими возможностями для выявления деятельности немецкой разведки, поскольку их основные разведывательные центры были нам известны. В сентябре 1939 года нашим службам удалось проникнуть в немецкую агентурную сеть на территории Западной Украины.

Появилась возможность использовать украинские националистические организации, которые в то время вели ожесточенную борьбу за власть. Создание же советско-немецкой комиссии по репатриации открывало возможность нашей агентуре проникать на оккупированную немцами территорию под видом беженцев или лиц немецкого происхождения. Соглашение, заключенное между нами и немцами, беспрепятственно разрешало беженцам переселяться на территорию Варшавского генерал-губернаторства и даже в Германию, что для нас было особенно важным. Мы ориентировали своих агентов на длительное пребывание там с целью активно изучать немецкое население, живущее в Прибалтике и на Западной Украине, а также насаждать и вербовать агентуру из тех, кто переселялся в Германию. Эта операция была утверждена Берией и Меркуловым. Когда речь пошла о подготовке вывода на немецкую территорию ряда наших агентов, к этому подключили и меня.

В канун 1940 года перед нами встал вопрос нового комплектования кадров органов госбезопасности. Было принято специальное постановление правительства, согласно которому на службу в органы привлекались лица из коренных национальных меньшинств, проживавших на освобожденных нами территориях Польши, Украины, Румынии. Разумеется, имелись в виду те, кто прошел тщательную проверку. Лучшей рекомендацией была

работа в подполье, в комсомоле, взаимодействие с подпольными партийными организациями. Среди чекистов призыва 1940 года был и прошедший школу подпольной работы в Румынии, ставший потом партизаном и разведчиком-нелегалом Герой Российской Федерации Ю. Колесников.

На освобожденной территории

В конце 1939 года пребывание советских войск в Прибалтике и в Западной Украине было оформлено подписанием международных соглашений с правительствами Литвы и Латвии. Упорядочился вопрос фильтрации и проверки беженцев, переселявшихся на эти территории, утверждены были инструкции по опросу нарушителей. И самое главное — нами были вскрыты попытки противника всячески активизировать изучение всего, что касалось будущих военных действий Красной армии. Мы захватили ценные материалы и архивы агентов польской разведки, которые имели непосредственный выход на Германию. Их немедленно отправили в Москву, где была начата работа по использованию их контактов и связей, которые поддерживались польскими консульствами на территории Советского Союза.

После окончания военных действий во Франции немецкая разведка резко активизировала свои действия против СССР. Мы засекли сосредоточение немецких войск вблизи советской границы, что, естественно, вызвало соответствующую настороженность в Москве. После поступления первых же сигналов была принята директива о том, чтобы каждые десять дней направлялись сводки о действиях гитлеровцев на оккупированной территории. Эта директива была разослана в пограничные войска, в местные территориальные органы безопасности и в органы военной контрразведки.

Разведка противника стремилась координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине, в Румынии. Связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины, — в Одессу и Крым. Центром их деятельности, как оказалось, были Черновицы.

Большим достижением наших контрразведывательных органов было раскрытие так называемого «немецкого народного управления», занимавшегося шпионажем на территориях, освобожденных Красной армией. Причем нам стали известны руководители отделений этого «народного управления». Наш новый сотрудник Ю. Колесников сообщал, что «Немецкий народный совет германцев в Бессарабии» возглавляет офицер

абвера. Основное направление его работы — сельские колонисты-крестьяне, которыми заправлял спецагент немецкой армейской разведки агроном Раймонд Артур. Было у него и специальное отделение по работе среди женщин. Им руководила также сотрудничавшая с абвером некая Б. Альма. Немецкая резидентура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Были созданы отделения совета по работе среди молодежи, школьников.

Нас особенно интересовал руководитель культурного отделения профессор Кох Герберт. Когда в этот германский совет прибыл немецкий консул из Черновиц, нами была командирована туда оперативная группа, в которую для усиления маскировки включен негласный сотрудник советских органов безопасности, немец по происхождению, известный композитор Л. Книппер. При его участии деятельность немецкой агентуры в значительной степени была поставлена под наш контроль. Нам удалось добыть вопросники абвера, которые использовались при подготовке немецкой агентуры.

Ценные сведения о деятельности немецкой агентуры стали поступать по линии транспортного управления. Переброски немецких войск по железной дороге из Западной Европы в Польшу, Венгрию, Румынию постоянно с 1940 года находились в поле нашего зрения.

Накануне войны также было зафиксировано стремление немецких разведывательных органов насадить свою агентуру в службах Киевского особого военного округа из числа местных жителей, особенно в сфере обслуживания войсковых частей, материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины.

Достижение договоренностей с Германией о занятии территории Западной Украины, а потом и Молдавии усилило и такое явление, как массовый переход на нашу сторону агентуры польской и румынской разведки, что значительно улучшило наши возможности по изучению противника. Крупные оперативные игры, проведенные накануне войны украинским и молдавским НКВД, базировались в значительной степени на перебежчиках, в число которых входили и агенты румынской разведки. Один из таких перебежчиков в Бессарабии, некто Мельников, будучи связанным с румынской разведкой, перебросил на нашу территорию значительное количество агентуры. Он выдал нескольких связных, работавших на французские разведывательные службы. Причем один из агентов французской разведки «Гебров», захваченный нами, дал очень ценные показания о деятельности французских разведорганов. Он знал

многих агентов польской и румынской разведок и опознавал их. По ходатайству НКВД вынесенный ему смертный приговор был заменен двадцатилетним лишением свободы. Позже, даже в послевоенное время, «Гебров» использовался в качестве опознавателя агентуры немецкой, румынской и французской разведок, а также активно работал в лагерях немецких военнопленных.

В ходе польской кампании возникла еще одна проблема. Связана она была с обновлением и упорядочением взаимодействия разведывательных и контрразведывательных органов, поскольку вся разведывательная работа на новых территориях базировалась первоначально на старых контрразведывательных учетах.

Но этого было явно недостаточно. В сжатые сроки были проанализированы попавшие в наши руки исключительно ценные материалы из захваченных архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб.

Немцы проявляли большой интерес к вербовке советских граждан и перемещенных лиц. Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый «принцип немецкой крови». Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза. Вскрытые нами центры по подготовке агентуры и для проведения операций против Красной армии позволили сделать весьма интересный вывод о том, что немцы свое внимание концентрировали преимущественно на ведении чисто военного шпионажа. Они проявляли повышенный интерес к штатам, документам, дислокации и вооружении войск Красной армии.

Однако мы тогда не понимали, что вся разведывательная деятельность абвера и гестапо была подчинена выполнению функций разведывательного и диверсионного характера для подготовки первого сокрушительного удара по Красной армии. Теперь очевидно, что задачи по добыванию экономической и политической информации противником в значительной мере нами недооценивалась. Мы же, фиксируя относительно слабую работу немецкой политической разведки, склонны были оценивать это обстоятельство как упущение нашей контрразведки, которая не обнаружила «выходов агентуры противника» на руководителей районного звена, колхозов, совхозов, и получения информации в их среде. Как выяснилось позже, для этого немцы использовали агентуру из числа активистов националистического подполья.

Несколько слов о том, как комплектовался аппарат органов

госбезопасности в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики. Первоначально все штаты были укомплектованы оперативными группами, прибывшими либо из центрального аппарата, либо с периферии. Вопрос встал об укреплении взаимодействия наших резидентур, находившихся в Литве, Латвии и Польше, с местными органами особых отделов Красной армии, которое было довольно слабым из-за нечеткого распределения между ними зон оперативной ответственности. При этом в оценке обстановки на местах существенную роль играли материалы, которые представлялись 5-м (разведывательным) управлением Генштаба.

Разведка НКВД и военная разведка вскрыли военные приготовления Германии уже в 1940 году. Мероприятия, проводившиеся немецким правительством на оккупированной территории в этот период до весны 1941 года, касались укрепления и освоения немецкой армией новых территорий. Осуществлялись они последовательно, и в них не усматривалось ничего такого, что говорило бы о создании мощных ударных группировок для ведения полномасштабной войны.

В руководстве разведки по линии НКВД и Генштаба недостаточно понимали, что активные действия немцев в Польше в 1939 году имели две стадии — закрепление на занятой территории и переброску войск для весеннего наступления на Западе. Но обстановка для них изменилась после того, как мы заняли Прибалтику, Бессарабию и вступили в Черновцы. В это время немцам стало ясно, что Красная армия вышла на совершенно иные рубежи. На восточной границе Германии нами были развернуты три мощные группировки — в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине, а также в районе Одессы. Для немцев, собственно, в этом ничего нового не было. Ведь занятие Прибалтики в ходе советско-германских секретных соглашений было оговорено. Однако мы не раскрывали подробно своих планов, и немцы считали, что советская сторона, согласно подписанным договорам, ограничится только вводом войск прикрытия на территорию Прибалтики. События же, произошедшие в июне-июле 1940 года, застали немцев врасплох, причем в то время, когда их военная машина была запущена на Запад и переориентировать авиацию, сухопутные войска, флот, чтобы противодействовать нашему утверждению в Прибалтике и Бессарабии, было невозможно. Поэтому в то время Гитлер вынужден был сделать хорошую мину при довольно неудачной игре.

Немецкая сторона послала своим дипломатическим представителям телеграмму, которая была перехвачена нами. В

ней говорилось, что беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, произведенная советским руководством с намерением обеспечить тесное сотрудничество с этими странами, касается только России и Прибалтики. Делалось предупреждение: избегать какого-либо осложнения в российско-германских отношениях.

Получение об этой директиве информации было исключительно важным, поскольку давало нам дополнительные возможности чувствовать себя уверенно в проведении всех акций в Прибалтике. Информация, перехваченная из немецкого МИДа, подтверждалась и источником «Юна» в МИДе Германии, с которым держала связь возвратившаяся на оперативную работу весной 1940 года Е. Зарубина.

Однако после завершения военной кампании во Франции в июне 1940 года разведывательное управление Генштаба направило сводку в НКВД и в правительство об изменившейся позиции Германии. Эта информация поступила и в ИНО. Источником ее был «Ариец», агент военной разведки, советник министерства иностранных дел Германии Шелиа, довольно близкий к Риббентропу. По его данным, немцы были согласны с тем, чтобы литовское, латвийское и эстонское правительства приняли советские требования, указывая при этом, что присоединение Советским Союзом прибалтийских стран — явление временное.

Януш Радзивилл

Среди тех, кого мы захватили, войдя в Польшу, был известный польский политический деятель князь Януш Радзивилл и его родственники. Радзивилл не был нашим платным агентом. Но, будучи влиятельным деятелем, близким к Герингу, тем не менее активно сотрудничал с нами. Факты сотрудничества Радзивилла с советскими властями и лично с наркомом внутренних дел Берией почему-то особенно неприемлемы для главного историка Службы внешней разведки России генерала В. Кирпиченко. Ему, видимо, неизвестно, что польской стороне, интересовавшейся, почему не расстреляли родственников Радзивилла, при расследовании катынского дела были продемонстрированы документы, подтверждающие эти тайные связи с советскими властями. Тогда было поднято заявление Радзивилла, написанное 13 февраля 1946 года на имя Берии с просьбой об освобождении как интернированного польского гражданина. Я был в числе тех, кто готовил документы о передаче

немцам интернированных польских граждан — Радзивиллов, Замойского, Броницкого, Красицкого вместе с семьями. Всего их было 16.

Радзивилл, конечно, был ценным источником. Но ему не доверяли. Когда наш резидент в Берлине А. Кобулов сообщил о визите к нему в посольство Я. Радзивилла в 1940 году, Берией было принято решение законсервировать отношения с ним «до лучших времен», формальные отношения на основе подписки о сотрудничестве с ним не устанавливались. К лицам из аристократической знати, которые были вхожи в королевский двор стран Европы, в отличие от представителей обслуживающего персонала, такая практика, как правило, не применялась. Интересующимся деталями советую поднять переписку нашей резидентуры в Берлине с Центром, это к визитам Радзивилла в наше посольство в 1940–1941 годах.

Прибалтика — сфера наших интересов

Не буду детально говорить о событиях, происходивших в 1940 году в Латвии, Литве и Эстонии. Но хотелось бы отметить главное — наши войска вошли туда совершенно мирно, на основе специальных соглашений, заключенных с законными правительствами этих стран. Другой вопрос, что мы диктовали условия этих соглашений, и не без активного участия нашей дипломатии и разведки. Надо сказать и о том, что вряд ли нам удалось бы так быстро достичь взаимопонимания, если бы все главы прибалтийских государств — Улманис, Сметона, Урбшис и Пятс, в особенности латышское руководство — Балодис, Мунтерс, Улманис — не находились с нами в доверительных секретных отношениях. Их всегда принимали в Кремле на высшем уровне как самых дорогих гостей, обхаживали, перед ними, как говорится, делали реверансы.

Существенную роль сыграли и наши оперативные материалы, особенно для подготовки бесед Сталина и Молотова с лидерами Литвы и Латвии Урбшисом и Мунтерсом. Мы могли позволить себе договариваться с ними о размещении наших войск, о новом правительстве, об очередных компромиссах, поскольку они даже не гнушались принимать от нашей резидентуры и от доверенных лиц деньги. Это все подтверждается архивными документами. Таким образом, никакой аннексии Прибалтики на самом деле не происходило. Это была внешнеполитическая акция советского правительства, совершенно оправданная в период, предшествующий нападению Германии, связанная с

необходимостью укрепления наших границ и с решением геополитических интересов. Но они не могли быть столь эффективно проведены без секретного сотрудничества с лидерами прибалтийских государств, которые и выторговывали для себя лично, а не для своих стран, соответствующие условия. Некоторые деятели того руководства, связавшись с немцами, ушли на Запад.

Поэтому, когда предъявляются претензии к России как правопреемнице СССР, стоило бы руководству Прибалтийских фронтов, активистам и радикалам из этих движений выдвинуть обвинения не против мифических руководителей так называемого заговора в Вильнюсе или в Риге в 1991 году, а предъявить счет бывшим правительствам Латвии и Эстонии и их приближенным, которые, желая сидеть на двух стульях между Москвой и Западом и возглавлять национальные правительства, предали, как теперь говорят прибалты, свои национальные интересы.

Однако в принципе это не так, ибо коренные интересы Прибалтики в тот период больше склонялись к нашей стране, нежели к фашистской Германии, которая всегда рассматривала прибалтийские страны как «курортную зону», поэтому не могло быть и речи о передаче Литве Клайпеды или Вильнюса и других территорий. Особые отношения к Советскому Союзу, заложенные руководителями прибалтийских стран, продолжались всегда, ибо национальная самостоятельность прибалтийских республик, их государственность были сохранены на деле и обеспечены небывалыми темпами экономического развития. Во всяком случае, был создан потенциал, который они до сих пор используют.

Наши позиции в Латвии были гораздо сильнее, нежели в других прибалтийских республиках. Здесь мы опирались на компартию, на мощное рабочее движение, а также использовали разногласия в правящих кругах. С нами активно сотрудничал министр иностранных дел Латвии Вильгельм Мунтерс, военный министр Латвии Янис Балодис. Мы также поддерживали доверительные тайные отношения с президентом Латвии Карлом Улманисом, двоюродным дядей недавнего президента Латвии Гунтиса Улманиса, оказывая ему значительную финансовую поддержку. Для этих целей резидент НКВД в Риге И. Чичаев имел специальную финансовую контору в Риге. В 1934 году Улманис, как известно, совершил государственный переворот. Несмотря на заслуги перед НКВД, он был нами репрессирован в 1940-е годы.

Но, пожалуй, самое впечатляющее сотрудничество было налажено нашим резидентом В. Яковлевым в Эстонии. Президент Эстонии Константин Пятс, хотя и не подписал вербовочного

обязательства о сотрудничестве с ГПУ в 1930 году, тем не менее был на нашем денежном содержании до 1940 года. По этому поводу, насколько я помню, было даже специальное решение правительства СССР. Пятс был репрессирован, но судьба его хранила. Он долго жил в России и умер уже после смерти Сталина. Бесспорно, человеком он был морально сломленным и всю оставшуюся жизнь провел в одной из психиатрических больниц.

Тот факт, что верхушка прибалтийских государств тайно сотрудничала с Советским Союзом, наносил сильнейший удар по попыткам англичан после 1940 года создать авторитетное прибалтийское правительство в эмиграции. Немцы вообще отказались от этой идеи, а англичане так и не смогли что-либо сделать. Потому что эмигрантские политические центры, хотя и опирались на запасы латышского и эстонского золота в английских банках, тем не менее должного авторитета в политических кругах не имели.

Кроме того, в Прибалтике произошел раскол националистического движения. Часть его ориентировалась на гитлеровцев, другая — на англичан. Таким образом, они не могли прийти к политическому согласию и единству.

Хочу отметить особую роль министра иностранных дел до 1940 года Латвии В. Мунтерса и военного министра Латвии Я. Балодиса. Это были крупные и яркие политические фигуры.

Летом 1940 года на даче в Майори, где находился Меркулов, прибывший туда в качестве уполномоченного правительства и НКВД в связи с вступлением Прибалтийских стран в состав СССР, состоялся ряд доверительных бесед как с Мунтерсом, так и с Балодисом. Мунтерс лелеял мечту руководить латвийским государством в составе СССР. Именно я с ним вел эти беседы. На первых порах мы сдержали слово, поскольку было неясно, как развернутся события с выборами в Латвии, насколько удастся полностью овладеть ситуацией. Позже Мунтерс был отправлен преподавателем в Воронежский университет, где заведовал кафедрой иностранных языков. Арестовали его перед войной или сразу после нападения немцев. Мунтерс содержался под арестом, но был осужден только в апреле 1952 года особым совещанием при МГБ и приговорен к 25 годам лишения свободы. Освободили его после смерти Сталина.

Мунтерс был нашей козырной картой. Мы не исключали того, что нам придется вернуться к переговорам с Германией и с Англией по вопросу о статусе прибалтийских стран. При этом на Мунтерса делалась определенная ставка.

Я выезжал к Мунтерсу, когда он преподавал в Воронеже, и

представлялся ему не работником НКВД, а помощником Молотова. Содержание наших бесед сводилось к тому, что советское правительство видит в нем крупного государственного деятеля в отставке и, предоставляя возможность заниматься педагогической работой, держит его в резерве для внешнеполитических инициатив. Эта игра с ним продолжалась в течение всей войны, хотя он и находился под арестом. Будучи во Владимире на поселении, он выступал в центральных газетах, в частности в «Известиях», на предмет примирения с латышской эмиграцией, придерживался твердой позиции сотрудничества с нами.

Балодису было присвоено звание генерала Красной армии. Он выступал за военное сотрудничество с Советским Союзом и был настроен против айзсаргов — военизированных фашистских организаций, созданных в свое время Улманисом, лидером латышского Крестьянского союза. Между тем у айзсаргов была мощная разветвленная организация. Около 40 тысяч человек объединялись примерно в 21 полк самообороны. Фактически они и составили основу карательных воинских формирований, созданных позже гитлеровцами на оккупированной территории Латвии. Почти все они вступили в немецкий легион СС.

Именно Балодису принадлежит заслуга в разоружении в 1940 году отрядов айзсаргов. Он открыто выступил против политики Улманиса, не скрывая, что стоит за сближение с СССР. Судя по полученной нами оперативной информации, конфликт по этому вопросу был крупным. Улманис, подозревая Балодиса в сотрудничестве с советской военной разведкой, под видом отпуска по болезни отстранил его от обязанностей военного министра. Он отдал приказ о вооружении отрядов айзсаргов и приведении их в полную боевую готовность весной 1940 года. Все это делалось с учетом того, что немцы поощряли латышских националистов в их противодействии Советскому Союзу. При этом они объясняли, что не могут открыто оказывать помощь, но главной задачей для националистов они считают необходимость войти в новую структуру власти в СССР, установить компромисс с русскими, что даст возможность влиять на решение важных политических и жизненных вопросов Латвии.

Прибалтийскую карту пытались разыграть англичане. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, посетивший Советский Союз после разгрома немцев под Москвой, в беседе со Сталиным заявил, что англичане не признают факт присоединения прибалтийских стран к СССР. Но после того как мы втянулись в войну с Гитлером, взяли на себя всю ее основную тяжесть и когда англичане и американцы стали нуждаться в нас

как союзниках, для советского руководства все вопросы, связанные с компромиссным урегулированием особого статуса Прибалтики в составе СССР, отпали.

Любопытно то, что гитлеровцы уделяли внимание прибалтийским националистам гораздо меньше, чем украинским. Это объяснялось тем, что немецкое руководство опасалось вести активную конспиративную работу с формированиями айзсаргов и беженцами из Эстонии и Латвии, предполагая, что они могут быть завербованы английской разведкой. Между спецслужбами западных стран было своеобразное разделение труда. Английская разведка считала Латвию и Эстонию своей вотчиной. Поэтому агентурные комбинации немцев в этих странах в основном были связаны с изучением театра военных действий, подготовкой диверсий. Немцы не доверяли националистическим лидерам Латвии, Литвы и Эстонии. Для них, считавших себя хозяевами положения в Прибалтике, политическое сотрудничество с лицами, пользовавшимися опекой англичан, было совершенно неприемлемым.

Только Сметона сумел бежать из Литвы в Германию, остальные политические деятели Прибалтики попали в наши руки. Часть латышского и эстонского правительств, их элиты оказалась в эмиграции в Англии. Там же хранился золотой запас этих стран.

События в Прибалтике — пример многоходовой комбинации советской внешней политики. Наш приход в Прибалтику во многом зависел от разгрома англо-французских войск в Западной Европе, поскольку прибалтийские государства ориентировались не только на немцев, но и на англичан. Крах иллюзий относительно поддержки со стороны Англии и Франции был для них не меньшим ударом, чем уступка нам Германией их территорий в качестве сферы интересов Советского Союза. Но ориентация прибалтийских государств на Англию не прошла даром. Сопротивление советизации здесь приняло наиболее ожесточенный и долгосрочный характер после завершения войны. Англичане воспринимали уход Прибалтики из-под сферы своего влияния как временное явление. В Англии сосредоточилась эмиграция прибалтийских стран. Поэтому мы вынуждены были вести борьбу как с националистическими элементами, опиравшимися на немцев, так и с теми, кто поддерживал тесные связи с англичанами и французами.

К сожалению, народы Прибалтики не только в глазах Англии и Германии были разменной монетой в стратегических отношениях с Советским Союзом. Аналогичным было отношение к ним и со стороны правительства Швеции. Кстати сказать,

Швеция была единственной капиталистической державой, которая «откликнулась» на присоединение Советским Союзом прибалтийских государств предоставлением нам масштабного кредита сроком на пять лет, имевшего для модернизации промышленности исключительно важное значение. В обмен на гарантии своего нейтралитета и отказ от оккупации Финляндии шведское руководство и деловые круги признали страны Прибалтики де-факто органичной зоной геополитических интересов Советского Союза.

И еще одно немаловажное обстоятельство. События в Прибалтике совпали с активизацией деятельности вокруг ликвидации Троцкого. Было это в мае-июне 1940 года. Я собирался в командировку в Прибалтику. Первый заместитель Берии Меркулов уже находился в Риге. Но после встречи на даче у Сталина я высказал Берии сомнение в целесообразности моего немедленного вылета в Ригу, поскольку мы ожидали срочную информацию из Мексики по операции «Утка», могло быть необходимым мое присутствие в Москве. На что Берия ответил, что командировка в Прибалтику, наше содействие по устранению от власти фашистского националиста Улманиса — это задание товарища Сталина, и оно сейчас чрезвычайно важно для кардинального укрепления безопасности страны. А товарищ Эйтингон, продолжал Берия, облечен всеми полномочиями для принятия решений на месте, и вмешиваться в его действия мы не будем. Немного подумав, он добавил, что для нас чрезвычайно важно решить вопрос по Риге как основном центре советской власти в Прибалтике, куда должен перебазироваться Прибалтийский военный округ. Это, подчеркнул Берия, имеет первостепенное государственное значение. Что же касается Троцкого, то он в любом случае будет ликвидирован.

Как уже было сказано, Прибалтика по своему территориальному положению всегда являлась сферой пересечения многих держав. Ею интересовались Германия, Англия, Советский Союз. В наши дни к ней выражают повышенное внимание и США. И сегодня вопрос стоит иначе: чьи интересы будут доминировать там в ближайшее время? Причем вне зависимости от форм социально-политического устройства. Однако при любом раскладе с двумя существенными факторами придется считаться особенно, поскольку обстановка нынче совершенно иная по сравнению с тем, какой была в 1940 году. В то время экономическая зависимость прибалтийских стран от СССР была очень незначительной. Сейчас она — превалирующая. И второй фактор — это русское население. Прибалтийские страны получили независимость в 1991 году в ускоренном

порядке из-за грубейших просчетов советской внешней политики. Горбачев, понимая свою обреченность, делал дополнительные уступки Европе, надеясь получить от нее поддержку в критический момент борьбы с Ельциным, что Запад поможет финансовыми и материальными ресурсами, будет способствовать удержанию его у власти в противостоянии с российским руководством. Русское население прибалтийских стран было забыто. Оно оказалось отодвинутым от властных структур, потеряло гражданство, переместилось на второстепенные роли. Но тем не менее его из Прибалтики не выдавить. Это существенный фактор нестабильности в этом регионе. И судя по всему, он будет существовать довольно долго. С ним придется считаться.

Гораздо больший упор немцы делали на сотрудничество с оуновцами — организацией украинских националистов. Их директива «О едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН», принятая 22 декабря 1940 года, согласовывалась с немецкой разведкой. В ней, как нам стало известно, говорилось, что «Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить Советы и создать свое украинское государство. Поэтому необходимо, чтобы на Украине действовала организованная политическая национальная сила, которая возглавила бы вооруженное восстание и повела народ к победе. Такая сила у нас есть, — утверждалось в директиве, — это ОУН в союзе с немцами. Она действует, организовывает украинские массы, выводит их на борьбу». В директиве ставились задачи террористического и диверсионного характера, шла речь о создании центра политического и военного руководства, а также подготовке и обучении кадров. «Мы должны захватить в свои руки военные пункты и ресурсы Донбасса, морские порты, увлечь за собой молодежь, рабочих, крестьян и армию. Мы должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага и рассеять его силы. Украинское военное восстание на всех украинских землях, на всех советских территориях, чтобы довести до полного развала московскую советскую тюрьму народов».

В установках ОУН была объявлена беспощадная война всему украинскому и русскому народу, поддерживающему советскую власть, зафиксировано «требование о ликвидации врага, указывались функции службы безопасности», которая должна была выявлять коммунистов. В этих документах содержались и грубые политические ошибки. Например, в них указывалось, что самые большие партизанские действия происходили на Украине в 1924 году, что генерал-хорунжий формирований украинских

националистов Тютюник «является великим партизаном». На самом деле Тютюник в результате блестяще проведенной оперативной игры украинским ГПУ был выведен с территории Польши вместе со своим формированием на территорию советской Украины, амнистирован… и заявил о признании советской власти. Впоследствии, правда, он был репрессирован в связи с противодействием политике коллективизации.

Борьба с сионистскими организациями

В канун войны шла борьба не только с открытым воинствующим национализмом, но и с еврейским националистическим движением, занимавшим в целом выжидательную позицию. Необходимо отметить, что позже, при разработке нескольких оперативных линий по ликвидации сионистских организаций на территории Прибалтики, в западных областях Украины, Белоруссии и Бессарабии, было выявлено полное отсутствие их связей с видными деятелями еврейской культуры, интеллигенцией, которые фактически участвовали в процессе ассимиляции еврейского населения в Киеве, Ленинграде, Москве и других крупных городах.

Результаты оперативных разработок, таких дел, как «Утописты», «Жаботинцы» (Украина), «Неугомонные» (Прибалтика), показали, что если и существует база для использования сионистского движения против немцев, то она должна быть абсолютно самостоятельной, то есть не иметь никаких связей с существующим уже на территории Советского Союза сионистским движением. Были вскрыты националистические организации и, самое главное, установлены их связи с Розеном, видным деятелем американских сионистских кругов. (А ведь эти круги, кстати, выдали через Моргентау первый заем советскому правительству на поднятие колхозов в Крыму.)

Руководил этими операциями начальник секретно-политического управления Н. Горлинский. Удалось выявить так называемое левое направление, куда входили молодежные организации «Гордония», «Гашомер-Гацоир», «Гехолуц», затем общие «огульные» сионистские организации, объединявшие молодежные ячейки «Ониб» и «Гехолуц», а также объединения «Бейтар», «Брит-Ахаяль» и «Галиля». Как выяснилось, они вели активную вербовочную работу среди наиболее проверенных сионистов, из которых в целях конспирации составлялись небольшие группы по четыре-пять человек. Вся деятельность их была направлена на проанглийскую и проамериканскую

агитацию, ведение широкой пропагандистской работы по внедрению в среду еврейской молодежи идей палестинизма и отрыва их от комсомола.

Было налажено издание еврейской националистической литературы. Одну из типографий по выпуску антисоветских листовок нам удалось ликвидировать в ноябре 1940 года во Львове. Это и послужило толчком к изъятию сионистского актива, в ходе которого выяснилось, что существует нелегальная резидентура и эмиссары американской организации «Джойнт», посланные для налаживания связей с националистическими структурами Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии. Особую активность проявляла существовавшая в Вильнюсе подпольная сионистская типография по изготовлению фиктивных документов, так называемых виз, выданных как бы английским консульством для выезда в Палестину. По этому делу был арестован Менахем Бегин — будущий премьер-министр Израиля. Как руководителя одной из крупных националистических сионистских ячеек, его вместе с сионистским активом выслали из Прибалтики за несколько дней до начала войны.

В ходе операции «Кочевники», которую провел наркомат госбезопасности Белорусской ССР, было арестовано более двадцати человек, входивших в тщательно законспирированную сионистскую организацию «Свобода». Каждый ее член перед вступлением принимал присягу, платил взносы. Организация выпускала нелегальную газету, имела множительные аппараты.

Националистическое сионистское движение не пользовалось поддержкой еврейского населения на территории Советского Союза главным образом потому, что руководство сионистских организаций еще в двадцатые годы на Волыни, в Ленинграде, Харькове было репрессировано. Но по мере того как в 1941 году при эвакуации стали скапливаться компактные массы еврейского населения, часть из них объединилась с беженцами из Прибалтики, Западной Белоруссии. Поэтому сразу же после образования еврейского антифашистского комитета руководство НКВД издало специальную директиву за подписью замнаркома Б. Кобулова, где предписывалось продолжать активную борьбу с еврейскими сионистскими организациями. Однако я забежал вперед в изложении этих трагических событий.

Контакты с англичанами через посла Югославии

События на Балканах

Советское руководство накануне войны владело исчерпывающей достоверной информацией о развитии ситуации на Балканах. Важнейшим нашим источником сведений был сотрудничавший с ИНО ОГПУ-НКВД с 1934 года видный болгарский дипломат Иван Стаменов («Наследник»). Он был привлечен к работе с нами опытным сотрудником ИНО П. Журавлевым.

С назначением в 1940 году Стаменова послом Болгарии в Советском Союзе связь с ним была передана мне. У нас появился доступ к документальной информации о реальных намерениях и переписке правящих кругов Болгарии с немецким руководством. Знаменательно, что на переговорах Гитлера и Молотова в ноябре 1940 года в Берлине болгарский вопрос вызвал очень резкую реакцию немцев. Мы располагали тогда всей информацией о действиях Гитлера и намерениях болгарского правительства. Наша осведомленность базировалась на документах и шифропереписке, а также на сообщениях Стаменова, поскольку он получал инструкции от главы правительства и от царской семьи, в которую он был вхож.

Но что парадоксально? Наша осведомленность о складывающейся обстановке, предложение заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, сделанное нами, кстати, по подсказке Стаменова, ссылавшегося на противоборство в ее правящей группировке, не дали должных результатов. И это несмотря на то, что мы выступили с очень выгодными для Болгарии предложениями не только о заключении пакта, но и о предоставлении ей дополнительной территории во Фракии в случае неблагоприятного для Греции исхода войны с Италией и Германией.

К началу работы со Стаменовым относится также установление моих тесных рабочих отношений с А. Вышинским, в то время заместителем наркома иностранных дел.

В оценке кризиса в советско-германских отношениях, который начался осенью 1940 года в связи с событиями на Балканах и нарастанием угрозы войны в этом районе, важно иметь в виду следующие обстоятельства, касающиеся

использования наших агентурных возможностей. Официальная позиция Советского Союза, как мне разъяснял Вышинский, заключалась в том, что СССР, с одной стороны, стремился подписать пакт о взаимопомощи с Болгарией, с другой же — этот пакт не предполагал выхода Болгарии из сферы особых отношений с Германией и Италией. Речь практически шла о том, что мы ни в коем случае не собираемся конфликтовать с немцами и противодействовать вступлению болгар в какие-либо договорные союзнические отношения с ними.

На первый взгляд может показаться, что это половинчатая и беспринципная позиция. Однако для нас это было чрезвычайно важным, ибо речь шла об использовании Стаменова, с которым я неоднократно встречался, в выработке компромиссных договоренностей с немцами и их союзниками, чтобы оттянуть войну. Наша попытка воздействовать через Стаменова на царскую семью в Болгарии была важным моментом политической линии, поскольку мы связывали тем самым свободу действий немцам на Балканах. К болгарским делам и взаимодействию со Стаменовым активно подключился руководитель Коминтерна Г. Димитров, причем эти дела он не передоверял своим заместителям.

Из бесед со Стаменовым у меня сложилось впечатление, что болгарские правящие круги были напуганы нашим предложением в отношении пакта о взаимопомощи. Левая оппозиция и рабочее движение в это время в Болгарии были довольно мощными. Поэтому правящие круги боялись, что улучшение отношений с СССР будет способствовать укреплению позиции болгарской компартии. Это толкало не только царя Бориса, но и его окружение на союз с англичанами и немцами.

Установление важного контакта с послом Болгарии в Москве осенью 1940 года стало, однако, прологом еще одного драматического эпизода в действиях разведки и дипломатии на балканском направлении в преддверии неумолимо надвигавшейся германо-советской войны.

В конце октября 1940 года или в самом начале ноября накануне поездки Молотова в Берлин меня неожиданно вызвал Берия, в кабинете которого я застал П. Федотова, начальника контрразведки, и приказал нам срочно явиться к заместителю наркома иностранных дел Вышинскому. Суть поручения состояла в том, чтобы, контактируя с Вышинским, вступить в неформальные доверительные отношения с послом Югославии в СССР Миланом Гавриловичем. Последний по своей инициативе вышел на Вышинского и проинформировал его об обострении обстановки на Балканах и борьбе внутри югославского руководства. Гаврилович рассказал о недовольстве, которое зреет

в югославском правительстве в связи с тем, что германские войска войдут в Болгарию, оккупируют Фракию, что резко обострит болгаро-югославские отношения.

Принявший нас с Федотовым поздно ночью Вышинский пересказал нам разговор с Гавриловичем и сообщил, что с санкции товарища Берии на меня с Федотовым возлагается предварительное обсуждение вопросов, вносимых югославским послом на рассмотрение наркомом иностранных дел и правительством. Вышинский торопил нас подготовиться к разговору с Гавриловичем, который просил принять его в ближайшие дни, когда он будет иметь новые сведения о дальнейшем развитии событий на Балканах.

Таким образом Вышинский хотел быть заранее подготовленным к обсуждению с послом Югославии острых международных проблем, имея возможность переговорить о них с Молотовым.

Берия поручил мне и Федотову начать работу с Гавриловичем ввиду того, что, по нашим данным, он имел особые отношения с англичанами. Мы рассматривали его как «двойника», негласного английского посредника в международных консультациях по проблеме Балкан, зная, что Гаврилович очень часто ездил за консультациями к английскому послу в Москве С. Криппсу. Прослушивая английское посольство, мы имели довольно точные данные о теме его общения с англичанами. Прослушивание нами апартаментов югославского посольства подтверждало, что Гаврилович, во-первых, заинтересован в налаживании доверительных связей с нами, во-вторых, он поднимал вопрос о необходимости изменений в югославском руководстве, поскольку внутренние противоречия обостряются и по этой причине югославские военные круги не могут не быть заинтересованными в установлении особых отношений с «советскими военными инстанциями».

Именно в это время Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину с предложением отказаться от договоренностей с Германией и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера в обмен на признание публично осуждаемой английскими правящими кругами советской оккупации Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши и Северной Буковины. Таким образом Черчилль наглядно подтвердил, что судьбы народов этих стран, политическое устройство западных районов СССР — не более чем разменная монета в большой политической игре и что геополитические интересы Советского Союза в этом регионе законны и оправданны.

Предложение англичан было явно провокационным,

поскольку буквально через две-три недели британский Форин-офис предал гласности секретное обращение Черчилля к советским властям в открытой печати с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы советского правительства Молотова в ноябре 1940 года.

В этих условиях после возвращения Молотова из Берлина было принято высшим руководством решение использовать инициативу Гавриловича для негласной, незаметной для немцев координации действий Англии и Советского Союза на Балканах. Поскольку Гаврилович рассматривался как «двойник», осуществить эту операцию в Москве можно было, лишь организовав теснейшее взаимодействие разведки и контрразведки НКВД. Однако, несмотря на прекрасное информационное обеспечение нашего правительства и дипломатии, Советскому Союзу не удалось в силу неблагоприятного для нас соотношения сил переломить развитие событий на Балканах в свою пользу, не удалось связать Гитлера длительной военной кампанией в Югославии и Греции.

Я и Федотов были представлены Гавриловичу Вышинским как советники аппарата наркомата иностранных дел, с которыми ему предварительно следовало встречаться, обсуждать содержание вопросов, прежде чем официально ставить их перед советским правительством. Во время второй встречи с Гавриловичем в ресторане «Арагви», после его инициативного обращения с предложением о доверительном сотрудничестве с советскими представителями, мы поставили перед ним проблемы по линии его отношений с англичанами. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что выходим на вопросы, непосредственно затрагивающие интересы широкого круга балканских стран.

Беседы с Гавриловичем мы проводили почти всегда вдвоем с Федотовым. Иначе и быть не могло, ведь мы имели дело с «двойником». По окончании бесед делались соответствующие записи, и если разговор был наедине, то сравнивали их. Полученная информация докладывалась руководству. Одновременно мы контролировали поведение Гавриловича. К сожалению, нашей дешифровальной службе не удалось перехватить сообщения, передаваемые им через англичан в Белград, по предложениям о военном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Тогда же возникла идея реализации замысла, который был отвергнут в 1938 году, по свержению правительства Стоядиновича в Югославии, на чем в свое время настаивал Бенеш.

Совершенно неожиданно в нашу работу вмешался ночной

звонок Вышинского Федотову. Тот перезвонил мне, и мы вскоре были у заместителя наркома. Оказалось, что спустя неделю после того, как Гаврилович изложил ему балканские проблемы, к Вышинскому явился английский посол Криппс и почти слово в слово пересказал предложения Гавриловича. Таким образом окончательно стало ясно, что хотя Гаврилович и ведет самостоятельную игру от имени югославского правительства, тем не менее в этом активно участвуют англичане. Возник вопрос: насколько полно контролируют англичане Гавриловича. С помощью слухового контроля и перехвата шифротелеграмм мы убедились, что стопроцентного контроля за ним нет. Каждая из сторон в этой игре преследовала свои самостоятельные цели. Немцы с подозрением относились к нашим прямым контактам с англичанами. А нам было важно негласно обмениваться мнениями о будущем балканских стран, о проблеме черноморских проливов, проходе через них военных кораблей стран, о позиции Турции.

Гаврилович активно участвовал в двойной игре. Это подтверждалось и в английских шифровках, попавших в наши руки в Турции. В них англичане сообщали в беседе с нашим резидентом, что они в курсе переговоров, которые югославы ведут с советским представителем в Москве. Это нервировало и настораживало Берию, Молотова и Вышинского. Но тем не менее контакт с Гавриловичем был активно использован нашим Разведупром Генштаба. Когда вызревал вопрос об акции в Белграде, то большую роль в этом сыграла наша военная разведка, в частности Голиков, который встречался с югославскими представителями, тайно прибывшими в Москву.

Особенно нервничал Вышинский. Это было очень заметно, когда я рассказывал о встречах с Гавриловичем перед его официальными встречами с послом. Был даже такой эпизод, о котором он сам мне рассказал. Ведя записи бесед с Гавриловичем, которые направлялись «наверх», он забыл указать ряд важных моментов беседы. Поэтому был вынужден сделать дополнение к ней и отправить его Молотову. Речь шла об изменениях в позиции югославского правительства.

Думаю, однако, что причиной волнения Вышинского было то обстоятельство, что информация о контактах с Гавриловичем поступала Сталину и Молотову как по линии НКВД, так и по линии наркомата иностранных дел.

Когда готовился переворот в Югославии, именно мы с Федотовым советовали Вышинскому проинформировать югославские военные круги, чтобы они не давали немцам формального повода для нападения. И действительно, после

переворота с нашей и английской помощью югославское правительство сразу же заявило о соблюдении всех договоренностей с Германией. Вместе с тем мы несколько перестарались. Меркулов сообщил о будущих событиях в Югославии с санкции Сталина в Коминтерн Димитрову. Югославская компартия сразу же заявила о поддержке переворота. Через несколько часов после того, как военные взяли власть, в Белграде вышли на демонстрацию рабочие с лозунгами: «Да здравствует независимая Югославия!», «Да здравствует Сталин!». Как мы вскоре узнали, это повергло резидента немецкой разведки в Белграде в сильнейший шок.

Возникла пикантная ситуация в оценке обстановки, связанной с работой по Гавриловичу. Формально наркомом госбезопасности был Меркулов. Он осуществлял руководство разведывательным и контрразведывательным управлениями. Но как только речь заходила о чрезвычайных вопросах, которые докладывались непосредственно Сталину, Берия вмешивался в работу, как бы отстраняя наркома госбезопасности. Авторитет Берии был непререкаем. Ему сразу же доложили о контактах с Гавриловичем. Меня поразило, что Берия не чувствовал себя абсолютно уверенным и категорически запретил мне и Федотову советоваться с Гавриловичем по тем вопросам, которые он ставит перед правительством. Мы были вынуждены предложить Гавриловичу перейти на оперативный режим каждодневной связи с Вышинским. Было дано указание НКИД принимать Гавриловича и югославов вне всякой очереди.

Складывалось впечатление, что югославы стремятся к полному сотрудничеству с нами. Член югославской делегации Б. Симич, встречаясь с начальником разведывательного управления Генштаба Голиковым, несколько раз отмечал, что югославы испытывают недоверие к англичанам, которые не смогут оказать эффективную помощь в случае немецкого нападения, и что они склонны работать с нами.

Дверь для тайных переговоров открыта

Сотрудничая с Гавриловичем и зная при этом о его «двойном» имидже, мы, по сути, негласно сотрудничали с англичанами. Это классический пример того, как решались вопросы на Балканах великими державами, пример тайной дипломатии, когда официально мы не считали для себя нужным связываться с англичанами какими-либо договоренностями по поводу политики на Балканах, за исключением известных вопросов в отношении

устья Дуная и других международных договоренностей всех заинтересованных стран.

Когда же речь шла о такой важной стороне, как создание потенциального фронта против Гитлера и сдерживание его, мы предпочитали поддерживать с англичанами тайные связи, негласно сотрудничая в вопросе об укреплении антигерманских позиций на Балканах через Югославию. И если бы не было этого сотрудничества, этой интриги с Гавриловичем, то не было бы, соответственно, тех деликатных отношений с Черчиллем, которые установились позже.

Черчилль тогда сразу смекнул, что взаимопонимание между Германией и Советским Союзом портится, и именно в контексте этого неофициального сотрудничества, когда обе стороны друг другу не признавались в общих целях, которые они преследовали на Балканах, сразу же после югославских событий отправил известное предостережение Сталину о нападении Германии, сочтя, таким образом, что негласный контакт установлен.

Из наблюдений за двойной игрой Гавриловича нам было ясно, что по ряду вопросов, которые я и Федотов задавали ему, например, о возможности будущего военного союза с Югославией, об угрозе ее расчленения, он ставил в известность Белград, прибегая к шифропереписке через английское посольство. Но и мы, и англичане делали вид, что ничего не замечаем, и продолжали плести вокруг этого интригу. Первыми инициаторами нашего сближения были сами югославы. Хотя Гаврилович не питал никаких симпатий к советскому режиму, он пришел к нам сам осенью 1940 года вместе с военным атташе Поповичем. Их интересовал вопрос о поставках советского оружия Югославии. Эти беседы велись неофициально, однако нам было абсолютно ясно, что они выполняют директивы своего правительства, поскольку вслед за этим последовала особенная активность со стороны югославов. Хотя вопрос был очень принципиальным и созвучным с кризисом в Югославии, для нас он был, что называется, обоюдоострым. Мы выступали совершенно четко против расчленения страны, на чем настаивали немцы. Но поскольку югославы сотрудничали с венграми, мы были уверены, что любые наши договоренности о поставках оружия станут известны немцам. Поэтому наше руководство не спешило. Кроме того, появилась еще одна причина: сменился начальник Генерального штаба Мерецков, который первоначально был в курсе этих переговоров.

С Поповичем в тесном контакте была наша военная разведка. Но она не могла вести работу без опоры на контрразведку в Москве, которая обслуживала все эти встречи. При участии такого

количества людей вряд ли возможно было все сохранить в тайне. К тому же англичанам очень нравилось поддразнивать немцев. В результате произошел крупный скандал — спровоцированная англичанами утечка в американские газеты о том, что Советский Союз и Югославия ведут тайные переговоры о военном сотрудничестве. Последовало наше опровержение, а за ним большой «нагоняй», который я и Федотов получили от Берии, Меркулова, а затем и от Вышинского.

В марте 1941 года к нам поступили важные данные от близкого к Криппсу корреспондента американских газет в Москве, ярого антисоветчика Г. Шапиро, одновременно работавшего на нас и американскую разведку. Шапиро был авторитетным специалистом по России. НКВД даже устроило ему интервью со Сталиным. После беседы с Криппсом Шапиро доверительно сообщил Федотову, что англичане в случае военного конфликта между СССР и Германией в связи с развитием кризиса на Балканах ни в коем случае не пойдут на мирное соглашение с Гитлером.

Вскоре к нам по поручению Черчилля обратился Криппс с просьбой организовать ему самолет и отъезд для участия в важных ближневосточных переговорах. Появление Криппса в Анкаре и Стамбуле не прошло мимо внимания немцев. Англичане сделали верный вывод о том, что в долгосрочном плане возможно и сотрудничество с Советским Союзом. Это уже было в конце апреля 1941 года, после разгрома Югославии. Они очень высоко оценили тот факт, что мы пошли на соглашение с югославским правительством, хотя нам было известно, что югославы воспользовались не только нашей, но и их поддержкой в организации антигерманского переворота.

Быстрый разгром Югославии для нас не стал полной неожиданностью: слабость сербской позиции была ясна заранее. Возникла необходимость в оформлении отношений с Гавриловичем. Он был проинформирован, что Советский Союз вынужден будет закрыть югославскую миссию, но при этом не шла речь о том, что он должен покинуть Советский Союз. В этом было принципиальное отличие от других миссий, скажем, Бельгии, Норвегии. Перед Гавриловичем был поставлен вопрос: могут ли югославы оставить у нас для ответственных поручений сотрудника югославской военной разведки Симича. На это был дан положительный ответ.

Мы оказали содействие Югославии в покупке барж по линии наркомата внешней торговли для вывоза воинского персонала через Румынию по Дунаю.

Затем мы дали твердое заверение Гавриловичу, Симичу и

будущему югославскому правительству, что Советский Союз ни при каких условиях не признает правительство Хорватии и других откалывающихся югославских республик, хотя гитлеровцы уже поспешили объявить о признании независимости Хорватии.

Из последних бесед с югославами стало известно, что среди немцев распространяются карты приграничных районов СССР. Идет активная подготовка к военным действиям.

Надо отметить, что наш Генштаб, его военные аналитики оказались не на должной высоте. Маневренный характер современной войны, наступательные операции немцев одновременно в нескольких направлениях не были учтены, так как они резко контрастировали со схемой Первой мировой войны — нанесением главного удара на одном решающем направлении.

Внешнеполитическая активность англичан в отношениях с СССР нарастала. Нами же принимались соответствующие меры предосторожности. После югославских событий Сталин избегал лично принимать английского посла Криппса, «спускал» его сразу на уровень заместителя наркома иностранных дел. Для нас, как уже говорилось, было важным не оказаться в глазах немцев втянутыми в какие-либо серьезные внешнеполитические переговоры со злейшим врагом Гитлера Черчиллем. Советское руководство начало склоняться к варианту секретной проработки вопроса о будущих союзниках в неизбежной войне с Гитлером, имея в виду нейтральную тогда державу, но фактически союзника Англии — Соединенные Штаты Америки. Тем более что из кругов, близких к влиятельному соратнику Рузвельта министру финансов Г. Моргентау, мы получали ясные сигналы о желании начать секретный диалог по этому вопросу.

Помимо чисто дипломатических переговоров предпринимались и собственные контрмеры. Мы приводили войска в повышенную боевую готовность, однако четкого представления о ее реальном состоянии у нас не было. Началась переброска армий с Дальнего Востока, с Кавказа, Средней Азии — создание так называемого второго эшелона. Был издан ряд директив о тайной мобилизации войск и агентуры по линии НКВД, о приведении в боевую готовность нашей резидентуры в Германии и одновременно проводилась подготовка к мобилизации чекистских кадров, находившихся в запасе.

Но на переднем крае мобилизационных действий оказалась военная контрразведка. Ее руководство за полгода до начала войны разработало и утвердило инструкции и боевые уставы для действий в «особый» период, то есть в период войны. Мы же в разведуправлении начали проводить в жизнь эти меры в большой спешке лишь в апреле-мае 1941 года.

Успешное завершение операции «Утка»

О чем молчит досье Рамона Меркадера

В самый канун войны (не помню точной даты, но, как говорил мне последний биограф Троцкого Д. Волкогонов, 16 июня 1941 года) И. Агаянц, временно возглавлявший работу по эмиграции в нашем разведуправлении НКГБ, вынес постановление о завершении операции в отношении руководства троцкистского Интернационала. Это было символично. Сталин и Берия ставили перед разведкой задачу к началу войны закончить операцию «Утка».

20 августа 1940 года Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого. Однако прошел почти год, прежде чем Эйтингон, руководивший в Мексике этой операцией, и мать Меркадера Каридад оказались в Советском Союзе, что дало возможность подвести итоги этой операции не по сообщениям агентуры, а в ходе личного обмена мнениями.

Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перешли на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии.

К ликвидации Троцкого наряду с группой «Мать» Эйтингон привлек проверенные кадры нашей агентуры из Испании, эмигрировавшей в Мексику. Там же в изгнании находилось республиканское правительство. Именно Эйтингон с большим риском для жизни провел операцию по выводу руководства испанских республиканцев и компартии весной 1939 года во Францию. При этом в дополнение к вывезенному в 1936 году испанскому золоту удалось эвакуировать из Барселоны значительные средства в валюте и драгоценностях. Они затем были использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и ряде стран Латинской Америки.

Завершающая фаза операции «Утка» началась в то время, когда наши нелегальные и боевые группы упрочили свои позиции

в США и Мексике. Помнится, зима 1939–1940 годов была суровой в прямом и переносном смысле. На дворе стояли сильные морозы, а на душе была большая озабоченность развитием событий на финском фронте. В один из таких дней меня неожиданно вызвал к себе Берия и приказал сопровождать его на дачу. Приближался вечер. За окном уже стемнело. Я раздумывал, что стало поводом для этой поездки. Одно мне было совершенно ясно: речь шла об оперативной встрече. И действительно, на даче Берия познакомил меня с молодым человеком, обладавшим каким-то неуловимым свойством притягивать и располагать к себе собеседника. «Знакомьтесь, товарищ „Юзик“», — представил его мне Берия. Для меня, занимавшегося испанскими делами в ИНО, этим все было сказано. Я знал, что «Юзик» — один из главных спецагентов нашей разведки в Испании, благодаря которому были установлены наши прочные связи в военных, дипломатических и политических кругах республиканцев. Приобретенные им контакты, доверительные отношения с лидерами анархистов, министрами республиканского правительства обеспечивали нам выходы на видных деятелей международной политики, несмотря на трагичное завершение гражданской войны.

Лично зная нашу испанскую агентуру, «Юзик» — Иосиф Ромуальдович Григулевич — идеально подходил на роль ближайшего помощника Эйтингона в завершающей фазе операции «Утка». К тому времени Эйтингон (товарищ Том) легализовался в США и перебрался в Мексику. После завершения операции мы планировали, что и Д. Сикейрос и группа «Мать» покинут Мексику, «Тома» ждала важная работа в Москве, а «Юзик», превратившись в «Артура», станет нашим главным нелегальным резидентом в странах Латинской Америки, предварительно организовав новый агентурный аппарат в США. Так оно и случилось.

В 1940 году было принято решение об укреплении нелегальной работы в Америке. Иногда почему-то неправильно истолковывается период между 1939-м и 1940 годами как время прекращения разведывательной работы в США. Да, действительно, из США были отозваны И. Ахмеров (Билл) и его помощник Н. Бородин (Гранит). Но одновременно туда был послан вместе с Григулевичем в качестве нелегала опытнейший разведчик, прошедший большую школу в боевом аппарате Особой группы Я. Серебрянского, только что восстановленный в кадрах разведки, Константин Кукин (Игорь), особенно отличившийся в годы Великой Отечественной войны, причем на ее самых острых перекрестках. Именно Кукин, П. Пастельняк (Лука), Г. Овакимян (Геннадий) в 1939, 1940 и 1941 годах заложили совместно с

Эйтингоном и Григулевичем прочный фундамент для успешной деятельности нашей разведки на американском континенте.

После 20 августа 1940 года мать Меркадера Каридад (Клавдия) вместе с Эйтингоном первоначально укрылись на Кубе, где у семьи Меркадеров были надежные родственные связи. Григулевич, сменив документы, вынужден был уйти в подполье и легализоваться в США. Потом Каридад и Эйтингон также перебрались в США, вначале в Нью-Мексико, а затем в Сан-Франциско.

В 1941 году в США очень сильно ужесточился контрразведывательный режим. В то время мы получили важную информацию из американского Минюста и Федерального бюро расследований от источника, близкого к американским правительственным кругам, о том, что в США разработана целая программа профилактических мер по изоляции как пронацистских, так и прокоммунистических элементов в случае войны и введения чрезвычайного положения. Программу стали активно проводить в жизнь в связи с началом Второй мировой войны. Это была только часть крупных мероприятий, которые американцы затем осуществили в сороковые годы. Тогда были депортированы японцы и интернированы лица, связанные с немецкой нацистской колонией.

Наша агентура, в особенности группа «Дяди» в Калифорнии, имеющая прочные связи с негласным аппаратом США, оказалась в поле зрения американской контрразведки. Поэтому было принято решение о переброске Григулевича в Латинскую Америку, как говорили, на периферию, «в деревню». Тогда было две так называемых деревни: ближняя — это Мексика, дальняя — Канада. Но в Мексике после ликвидации Троцкого слишком рискованным было бы пребывание Григулевича. Наши связи среди испанских эмигрантов и актива профсоюзов были частично отслежены местной контрразведкой. Она, правда, не имея доказательств о причастности к убийству Троцкого, никого из подпольного агентурного аппарата не могла задержать, но часть группы Сикейроса все же была арестована местной полицией. Поэтому Григулевич с помощью сотрудников нашей резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке был переброшен в Буэнос-Айрес. Здесь его застигла война.

Когда Эйтингон и Каридад в конце мая 1941 года вернулись поездом Харбин — Москва, я встречал их на Казанском вокзале. По поручению Берии, который принял Эйтингона и Каридад вместе со мной у себя в кабинете, я представил для ЦК партии на полутора страницах рукописный отчет о ликвидации Троцкого. Берии, видимо, это необходимо было для доклада Сталину.

Почти за год до этого, в августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я также направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон вернется домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, для оплаты адвокатов.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

Досье «Утка» хранилось у меня в личном сейфе. Но после 20 августа 1940 года одновременно с докладом и рукописным рапортом все документы забрал Берия. Затем дело «Утка» вообще изъяли из оперативного пользования. Только после ареста Берии, когда прокуратура заинтересовалась телеграммами, адресованными Тому от имени Павла (Берии), мне стало ясно, что проверке подвергаются и эти материалы. Однако на этом путешествие досье не прекратилось. Оно не вернулось в разведку, а оказалось в общем отделе ЦК КПСС, а потом в президентском архиве.

Когда Рамон попал в тюрьму, дважды поднимался вопрос о его побеге или о досрочном освобождении. Один раз при мне, в 1943 году, второй — в 1954-м, почти десять лет спустя. Тогда речь шла об освобождении его под залог, даже продумывали ходы насчет взятки министру юстиции Мексики. Но когда начальник внешней разведки КГБ А. Панюшкин, как рассказывал мне один из ветеранов нашей нелегальной разведки, пошел вместе с ним докладывать председателю КГБ И. Серову об этих планах, тот их выгнал, сказав при этом, чтобы к нему не приставали со старыми сталинскими делами. Он собирался вообще закрыть это дело. Но сделать это было невозможно, поскольку оно находилось на контроле в ЦК партии и судьбой Рамона интересовалось руководство испанской компартии. По нему, во всяком случае так было при Сталине, существовала отчетность: о судьбе разведчика, находящегося в заключении, докладывалось высшему руководству.

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с орденами. Каридад и Эйтингон получили орден Ленина. Меня наградили орденом

Красного Знамени. Такой орден был у меня уже вторым.

Приезд Эйтингона почти совпал с днем рождения моего старшего сына Андрея. Мы отмечали его на даче веселой компанией. Были Мельников и Эйтингон с женами. На день рождения пригласили и Каридад. Она привезла нам в подарок большое китайское блюдо. При встречах и в беседах Каридад говорила о своем желании продолжить революционную борьбу. Но мы трезво оценивали ее возможности. По-прежнему в подвешенном состоянии находился вопрос о судьбе Рамона, и ее самопожертвование было для нас совершенно неприемлемым. Устроена она была в доме на Садовой, но чувствовала себя неуютно. Ее, конечно, можно было понять: хотя материально ее семья была обеспечена, обстановка в Советском Союзе не шла ни в какое сравнение с жизнью на Западе, к которой она адаптировалась. Каридад мечтала о другой жизни. После приезда в Москву она встретилась с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. Была составлена большая программа ее ознакомительной поездки по Советскому Союзу, а затем отдых в Грузии.

На Рамона и его семью — на Каридад Меркадер, сестру Монсерат, братьев Хорхе и Луиса — были заведены в КГБ учетные карточки, по которым им выплачивалось денежное содержание. Для них это был единственный источник существования. С Луисом история особая. Он приехал в СССР в возрасте 15–16 лет, находился на моем личном попечении, окончил Московский энергетический институт, стал профессором. В годы войны он был в бригаде особого назначения, работал в управлении по делам военнопленных в качестве переводчика при допросах пленных, хотя военнопленных из испанской «Голубой дивизии» было мало. Другие родственники этой большой семьи жили за границей. Хорхе попал в немецкий концлагерь и был освобожден нами в 1945 году.

Луис после смерти Рамона переехал в Испанию, где получал пенсию как участник войны, льготы и денежное содержание, связанные с профессиональной деятельностью.

Каридад была единственной из сотрудников советской разведки, которая 9 мая 1945 года, как Клавдия, получила персональную телеграмму от Берии за подписью «Павел» с поздравлением по случаю Дня Великой Победы, в которую она и ее дети, участвуя в антифашистском сопротивлении, внесли достойный вклад. Там же сообщалось, что Хорхе освобожден из фашистского концлагеря. Депеша была вручена Каридад нашим резидентом в Мексике Г. Каспаровым.

До разведки, правда, с большим опозданием, в 1995 году, дошли письма Эйтингона, которые были подшиты в досье Рамона

Меркадера. Адресовались они лично Андропову. Эйтингон писал, что из-за незаслуженно предвзятого отношения к нему недостаточно оказывается внимания этому заслуженному работнику советской разведки, который тяжело болен и нуждается в медицинской помощи и поддержке. На письме резолюция Андропова: «Встреча с работниками показала, что внимание оказывается, нет оснований беспокоиться». И тем не менее Леонид Эйтингон до последних дней своей жизни проявлял о Рамоне трогательную заботу.

Кстати, в отношении всей этой эпопеи и судьбы Эйтингона имеются очень большие неточности и расхождения в публикациях. Когда мне позвонил Дмитрий Волкогонов и попросил прояснить ряд моментов, связанных с троцкистским движением, я обратился к председателю КГБ Владимиру Крючкову. Приехавшие сотрудники КГБ сообщили, что досье Меркадера исключительно скудное, в нем нет никаких данных об оперативной разработке, о его пребывании в Мексике, связях и т. д. Как оказалось, все документы прочно осели в личных архивах председателей КГБ, ходу им не давали. Поэтому даже те, кто опекал Рамона, были знакомы с его биографией в самых общих чертах. Закрытость способствовала распространению мифов о его семье, о том, что советские органы якобы держали «в заложниках его младшего брата и сестру», которые на самом деле проживали в Париже.

Получили также распространение сплетни об интимных отношениях Каридад Меркадер и Эйтингона, о том, что якобы на этой основе Рамон принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Я несколько раз писал Волкогонову, интересовавшемуся этим делом, по поводу вздорности этих измышлений, запущенных в оборот перебежчиком Н. Хохловым. Ведь мало кто знает, что Эйтингон по делам троцкистов работал за рубежом с оперативной женой, старшим оперуполномоченным ИНО Александрой Кочергиной — Шурой. И именно она привлекла к сотрудничеству с нами Каридад. Кочергина прекрасно знала и поддерживала отношения еще во Франции с Рамоном. Каридад и Шура дружили семьями и в Москве в сороковые годы. Измышления об «интимных» отношениях Эйтингона с семьей Меркадеров сознательно запускались и у нас, и на Западе с целью очернить этих незаурядных людей, внесших существенный вклад не только в ликвидацию злейшего врага Советского Союза, но и в борьбу с фашизмом в трудное предвоенное время.

Надо отметить, что отношение к агенту, который честно выполнил свой долг, внимание к нему после того, как надобность

в оперативном его использовании отпала, — это исключительно деликатный вопрос. Мне рассказывали, как тяжело проходили встречи с Каридад Меркадер в Париже, когда в середине пятидесятых годов передавались деньги на поддержку этой семье. Наши оперативные работники, поддерживающие связь с семьей, зачастую были в неведении относительно всех обстоятельств, но интуитивно чувствовали, что судьба Меркадеров замыкается «на верхи». И надо отдать должное руководству КГБ в шестидесятые годы, оно свой долг, свои обязательства в целом выполнило. Несмотря на то что мы с Эйтингоном в это время находились в заключении, Рамону 6 июня 1961 года была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Что же касается его трудоустройства, то, если бы не подключились товарищи из ЦК Испанской компартии, в частности, Луис Балагер и Долорес Ибаррури, возможно, ситуация с ним была бы достаточно сложной. Однако его трудоустроили в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где он вел творческую работу, связанную с историей гражданской войны в Испании.

Надо сказать, что ко времени освобождения Рамона страницы истории гражданской войны и операций советской разведки в Испании стремились побыстрее закрыть. Интерес к испанским событиям возник лишь после 1964 года, когда стало ясно, что эра франкизма заканчивается и нужно думать о восстановлении наших позиций в этой стране. Однако именно в конце шестидесятых годов, как мне говорили ветераны нашей разведки, было принято решение отказаться от использования старого агентурного аппарата, контактов и связей. Причина была весомая: это история с испанским золотом и побег Орлова-Никольского, который уже давал показания в комиссии по антиамериканской деятельности. Приходилось считаться и с тем, что значительная часть агентуры, возможно, была американцами расшифрована.

Служба внешней разведки России провела в 1992–1994 годах активную операцию по публикации на Западе и у нас книги об Орлове-Никольском «Роковые иллюзии». В ней он выведен как герой, противник Сталина, не выдавший врагу известную ему советскую агентуру. У меня же все это вызывает, мягко говоря, скептическую реакцию, о чем неоднократно говорил сотрудникам СВР. Какая надобность перед молодым поколением работников разведки поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США. Вообще для любой спецслужбы вне зависимости от исторических условий ее деятельности крайне вредно для воспитания молодого поколения демонстрировать сочувственное отношение к любому

перебежчику, какими бы мотивами и обстоятельствами это ни объяснялось. Любая разведка непримиримо относится к таким фактам. Авторы книги утверждают, что сотрудничество Никольского с американской контрразведкой было неискренним, что он не раскрыл важнейшую агентуру — «Кембриджскую пятерку». Она действительно не была им расшифрована, но только потому, что Никольский боялся быть привлеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом, по понятным причинам, он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Никольский был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Никольский, безусловно, повел себя как предатель. В обмен на гражданство и роль консультанта он «сдал» американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы. Странным мне кажется изложение разговора с ним сотрудника нашей разведки в США в 1960-е годы. Невозможно себе представить, чтобы он говорил Никольскому о моей и Эйтингона реабилитации. Во-первых, это не соответствовало действительности, во-вторых, советским разведчикам было категорически запрещено в 1953–1990 годах обсуждать судьбу Судоплатова и Эйтингона, а также их работу с кем-либо из агентов или даже эпизодических контактеров за рубежом.

Заключая эпопею «Утка», следует, однако, сказать, что, когда американские контрразведывательные и разведывательные органы активно занялись советской агентурной сетью в Мексике, они вышли на наши позиции и контакты с лидерами испанской эмиграции. Возможно, в какой-то мере это было связано с небрежностью работы нашего агентурного аппарата. Я же считаю, что в значительной степени это обусловлено предательскими действиями перебежчиков, указавших на наиболее очевидные контакты советской разведки с испанскими республиканцами, такими деятелями, как Идальго де Сиснерос и Х. Эрнандес — министр республиканского правительства, один из основателей испанской компартии, на плечи которого легли все тяжести, связанные с эмиграцией в Мексике.

Проверка американских источников

В канун войны помимо Англии важнейшая

внешнеполитическая информация поступала из США. Смена и аресты руководства ИНО в 1938 году в значительной степени бросили тень подозрения на руководителей легальной и нелегальной советской резидентуры в США, вследствие чего многие из них были репрессированы. Несмотря на то что связь с рядом источников была законсервирована, из США продолжала поступать важная разведывательная информация по линии Коминтерна.

Руководство компартии США имело сильный нелегальный аппарат, внедрившийся в американские внешнеполитические, экономические ведомства и даже в администрацию президента.

После отзыва нашего легального резидента П. Гуцайта, нелегалов И. Ахмерова и Н. Бородина вся тяжесть координации разведывательной работы легла первоначально на нашего поверенного в делах, а потом посла К. Уманского. Еще в 1938 году по личному указанию Сталина он координировал участок нашей разведки, занимавшийся информацией об американо-китайском сотрудничестве и планах судостроительной программы ввиду растущей угрозы войны на Тихом океане. Тогда же, в особенности в начале 1939 года, возник вопрос о размещении наших военно-морских заказов в США, для чего туда прибыл заместитель наркома ВМФ адмирал И. Исаков. Уманский, что является уникальным случаем в разведке для людей его ранга, лично выехал в Калифорнию для инструктажа агентуры. К сожалению, американская морская контрразведка, как сообщил нам источник из ФБР, не только зафиксировала его встречи, но и записала инструктивный разговор, что необходимо срочно информировать советское правительство о возможности закупки одного из строившихся американских авианосцев.

В 1940 году руководящий работник ИНО А. Граур, о котором я уже упоминал, выезжал для инспекции агентурной работы в США. Его оценка деятельности научно-технической разведки Г. Овакимяна с его многочисленными источниками была отрицательной. Граур также поставил под сомнение работу разведки НКВД и Разведупра Красной армии по связям с эмиграцией. Помог нам тогда поставить все на свои места видный наш сотрудник К. Кукин — «Пловец». В качестве нелегала он прибыл в США, убедился в ценности агентурных связей и подготовил заключение о целесообразности восстановления контактов с законсервированной с 1939 года агентурой.

Кукин, будущий резидент НКГБ в Англии в годы войны, окончил институт Красной профессуры, был человеком незаурядных талантов. Имел уникальный опыт в политической разведке, в создании нелегального аппарата, работал в Особой

группе Серебрянского по диверсионным заданиям в Китае. И, несмотря на слабое здоровье, он сумел восстановить свои силы и выехал в США в качестве нелегала.

Заметный вклад в подготовку агентурного аппарата к работе в условиях будущей войны внес также заместитель начальника американского отделения нашей разведки Виталий Павлов (Клим), знакомившийся с условиями жизни на Западе под видом дипкурьера. Намечался он для агентурной работы на американском континенте и одновременно ему поручалось перепроверить реальность источников и связей, указанных в справке Граура. Речь шла о подтверждении выходов нашей разведки на агентурные позиции в руководстве американской администрации. В своих мемуарах, опубликованных в газете «Новости разведки и контрразведки», Павлов писал, что он вместе с Ахмеровым провел операцию «Снег», которая преследовала цель прозондировать позицию американских правящих кругов и прогрессивной общественности в отношении развития японо-американского конфликта. Таким образом советскому руководству стало известно о намерении американского правительства занять «жесткую» линию в отношениях с Японией, что могло привести к войне на Тихом океане. Все материалы операции «Снег», со слов Павлова, докладывались Берии и по его указанию впоследствии были уничтожены.

Но история этого вопроса (как известно мне, в то время руководившему этой работой) носит несколько иной характер. Когда встал вопрос о заключении пакта с Японией о ненападении и нейтралитете, мы прилагали большие усилия к перепроверке наших американских источников, чтобы выявить, каким образом можно воздействовать на американскую политику на Дальнем Востоке. Кроме того, нам было крайне важно знать, насколько реально военное столкновение японцев с Соединенными Штатами.

Дело в том, что и мы, и американцы были вовлечены в военный конфликт между Китаем и Японией, и мы, и американцы оказывали Китаю значительную военную помощь, секретно консультируя друг друга по этим вопросам и в Москве, и в Вашингтоне.

Павлов был послан с заданием именно в это время, правда, он несколько запоздал и прибыл уже после того, как был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Визит Павлова имел важное значение для будущего развития событий. Он встретился с членом негласного аппарата компартии США, помощником министра финансов Декстером Уайтом (Кассиром), позже много сделавшим для установления советско-американских

экономических связей.

Уайт, или Вайс, своими корнями происходил из бедного еврейского местечка в Литве. Мы тщательно перепроверяли его родню при участии наркома госбезопасности Литвы П. Гладкова. Павлов, как мне помнится, ехал к Уайту с сообщением о том, что его литовские родственники живы и что мы можем помочь им материально или в выезде за рубеж. К сожалению, сделать этого не удалось — в начале войны они погибли в еврейском гетто в Каунасе.

Уайта нельзя рассматривать, даже при некоторой нашей скромной материальной поддержке в годы войны, как платного агента НКВД. Он был скорее доверенным лицом советского правительства, встречаясь с его высокопоставленными представителями в США. Наша резидентура лишь способствовала этому. Зачастую ему важно было встретиться с нашим сотрудником В. Правдиным (Сергеем), заместителем резидента в Нью-Йорке, чтобы предварительно обсудить важные вопросы беседы министра финансов США Г. Моргентау, госсекретаря К. Халла с послами СССР в США Уманским, Литвиновым, Громыко и наркомом иностранных дел Молотовым. Именно таким образом в годы войны Уайт способствовал решению важнейших вопросов экономической помощи Советскому Союзу и поставки вооружений по ленд-лизу, а также в 1944–1945 годах, когда речь шла о послевоенном экономическом устройстве в Европе и выплате Советскому Союзу репараций в объеме 20 миллиардов долларов за ущерб от гитлеровской агрессии.

Советскому правительству в 1945–1948 годах была предоставлена возможность печатать свободно конвертируемую валюту — оккупационные марки для Германии и для стран Восточной Европы в объеме 70 миллиардов. Эти марки по привезенному самолетом американскому клише печатались в типографии НКВД-МГБ на Лубянке. (Американцы в тот же период напечатали, как известно, лишь десять миллиардов марок. Из них наш в то время главный противник израсходовал в Германии и Австрии шесть миллиардов, остальные четыре были возвращены в американское казначейство.) Таким образом, возмещая наши экономические потери в войне, благодаря Моргентау и Уайту мы в течение самых трудных трех послевоенных лет эмитировали денежные средства, свободно обменивавшиеся на доллары и фунты стерлингов в Европе, что позволило нам обрести необходимый финансовый инструмент для восстановления экономики СССР и стран Восточной Европы в зоне нашего политического влияния.

Наши западные союзники сразу же после войны осознали это

обстоятельство и всячески стремились лишить нас этих экономических преимуществ. Им удалось осуществить это лишь в 1948 году, когда после слияния в «Бизонию» американской и английской зон оккупации в Германии отменили хождение оккупационных марок. Это была экономическая подоплека Берлинского кризиса 1948 года, в ответ последовали наши меры по блокаде Западного Берлина. Но я, кажется, отвлекся. Вернемся к событиям весны — начала лета 1941 года.

Говоря о важной миссии Павлова, следует подчеркнуть, что никто перед Уайтом, перед нашей агентурой в США не мог ставить задачи напрямую вести политику провоцирования японо-американской войны. Это было совершенно исключено. Задача была совершенно другая — по возможности использовать наше влияние в американских деловых кругах и правительстве, чтобы не допустить вооруженного выступления Японии против Советского Союза в случае, если он подвергнется немецкой агрессии.

И еще одно важное обстоятельство. В США создалась исключительно сложная агентурно-оперативная обстановка в связи с тем, что в разведывательной работе, первоначально строившейся в рамках объединенной резидентуры Разведупра Красной армии и разведки НКВД, произошли структурные изменения. Элизабет Бентли (Умница) — главная связная «Голоса», которой он много перепоручал своих связей, — первоначально была агентом военной разведки, позже перешла к «Голосу», а затем вышла на связь с нашей легальной резидентурой. Поэтому получилось так, что информация о коммунистическим подполье, негласных членах компартии в американском правительстве (нелегальный кружок выходца из России, ответственного работника министерства сельского хозяйства США Натана Сильвермастера), информация об агентуре НКВД и военной разведки была сосредоточена в руках одних и тех же людей. И позже в связи с предательством Бентли все это оказалось в руках американских контрразведывательных органов. Надо отдать должное нашему резиденту с 1944 года в США А. Горскому (Громову), который после отъезда В. Зарубина разобрался и сигнализировал о подозрительном поведении Бентли, что подтвердилось при наружном наблюдении, установленном Горским, когда он направлялся на встречу с ней.

Павлов успешно решил поставленные перед ним задачи. Мы получили подтверждение, что американо-японская конфронтация на Тихом океане медленно, но определенно перерастает в военное противостояние. Для Сталина и Молотова это не было открытием. Видный аналитик Разведупра Красной армии перед

войной, а позднее наш крупный экономист-международник В. Аболтин еще в 1940 году подготовил записку руководству наркомата обороны о неизбежности внезапного нападения японского флота на стратегические объекты Англии и США на Дальнем Востоке. Но информация о сложностях в достижении договоренностей между Японией и Америкой и о неприемлемости между ними экономического компромисса на фоне военных успехов Гитлера была исключительно ценной.

Павлов вернулся из США с важными данными о том, что несмотря на предательство Кривицкого, Чемберса, агенты Коминтерна и объединенной сети Разведупра и НКВД реально существуют и продолжают занимать важные позиции в американском государственном аппарате. В связи с этим поступившая по линии Госдепартамента США информация о предложениях начать тайные мирные переговоры между Германией и Англией при американском посредничестве представлялась достоверной. Важным также было очерчивание сфер тайного обмена мнениями по дипломатическим каналам и по линии разведки между США и СССР о возможном прекращении войны в Китае, а также сохранении нейтралитета Швеции и Турции в условиях войны в Европе.

Накануне войны было принято принципиальное решение строить разведывательную работу в США по принципу создания главной резидентуры в самой Америке и двух вспомогательных — в Мексике и в Канаде. Канадскую резидентуру в начале войны и возглавил Виталий Павлов. В 1943 году в Мексику был назначен Л. Василевский, а главным резидентом по американскому континенту уже в октябре 1941 года стал В. Зарубин. Его назначение было более чем закономерным. Американская «точка» для советской разведки и дипломатии была особенно важной. Зарубин и его жена как нельзя лучше подходили для этой работы. Будучи опытными резидентами, они хорошо знали обстановку в США, выполняли там важные задания еще в 1937 году, находясь на нелегальном положении.

В завершение этого фрагмента воспоминаний хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, насколько важным было в предвоенные и военные годы взаимодействие в США и Швеции советской разведки и дипломатии.

К. Уманский, В. Семенов и М. Ветров — видные советские дипломаты, не будучи кадровыми работниками и офицерами разведки, выполняли тем не менее исключительно ответственные поручения наших разведывательных органов, имея самостоятельный выход на руководство НКВД-НКГБ. Это относится и к Г. Астахову, которой был временным поверенным в

Берлине. Все они имели свои кодовые псевдонимы. Их работа по линии разведки заключалась преимущественно в установлении контактов с определенными деятелями во время официальных встреч. Возможно, это покажется кому-то слишком рискованным — «засвечивание» человека с высокой дипломатической миссией на связях с симпатизирующими нам людьми, привлекаемыми источниками или даже агентами, но на крутом повороте истории такая работа неизбежна. И успех этих связей зависит главным образом от интеллектуального потенциала резидента, то есть насколько он контактен в общении, владеет ли свободно иностранным языком, досконально ли знаком с обстоятельствами, сутью проблемы. У нас же зачастую при смене поколений в разведке с интеллектуальной подготовкой не все было на уровне. Доходило до анекдотических случаев, когда заведующие консульскими отделами посольств — выдвиженцы «ежовского» партийного набора, выпускники Школы особого назначения 1938 года слали в Центр телеграммы, что они нашли дом, где должна состояться встреча с агентом, но войти в него по техническим причинам не могут. «Технические причины» состояли в том, что на Западе уже в то время в состоятельных домах устанавливались кодовые замки, что не было свойственно России с открытыми до недавнего времени настежь дверями в подъездах жилых домов.

Дата начала войны под вопросом

О развертывании войск

Роль разведки накануне войны, причем как военной, так и политической, сводят, к сожалению, в основном к предупреждениям о сроках начала фашистской агрессии. Между тем разведки Красной армии и органов НКВД выполнили свою историческую миссию в правильном ориентировании руководства страны и военного командования в отношении неизбежности будущих военных действий. Вся разведывательная информация об усилении немецкой группировки войск против Советского Союза была реализована в предложениях наркомата обороны об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на западе и на Дальнем Востоке с учетом реально складывающейся обстановки.

Правительство сделало безошибочный вывод о том, что угроза войны надвигается неумолимо и что главным театром военных действий станет западное направление. Надо отметить, однако, что эти выводы были сделаны не на основе документальных данных о конкретных замыслах противника, а благодаря компетентной ориентировке в военно-экономической и внешнеполитической обстановке. Поэтому не совсем оправданно мнение о том, что информационно-аналитическая работа была поставлена плохо. Если быть точнее, то нужно отметить, что информационно-аналитической работе не уделялось должного внимания, нами не были вскрыты дезинформационные акции разведки противника и его сателлитов в канун развязывания войны.

Руководство наркомата обороны и Генштаб стремились не допустить создания противником на наших границах группировки, которая обладала бы подавляющим превосходством над Красной армией. Достижение хотя бы равновесия сил на границе было важнейшим направлением военной политики сдерживания Гитлера от броска на Россию. Говорю об этом не понаслышке. В начале 1941 года Меркулов приказал мне и начальнику военной контрразведки В. Михееву прибыть на совещание руководства Разведупра Красной армии и оперативного управления Генштаба, на котором обсуждалась военно-политическая обстановка в Европе в летней кампании. С этой встречи на Гоголевском бульваре начался масштабный обмен информацией о состоянии немецких и японских

вооруженных сил. Главным был вопрос, заданный заместителем начальника оперативного управления Генштаба, в то время генерал-майором А. Василевским Голикову, начальнику Разведупра, и мне: предполагает ли военная разведка и НКВД одновременное начало военных действий против СССР как на Западе, так и на Дальнем Востоке? При этом он сказал, что наши выводы и замечания будут приняты во внимание и доложены военному и политическому руководству. Таким образом, речь шла о том, какие силы следует иметь нам на Дальнем Востоке для ведения активных оборонительных действий. Угроза войны на два фронта была исключительно серьезной, поскольку одновременные военные операции на Западе и на Дальнем Востоке были невозможны для Красной армии. По мнению Василевского, доложенная нами разведывательная информация в целом соответствовала действительности, и на основе ее было внесено на утверждение следующее решение: ограничиться активной обороной на Дальнем Востоке и развернуть на западном направлении главные силы и средства, которые готовы были бы не только отразить нападение на Советский Союз, но и разгромить противника в случае его вторжения на нашу территорию. Несколько раз повторялась мысль о том, что наша группировка, отразив нападение, должна нанести поражение Германии и ее союзникам, обеспечить прорыв их фронта в южном направлении беспрерывными бомбардировками, сорвать работу румынских нефтепромыслов, лишить тем самым немцев горючего, а значит, и возможности вести длительную войну. Голиков поддержал эти соображения.

Тогда же впервые был поднят вопрос: способна ли немецкая сторона к активным действиям против нас, не завершив военные операции в отношении Англии. Голиков и начальник отдела Разведупра Дронов привели очень убедительные данные, полученные военной агентурой, из которых четко следовало, что у немцев нет шансов победить Англию в начатой ими воздушной войне и принудить ее к безоговорочной капитуляции и что исход боевых действий в Западной Европе, несмотря на установившееся господство Германии на сухопутном фронте, еще не предрешен.

Мы с Михеевым доложили о нашем участии на совещании в Разведупре Меркулову. Позже я узнал от Михеева, что военные продолжают обсуждать вопрос о стратегическом развертывании наших вооруженных сил на Западе и на Дальнем Востоке. Крайне важными были поступившие из Токио материалы, что Япония увязла в длительной войне с Китаем. Наша агентура, проникшая в японские разведывательные органы в Маньчжурии, исчерпывающе докладывала о масштабном партизанском движении в тылу

Квантунской армии, которое мы старались поддерживать как серьезный для нас громоотвод военной опасности на Дальнем Востоке.

В работе против нас японцы не отличались оригинальностью. С одной стороны, у них был неизбежный выбор — опора на белую эмиграцию. С другой — им всюду мерещилось китайское и корейское сопротивление, поскольку корейцы ими рассматривались как самый неблагонадежный элемент. В борьбе против партизанского движения, руководимого, как они считали, Коминтерном, японская контрразведка сделала попытку создать так называемые школы Коминтерна под своим прикрытием. Нами был выявлен японский агент, который был направлен для создания именно такой школы и для организации лжепартизанского движения на территории Маньчжурии.

Для достижения своих целей они даже использовали агентов пожилого возраста. Их интересовало в основном то, что происходит в Маньчжурии и в районах, примыкающих к СССР. С этой целью были созданы искусственные базы снабжения, провокационные так называемые трудовые крестьянские группы, практиковалась массовая заброска в партизанские отряды агентуры из наиболее квалифицированных разведчиков.

В связи с этим вспоминается одна успешная операция, которой лично руководил начальник УНКВД Приморского края М. Гвишиани. Японцы захватили жену начальника штаба 7-й народно-освободительной армии Китая Цой Сенчена, кореянку, и завербовали ее. Перед ней была поставлена задача — завербовать своего мужа и вывести его из отряда. Она дала согласие на выполнение этого задания, заявила, что может его выполнить, так как настроение у мужа отчаянное и он недоволен своим пребыванием в партизанском отряде. Ей организовали побег из тюрьмы и попытались подбросить нам, однако в оперативной игре в Хабаровске и Маньчжурии нам удалось переиграть японцев и сорвать эту акцию.

Анализируя итоги этой операции, заместитель начальника внешней разведки Н. Мельников сделал вывод, что при массовом партизанском движении в тылах японская армия, потерпевшая поражение на Халхин-Голе, не готова к активным действиям в нашем Приморье, хотя японские генералы, стремясь поднять свой авторитет в Токио, разрабатывают такие планы.

Противоречивость информации и ее осмысление

В начале так называемой перестройки, которая в скрытой

форме переросла в гражданскую войну, усиленно раздувался миф о том, что мы якобы боялись немцев, что Сталин дрожал от страха перед мощной фашистской армадой, угрожавшей нам с Запада. Как ни прискорбно, но к искажению реальной картины руководства Сталиным, Молотовым, Берией, Ворошиловым, Тимошенко деятельностью советской разведки вольно и невольно подключились и руководители внешней разведки КГБ и ГРУ Генштаба в 1960–1980 годах В. Кирпиченко, В. Павлов, П. Ивашутин и другие. Они фактически инициировали тезис о том, что в канун войны о сроках нападения разведчики «докладывали точно», а диктатор Сталин и его «сатрапы» Молотов и Берия преступно проигнорировали достоверные разведывательные материалы о немецком нападении.

Удивительно, что руководитель нашей военной разведки в 1963–1987 годах Ивашутин оперирует в своих заметках в «Военно-историческом журнале» придуманными нашим писателем и ветераном военной разведки О. Горчаковым ссылками на мифического агента «Ястреба», которого якобы Берия хотел стереть «в лагерную пыль» за достоверную информацию об угрозе войны. Кроме того, он будто бы докладывал Сталину, что наш посол в Германии Деканозов «бомбардирует дезинформацией» о неизбежной войне с Германией и он, Берия, требует отозвать его. Все это полный абсурд: посол Деканозов, будучи в то время и заместителем наркома иностранных дел, не находился в подчинении у Берии.

Нам следует сейчас разобраться не только в том, докладывала ли разведка «наверх» о дате начала войны. Это вопрос важный, но не главный. Необходимо сравнить обстановку, сложившуюся в 1941 году и, например, в 1967 году, и посмотреть, как информация разведки и контрразведки влияла на крупнейшие политические решения в СССР и как она использовалась. Об этом я писал из тюрьмы Ю. Андропову 20 июля 1967 года.

Обвиняя Сталина и Молотова в просчетах и грубых ошибках, допущенных перед началом войны, их критики довольно примитивно трактуют мотивы принятых решений по докладам разведорганов, указывают лишь на ограниченность диктаторского мышления, самоуверенность, догматизм, мнимые симпатии к Гитлеру или страх перед ним. Таким образом отвлекается внимание от исторической подоплеки событий, к которым причастны нынешние консультанты внешней и военной разведки.

Почему я говорю об этом? Дело в том, что реализация разведывательной информации определяется, как правило, неизвестными для разведчиков мотивами действий высшего

руководства страны. Целью Сталина было любой ценой избежать войны летом 1941 года. Не последнюю роль в его просчетах сыграла, возможно, и противоречивость нашей информации.

Сталин был раздражен, как видно из его хулиганской резолюции на докладе Меркулова, не только утверждениями о военном столкновении с Гитлером в ближайшие дни, но и тем, что «Красная капелла» неоднократно сообщала противоречивые данные о намерениях гитлеровского руководства и сроках начала войны. «Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к е… матери. Это не источник, а дезинформатор», — писал он 17 июня 1941 года. Сталина я здесь вовсе не оправдываю. Однако нужно смотреть правде в глаза. Не только двойник «Лицеист», но и ценные и проверенные агенты «Корсиканец» и «Старшина» сообщали весной 1941 года и вплоть до начала войны, в июне, о ложных сроках нападения, о выступлении немцев против СССР в зависимости от мирного соглашения с Англией и, наконец, в мае 1941 года «Старшина» передал сведения о том, что немецкое и румынское командование «озабочено концентрацией советских войск на юго-западном направлении, на Украине и возможностью советского превентивного удара по Германии и Румынии с целью захвата нефтепромыслов в случае германского вторжения на Британские острова».

Поэтому реакцию Сталина, по моему мнению, следует рассматривать не только как неверие в нападение Германии, но и как крайнее недовольство работой разведки. Во всяком случае, так я расценивал после разговора с Фитиным мнение «наверху» о нашей работе и, не скрою, был этим чрезвычайно удручен. Безусловно, нашей большой ошибкой было направлять «наверх» доклады разведки, не составив календарь спецсообщений. Сделано это было лишь после «нагоняя».

Впрочем, мы посылали руководству все важные сообщения, надеясь, что в Кремле, получая еще дополнительные данные от военных служб и Коминтерна, сделают соответствующие выводы и дадут нам указания.

Война — это что-то вроде водораздела. И тем не менее есть смысл обращаться к событиям 1941 года, чтобы понять: были ли сделаны выводы из этих уроков накануне серьезнейших испытаний, которые наша страна пережила в последующем — в пятидесятые — шестидесятые годы, в периоды ожесточенных локальных войн на Ближнем Востоке, грозивших перерасти в военное противостояние между СССР и США.

В 1988 году я принимал участие в работе научного семинара в штаб-квартире нашей внешней разведки в Ясенево. Довелось

мне тогда освежить память по некоторым документам. Разведывательная информация о замыслах немецкого руководства и о рассмотрении вопроса о нападении на СССР начала поступать примерно с мая-июня 1940 года. Одновременно следует подчеркнуть, «наверху» и в НКВД ошибочно считали, что к войне мы худо-бедно, но готовы.

Есть ли объяснения тому, что происходило со стороны участников драмы в мае-июне 1941 года, кроме известной всем жесткой критики? Очень мало. До нас доходят лишь обрывки архивных документов и отдельные высказывания заинтересованных лиц: Микояна, Молотова и их сегодняшних яростных разоблачителей. Но ведь есть и другие обстоятельства, по которым стоит высказаться.

Июнь 1991 года. Помню, как по телевидению демонстрировали фильм о роли разведки перед началом Отечественной войны. Делались аналогии. Советский Союз накануне нападения гитлеровской Германии и Советский Союз накануне развала. В 1991 году угроза развала была очевидной, но руководство страны, и прежде всего Горбачев, который лично руководил силовыми ведомствами, ошибочно считали, что держат ситуацию под контролем. Они полагались и на безосновательные заключения и рекомендации по линии госбезопасности, что общественное мнение в целом поддерживает Горбачева и не существует реальной опасности отстранения его от власти.

Вот мы говорим: ответственность Сталина за судьбу Родины. Она огромна. Говорим о роли Хрущева, Брежнева, Горбачева. Она также не менее ответственна. Потому что у нас всегда первое лицо государства, в незначительной степени второе — председатель правительства — лично осуществляли руководство спецслужбами и силовыми ведомствами. И на них в первую очередь лежит персональная ответственность за сохранение целостности государства, отражение внешних и внутренних угроз его развитию и существованию. Это никогда нельзя сбрасывать со счетов.

А теперь хотелось бы привести пример того, как ошибочная реализация нашей разведывательной информации способствовала, как отмечал наш видный дипломат Г. Корниенко, развязыванию печально известной шестидневной войны на Ближнем Востоке между Израилем и арабскими странами в июне 1967 года.

Ряд участников драмы на Ближнем Востоке играл не последнюю роль в разведывательных операциях и по линии их обеспечения советскими дипломатическими ведомствами в

сороковые годы. Скажем, советский посол в Египте в 1967 году Д. Пожидаев, в прошлом работник разведки, был офицером нашей резидентуры в Париже в 1940 году, а в годы войны по просьбе наркомата иностранных дел перешел на дипломатическую службу, но при этом продолжал оставаться не просто доверенным лицом, а активным помощником советской разведки. То же самое можно сказать и о В. Семенове — в 1960–1970-е годы заместителе министра иностранных дел СССР, исполнявшего в период Отечественной войны важные поручения разведки НКВД в Швеции. При их участии, без санкции политического руководства страны представитель КГБ в Каире передал 13 мая 1967 года египетской разведке в порядке обмена информацией непроверенные данные о концентрации израильских войск для нападения на Сирию. Между тем израильское командование готовилось нанести главный удар по вооруженным силам Египта с целью прежде всего уничтожить его авиацию на аэродромах и завоевать господство в воздухе. Пожидаев же и Семенов подтвердили эту ложную информацию египтянам, которые, идя на поводу ее, настояли на выводе войск ООН с египетско-израильской границы, считая, что концентрация египетских войск на Синайском полуострове станет сдерживающим фактором ожидавшегося нападения на Сирию. В результате египетское руководство двинуло войска на Синай и начало блокаду в заливе Акаба. Сделано это было вопреки предостережению председателя правительства СССР А. Косыгина не обострять обстановку. Неблагоприятные последствия этих действий для союзника СССР в то время широко известны.

В 1992 году А. Рылов, ветеран советской разведки, подарил мне книгу В. Кирпиченко «Из архива разведчика», в которой он как куратор в то время «ближневосточного» направления в работе КГБ за рубежом описывает эти события без тени раскаяния в трагической ошибке, повлекшей большие внешнеполитические осложнения для нашей страны. Кирпиченко — одна из крупнейших, знаковых фигур в истории наших органов безопасности и в истории разведки. Он был руководителем нелегальной разведки, до этого возглавлял направление по Ближнему Востоку в центральном аппарате. Это очень значимо с точки зрения практического опыта в организации нелегального аппарата, который создается для работы в особый период — в период военных действий.

Читаем дальше. В своих воспоминаниях Кирпиченко категорически отрицает причастность советской стороны к провоцированию военных действий на Ближнем Востоке, утверждая, что речь идет просто об агрессии Израиля. Согласен.

Но только в одном. Главная причина войны — противостояние и четкая позиция как в Израиле, так и в арабском мире, что оно может быть разрешено только военной силой и мир возможен только на основе военного решения проблемы, на условиях достижения военной победы. Совершенно ясно: первопричина конфликта — агрессивные устремления сторон. Тут не может быть сомнений.

Но вот об обстоятельствах развязывания войны Кирпиченко почему-то забывает. Если мы обратимся к стенограмме Пленума ЦК КПСС в июне 1967 года, состоявшегося почти сразу же после арабо-израильских военных действий, то увидим, что генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, курировавший силовые ведомства, сказал, что поражение Египта для нас явилось большой неудачей, и руководство страны подвели разведка, военные и дипломаты. На чем базируется это заявление генсека? Что он имел в виду, когда говорил об этом? Скорее всего, то, что 13 мая представитель КГБ СССР в Каире, непонятно с чьей санкции или без санкции Центра, обменялся с руководителем египетской разведки (с которым, как признает Кирпиченко, тоже были дружественные отношения) информацией о том, что на сирийском фронте заметна усиленная концентрация войск. Но эти сведения еще подлежали перепроверке. В своей книге Кирпиченко по своему усмотрению рассекретил документ КГБ СССР о том, что 26 мая 1967 года были получены сведения о намерении Израиля начать войну на Ближнем Востоке через два-три дня. Но это не соответствовало действительности. Война началась десятью днями позже. Кто знает, может, это была специально подброшенная израильтянами дезинформация в адрес КГБ, чтобы спровоцировать Египет и дать повод Израилю для «превентивного» в глазах мирового общественного мнения удара по арабским странам. Возникает вопрос, насколько опасна информация разведки? И может ли она быть опасной и нежелательной, когда курс правительством и руководством страны уже определен? Кирпиченко пишет о блестящей роли нашего посла в Каире Д. Пожидаева, с которым у него были прекрасные отношения. Но у них и не могло быть иных отношений. И в этой связи возникает новое белое пятно в истории операций нашей разведки, сопоставимое с уроками 1941 года. Сомневаюсь, что и в настоящее время из анализа событий 1967 года сделаны в СВР соответствующие выводы. Это маловероятно, поскольку историческими обобщениями по ближневосточному конфликту занимаются люди, причастные к очевидным ошибкам в оперативной работе именно в этот период.

Но вернемся к событиям мая-июня 1941 года. В 1992–1993

годах, в пылу критики Сталина, нашего посла в Германии Деканозова обвинили в том, что он явился «распространителем» дезинформации о неизбежности войны с Германией. Как же обстояло дело в действительности?

В мае 1941 года Деканозов был вызван в Москву для консультаций. Тогда между ним и немецким послом графом Шуленбургом состоялись беседы. Из рассекреченных теперь записей этих бесед следует, что немецкий посол в Москве открыто заявлял советскому дипломату, в недалеком прошлом начальнику внешней разведки НКВД, о своей озабоченности растущей напряженностью в германо-советских отношениях, грозящей столкновением, и о необходимости их улучшения.

Деканозов немедленно доложил не только в форме записи беседы, но и лично Сталину и Молотову о встречах с Шуленбургом. И вот здесь советское руководство в силу своего менталитета допустило серьезнейшую ошибку. Оно не могло себе представить, что Шуленбург беседовал с Деканозовым по собственной инициативе, без санкции Берлина. Даже когда Шуленбург подчеркнул Деканозову, что он излагает свою личную точку зрения о необходимости предпринять шаги в виде совместного обмена нотами и принятия коммюнике о стабильности германо-советских связей, в Кремле восприняли его слова как точку зрения влиятельных политических кругов Германии. Роль Шуленбурга Сталин, Молотов, Берия, безусловно, переоценивали. От его бесед с Деканозовым ожидали начала проработки возможной встречи с немецким руководством на высшем уровне. Не случайно Деканозов 1 мая 1941 года стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и государства. Это лучше всяких слов говорило немцам, что он, заместитель наркома иностранных дел, очень близок к руководителям Советского Союза. 5 мая Деканозов был приглашен на завтрак к Шуленбургу.

По ошибочному указанию Кремля мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений, в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии. Затем последовало печально известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о безосновательности слухов относительно войны с Германией.

Намерения немцев и неизбежность войны стали еще более очевидными, когда нашей контрразведке с помощью агента военной разведки Г. Кегеля при участии З. Рыбкиной удалось установить совершенную прослушивающую аппаратуру в

помещениях немецкого посольства, где Шуленбург и военный атташе вели доверительные беседы между собой. Это было очень большим достижением нашего контрразведывательного аппарата и его технических подразделений, смонтировавших аппаратуру. К сожалению, это удалось сделать только в майские праздники 1941 года.

Кобулов, Меркулов, Берия часто бывали у Сталина в мае-июне 1941 года. Они лично докладывали разведывательные и контрразведывательные материалы. Однако самые убедительные данные о сроках нападения появились за два-три дня до начала войны. Их немедленно доложили на самый «верх». Это были записи разговоров Шуленбурга, который прямо говорил, что он очень пессимистично настроен в отношении военных планов Гитлера, связанных с Россией. Эта запись легла на стол Сталину и окончательно убедила советское руководство, что война разразится в самое ближайшее время. Сейчас известно также, что при встрече А. Щербакова с секретарями райкомов партии в Москве 20 июня 1941 года он советовал не выезжать в выходные дни из Москвы, ибо ожидается нападение Германии.

Я с большим уважением отношусь к нашим видным военачальникам — маршалу Советского Союза Г. Жукову и адмиралу Н. Кузнецову, однако им не следовало бы упрекать друг друга в пренебрежении данными разведки. Например, Кузнецову, который в записке Сталину излагал сообщение военно-морской разведки о сроках нападения, приписывают вину за дезориентацию руководства о сроках нападения немцев. Дело в том, что Кузнецов действительно сообщал о неподтвердившихся сроках, но, к сожалению, каждый раз цитирование документов в нашей исторической и мемуарной литературе подчинено конъюнктуре. Жуков упрекает Кузнецова в том, что капитан первого ранга Воронцов, наш военно-морской атташе в Берлине, докладывал ему о действиях немецкого командования, опираясь на данные нескольких источников, дававших разные сообщения. Но ведь не процитирован весь документ, где говорится, что источники информации ненадежны и дано задание перепроверить их, после чего эти сведения не подтвердились. О том же самом идет речь и в записках генерала Голикова — что сведения о начале войны, поступавшие в марте-апреле 1941 года, действительно оказались неточными.

Существенное значение имеет и то, что доклады Голикова и Кузнецова весной 1941 года направлялись Сталину в то время, когда немецкие силы не были еще полностью развернуты по нашей границе и вопрос о немедленном начале военных действий не стоял. Генштаб верно оценивал возможности противника и

делал правильные выводы. По складывающейся ситуации начало военных действий представлялось маловероятным до июня. Нельзя не осуждать распространенное сегодня явление, когда многие публицисты произвольно и безответственно цитируют важнейшие документы нашей истории. И, как правило, занимаются этим те, кто в своих предыдущих публикациях давал иные «исторические» оценки роли КПСС, характеру и особенностям предвоенной обстановки.

Однако нельзя не сказать и о крупных просчетах нашей разведки. Довольно часто муссируется вопрос о том, что Сталин дал указание о развертывании главных сил танковых и механизированных соединений Красной армии для отражения главного удара противника на Юго-западном направлении, поскольку имелось в виду, что немцам нужны были нефть, украинский уголь, запасы зерна и т. д. для длительной войны с Советским Союзом. На самом же деле мы переоценивали группировку немецких войск, противостоящую нам на юго-западе, в результате чего Южный фронт вынужден был в начале июля отойти. Несмотря на очень серьезную агентурную сеть, которую мы имели в Румынии, была получена мифическая информация о значительно превосходящих силах немцев и румын на Южном направлении, состоящих из 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий.

Неправильная оценка нашей разведкой обстановки в Бессарабии, как мне самокритично рассказывал нарком госбезопасности Молдавии, впоследствии начальник особого отдела Южного фронта Н. Сазыкин, в критический момент начала войны обусловила невысокую эффективность действий войск Южного фронта, несмотря на то что противник, как оказалось, не имел превосходящих сил. Несомненно, это оказало неблагоприятное влияние на развитие событий на всем Юго-западном направлении.

Историкам разведки предстоит еще большая работа: сравнить поступавшую в Москву разведывательную информацию с картиной реальных сроков развертывания сил фашистской Германии весной и в начале лета 1941 года. Как следует из дневников начальника сухопутных войск Германии генерала Гальдера, изданных у нас, приказ немецкого верховного главнокомандующего о нанесении удара по Советскому Союзу в соответствии с планом «Барбаросса» появился только 10 июня. До наших разведчиков об этом доходили лишь отголоски. В целом обстановку мы оценивали верно, понимая, что дело идет к войне, но когда речь зашла об объяснении причин столь противоречивых разведывательных данных, здесь надо прямо сказать, руководство

наркоматов внутренних дел, госбезопасности и разведки, будучи вызванным на ковер, не нашло должного ответа. К сожалению, новое поколение руководителей советской разведки не извлекло из этого уроков, повторив сходные ошибки в ходе событий накануне арабо-израильской войны в июне 1967 года.

О репрессиях в органах госбезопасности и разведки

Тема репрессий — особая. Хотелось в этой связи обратить внимание на обстоятельства, которые остаются вне поля зрения тех, кто стремится историю разведки писать уже по укоренившимся шаблонам. Необходимо иметь в виду, что архивные материалы не могут дать целостной картины того, что произошло в те годы. Часто в показаниях потерпевших и реабилитированных ныне людей по делам тридцатых — пятидесятых годов мы читаем и черпаем не только недостоверные сведения, но и оказываемся в плену устоявшихся версий и мифов, в достоверность которых верит не только некомпетентная в этих вопросах общественность, но и нынешние сотрудники и ветераны спецслужб.

В ходу утверждение о том, что Ежов прежде всего уничтожал работников старой школы Дзержинского. Это в принципе верно. И Берия их уничтожал, и Абакумов их не любил. Многие оказались выбиты, особенно те, кто занимал руководящие должности в органах госбезопасности и разведки. Но мы забываем и другое очень важное обстоятельство. Среди старых кадров «школы Дзержинского» наблюдалась известная напряженность в личных отношениях, имело место некоторое соперничество. Так было и в органах разведки. Эйтингон, который почти с самого начала существования Иностранного отдела ОГПУ работал в нем и со временем вырос в крупного работника, рассказывал мне о напряженных отношениях между Ягодой и Трилиссером, не ладили между собой начальник контрразведки А. Артузов и начальник ИНО Трилиссер. Артузов, как известно, стал впоследствии начальником разведки. Трилиссер же перешел на работу в Коминтерн. Артузов в письме к Менжинскому в 1931 году оправдывается за некоторые упущения в работе и даже пишет о «триллиссерских извращениях» в работе разведки. Неудивительно, что когда эти люди были арестованы, они давали показания друг против друга как о «заговорщиках в НКВД».

Когда в Комитете Партийного контроля при ЦК КПСС проверялось мое дело, оказалось, что в различных приложениях к нему были аккуратно подшиты в качестве «компрометирующих материалов» выписки из провокационных показаний и доносов (в 1930–1961 годах) фактически на всех видных работников советской разведки в довоенный период и послевоенные годы правления Сталина. Ко мне было исключительно

доброжелательное отношение руководства КПК в лице А. Пельше, И. Густова, начальника секретариата КПК Г. Климова. Поэтому, ознакомившись с этими документами, я напрямую, без обиняков спросил Густова, почему в ЦК КПСС при рассмотрении реабилитационных документов все равно представлялись из прокуратуры и КГБ протоколы допросов арестованных, свидетелей и осужденных по сфальсифицированным политическим делам тридцатых — пятидесятых годов, правда, с чудовищной и циничной оговоркой, что «данные, приведенные в протоколах, не вполне достоверны». Разъяснения меня просто потрясли. И. Густов и Г. Климов откровенно сказали, что, к сожалению, «наверху» независимо от реабилитации того или иного человека его принято считать скомпрометированным. Эта логика жива и сейчас. Компрометирующие материалы по делам репрессий в сфере госбезопасности разведки подлежат вечному хранению и, очевидно, использованию.

Обстоятельства и мотивы репрессий в органах госбезопасности и разведки можно понять, лишь разобравшись с лживой версией о мифических заговорах в органах НКВД-МГБ-КГБ.

В сталинском варианте осуществлялась концепция подчиненной роли военных и гарантированного «невмешательства» в решение политических вопросов в жизни страны. Никто из руководителей силовых ведомств и спецслужб не должен был иметь самостоятельного значения в советской партийно-государственной иерархии. Поэтому сразу вслед за делом военных 1937–1938 годов сталинское руководство инициировало новый репрессивный цикл — дело о заговоре в НКВД.

«Ежовые рукавицы» Сталина

Руководство органов госбезопасности СССР было почти полностью обновлено еще в ходе тотальной чистки и показательных процессов 1936–1937 годов. Расстрел Генриха Ягоды и его группы обрывал любые возможные связи «чекистов первой волны» с их единомышленниками в армии. Поставив во главе НКВД Ежова и его руками расправившись со всеми намеченными жертвами, Сталин, опасаясь широкого недовольства размахом кровавых чисток, возложил всю ответственность за содеянное на руководство спецслужб.

«Заговор в НКВД» до сих пор «расфасован» по различным делам конца тридцатых годов, и спустя шесть десятилетий

многие сотни томов уголовных дел о «ликвидации палачей» хранятся за семью печатями.

Нанося удар по второй силовой основе режима, Сталин как бы демонстрировал всем, что, несмотря на значимость органов госбезопасности, «ежовые рукавицы» могут находиться только в руках вождя. Никто из чекистов не должен и в мыслях пытаться самостоятельно ставить и решать политические вопросы, притом что руководители центральных и областных управлений НКВД избирались депутатами Верховного Совета СССР и являлись членами соответствующих партийных комитетов.

Сталин, отчасти следуя указаниям Ленина, наносил удары не только своим реальным, но и потенциальным противникам. Конечно, любой серьезный политик стремится упреждать события. Сам характер деятельности спецслужб в любом государстве несет в себе некоторые элементы нарушения законности, ибо работа секретных ведомств скрыта от общества и его парламентских институтов. Но Сталин всегда мыслил категориями военного времени.

(Иной метод, нежели в кровавой мясорубке тридцатых, применяется для удержания власти — с помощью разветвленной агентуры спецслужб — на исходе века. Например, августовские события 1991 года выглядят как более «мягкий», но точно рассчитанный превентивный удар одних политических сил по другим. Эту версию нельзя игнорировать.)

С началом войны Сталин как Верховный главнокомандующий и нарком обороны непосредственно руководит органами военной разведки и контрразведки. В условиях мирного времени мощная система обороны и безопасности страны опять подвергается демонтажу. Новая чистка в вооруженных силах и спецслужбах, начавшаяся с конца 1945 года, вовсе не преследовала цели обновления кадров: вождь лишил силовые структуры даже теоретической возможности реализовать тот политический капитал, который они заработали в битве с фашизмом.

Военные, избежавшие прямых репрессий, подверглись опале. В руководстве вооруженных сил на смену маршалу Жукову, адмиралу Кузнецову и другим видным военачальникам пришли либо узковедомственные профессионалы, например маршал Василевский, либо бесцветные партийно-хозяйственные функционеры-исполнители — новоявленный маршал Булганин. В начале 1946 года пост министра госбезопасности вместо Меркулова занял новый сталинский выдвиженец, бывший начальник военной контрразведки СМЕРШ Абакумов. Маршал Берия был полностью отстранен от курирования спецслужб, хотя за ним и оставили руководство советской атомной программой.

Послевоенные репрессии в органах безопасности

Послевоенный период деятельности Сталина заложил основу усложнения механизма руководства экономикой и социально-политической сферой. Создавались целые направления, новые отрасли народного хозяйства. Обострение борьбы между приближенными Сталина вылилось в новые репрессии и разгром некоторых «антипартийных группировок» (например, «Ленинградское дело»). В результате против самого министра Абакумова фабрикуется дело о заговоре МГБ против руководства страны. Итак, спецслужбы снова оказались под огнем не только Хозяина, но и различных фракций в политбюро и секретариате ЦК партии.

«Дело Абакумова» и привязанный к нему «сионистский заговор в МГБ», фоном для которого стала антисемитская кампания, — апофеоз политических разборок накануне смерти Сталина. Весной 1953 года Берия, на три месяца поставленный у руля Лубянки во главе расширенного МВД, искусственно выделил «дело врачей» из дела МГБ. Ведь врачи были подшиты к заговору лишь как инструмент, с помощью которого Абакумов якобы готовил захват власти.

Все, что могло как-то обелить Виктора Абакумова, не устраивало ни Берию, ни Хрущева, ни других, кто разбирался с этим делом, — вплоть до комиссии со Старой площади, возглавляемой М. С. Соломенцевым, а на излете перестройки — А. Н. Яковлевым. Только совсем недавно стало документально известно о существовавшей с тридцатых годов в недрах политбюро комиссии по судебным вопросам. Репрессивные мероприятия, проводимые спецслужбами, а также нацеленные против самих органов госбезопасности и их номинальных руководителей, направлялись не узкой группой кураторов секретных служб, а всем политбюро. Но последнее слово всегда принадлежало Хозяину — Сталину, Хрущеву, Брежневу, Горбачеву.

В общественном мнении устоялось представление, близкое к истине, что разведка всегда работала в белых перчатках и лишь добывала информацию, а контрразведка, следственные органы проводили репрессии. Однако правда состоит в том, что почти все крупные политические процессы были инициированы в ЦК на основе материалов, добытых внешней разведкой. Документы из архивов подтверждают: эти оперативные разработки начиная с двадцатых годов и дела Промпартии имеют закордонные первоисточники, включая сигналы от агентуры в российских эмигрантских кругах. Агентура поставляла информацию то об

антисоветских высказываниях, то о враждебной болтовне за рубежом советских граждан, имеющих вполне официальные контакты с бывшими соотечественниками, вхожими в эмигрантские организации. Нередко через эти каналы действовали иностранные спецслужбы. Но главное, что политический сыск проникал поверх границ в нужном советскому руководству направлении.

Обвинение в попытке стать над партией, первоначально выдвинутое против Абакумова, в июне 1953 года было сполна использовано Маленковым и Хрущевым при смещении Берии. Каждый последующий руководитель, развенчивая своего предшественника, играл на отмене и пересмотре дел. «Сто дней» Берии в МВД отмечены, помимо всего, реабилитацией лиц, близких к Маленкову, обвиненных при Сталине в попустительстве выпуску недоброкачественной авиационной продукции. Многие из репрессированных офицеров, генералов и адмиралов в апреле и мае 1953 года были реабилитированы Военной коллегией Верховного суда СССР с подачи Берии, вскоре арестованного как врага народа. Прекращались все дела о военных заговорах, ряд видных военачальников был возвращен к прежней работе. Сложнее оказался расклад в отношении Абакумова, от которого в политбюро спешили избавиться.

Хрущевская профилактика

Роль спецслужб как инструмента борьбы за власть была творчески переосмыслена новым руководством, прежде всего Маленковым и Хрущевым. Именно Маленков — глава правительства — отдал приказ об аресте Берии 26 июня 1953 года. Когда арестованный следователь МГБ Рюмин начал давать показания против Игнатьева, последнего при Сталине министра госбезопасности, и всплыло имя Маленкова в качестве одного из соавторов крупных политических дел — Берия (за две недели до своего ареста) направил Маленкову протоколы этих допросов. Шеф МВД имел неосторожность рекомендовать председателю Совета министров арестовать последнего при Сталине министра госбезопасности С. Игнатьева и обвинить его в грубейших нарушениях законности в «деле врачей». Видимо, это «переполнило чашу»: ведь Игнатьев являлся человеком Маленкова.

Еще при Сталине Игнатьев оказался вовлеченным в оперативные дела по компрометации Берии и стал для последнего главной мишенью. Конечно, Маленков хорошо

понимал, что попытка расправы с Игнатьевым будет означать выбивание показаний и на него, Маленкова. История с манипуляциями компроматами завершилась молниеносной расправой с Берией, маскируемой выдвижением против него мифических обвинений в шпионаже и попытках захвата власти, хотя Берия находился под бдительной опекой своих замов Круглова и Серова (ставленников Маленкова и Хрущева).

С этого момента масштабы репрессивной политики заметно уменьшились, но роль органов госбезопасности как инструмента правящей власти не изменилась по существу. Хрущев добился назначения Руденко генеральным прокурором СССР и через него взял в свои руки весь компромат, содержащийся в показаниях Берии, на всех членов коллективного руководства — Президиума ЦК КПСС и Совмина. До 1954 года, когда Никита Хрущев стал фактическим лидером страны, вся канцелярия, следственные материалы и особые архивы находились у Маленкова. Круглов возглавил МВД, а Серов — КГБ. Таким образом, Никита Сергеевич получил все рычаги информационно-аналитического и силового контроля над страной. В дальнейшем именно Серов, ставший в 1954 года председателем КГБ, подбирал материалы Хрущеву, когда тот разворачивал кампании борьбы с антипартийной группой и другие акции внутри кремлевского руководства.

Контроль над материалами спецслужб позволил Хрущеву осуществить его знаменитый доклад на XX съезде КПСС. Без Руденко и Серова, тщательно подбиравших нужные лидеру документы, демарш Хрущева был бы невозможен. Комиссия Шверника не проводила настоящего расследования, не копала глубоко, особенно в архивах ЦК. Основные данные, которыми оперировал Хрущев, извлекались из дел, хранящихся в Военной коллегии Верховного суда, Военной прокуратуре, а также в секретных сейфах КГБ.

Во времена хрущевской «оттепели» приоритеты в политике советского руководства изменили и роль силовых ведомств. От Хрущева до Горбачева, а в новой России при Ельцине, руководитель государства периодически «профилактирует» военные ведомства и спецслужбы, указывая им «свое место». Разница лишь в том, что у каждого лидера — свои методы, подходы к расстановке кадров, мотивы для принятия решений. Когда речь шла об удержании личной власти в борьбе с мощными соперниками, Хрущев лично контролировал спецслужбы. Разгромив «антипартийную группу», затем отстранив маршала Жукова от руководства Министерством обороны, Никита Сергеевич почувствовал себя вне опасности.

Жукова обвиняли на Пленуме ЦК 1957 года даже в том, что

создаваемые им группы спецназа, отвечающие современным требованиям, предназначались чуть ли не для захвата Кремля. Хотя руководство знало, почему возникла потребность в планомерном реформировании войск «гибкого реагирования»: после событий в Венгрии и Суэцкого кризиса политическое руководство поставило военным плановую задачу на переход к новой тактике десантно-штурмовых и разведывательно-диверсионных операций. В любом случае все шаги военного руководства согласовывались с указаниями партийных органов и контролировались органами контрразведки.

Серов отслеживал все факты недовольства военных хрущевскими сокращениями вооруженных сил, приписывая недостатки позиции министра обороны. Но и Серова, получившего «за устранение противников Хрущева» звание генерала армии, вскоре переместили с Лубянки. Правда, на престижную должность начальника ГРУ. Серов даже на короткое время был введен в состав Президиума ЦК КПСС, что для того периода весьма нехарактерно. После 1958 года его услуги уже не требовались. В 1953–1958 годах Хрущев — энергичный государственный деятель, лично контролирующий всю деятельность органов госбезопасности, никому не перепоручающий рычаги контроля. Однако, оказавшись по-своему, а не в сталинском варианте на голову выше своих коллег и оппонентов, он доверяет часть властных полномочий другим, предварительно заменив все свое «силовое» окружение, не желая зависеть от тех, кому он был обязан своим восхождением к власти.

Здесь Хрущев совершает роковую для себя ошибку. Номинально являясь главнокомандующим вооруженными силами, в том числе и органами КГБ, он постепенно распределяет свои контрольные функции между заместителями. При Шелепине во главе КГБ начинается планомерное омолаживание чекистского корпуса и постепенное выдавливание тех, кто по роду занятий и уровню компетенции располагал сведениями о лицах из нового хрущевского окружения. Конечно, кадры не «вырубались», как раньше, но из спецслужб увольняли многих сотрудников, имеющих 25 лет выслуги. На рубеже пятидесятых — шестидесятых годов Лубянка заметно помолодела, модернизировав идеологический и политический сыск.

Работа КГБ, помимо борьбы со шпионажем и агентурой иностранных разведок, сбора развединформации за рубежом, в целом обеспечивала охрану порядка, спокойствие державы и безопасность высшего руководства страны. Но именно в этот период, перестав в массовом порядке громить противников

советской власти, спецслужбы впадали в спячку и отучались работать в условиях чрезвычайного положения. Когда ветры горбачевской перестройки начали раскачивать власть, оказалось, что ни власть, ни ее приводные ремни в лице КГБ не готовы к реальным переменам. Сохранялась иллюзия сталинских времен: достаточно иметь в своих руках все рычаги контроля над спецслужбами — и все задачи будут решены, все останется на своих местах. На последнем этапе хрущевского десятилетия начали складываться новые группировки — брежневская, косыгинская и т. д. В довершение к этому Хрущев назначает секретаря ЦК и бывшего главу КГБ Александра Шелепина куратором органов госбезопасности. Личный контроль подменяется контролем на бумаге. Заговор руководства против Хрущева и смена лидера прошли без эксцессов.

Власть, можно сказать, легальным путем плавно перешла в октябре 1964 года из рук в руки. Не было никаких разговоров о чекистском или военном заговоре — исполнители привычно делали свою работу. Вооруженные силы и спецслужбы в течение двух-трех лет приучились исполнять команды тех людей, которые снимали Хрущева.

Начало брежневской эры — это подготовка его выдвиженцами своих людей в кремлевском руководстве и спецслужбах для предотвращения дальнейших повторений варианта «демократической ротации» лидеров страны. Оттеснение Шелепина от кураторства КГБ, замена его соратника Семичастного Андроповым на посту главы КГБ шли под аккомпанемент слухов о заговоре «молодых». Брежневу нужен был абсолютно свой человек. Таким человеком стал Андропов.

Внешне спокойное правление было неким синтезом из опыта Сталина и Хрущева. Но колоссальные усилия аппарата Лубянки отвлекались на расчистку окружения Брежнева в нужном для лидера направлении. С помощью компромата, отслеживания чекистами различного рода болтовни среди членов партийного и военного руководства СССР, выяснения потенциальной опасности тех или иных «замыслов» проводилась дискредитация ряда крупных фигур, но за стены Кремля эта информация не выходила. В начале 1982 года, когда после смерти Суслова секретарем ЦК стал Андропов, его кресло на Лубянке занял Федорчук. Дряхлеющий генсек предпочитал лично контролировать КГБ, никому другому не передоверяя столь деликатную функцию. Лично преданный Брежневу генерал Федорчук пытался начать антиандроповскую чистку органов госбезопасности.

Став во главе государства, Андропов назначил председателем КГБ Чебрикова. «Узбекское дело» и другие кампании по борьбе с

коррупцией имели целью дальнейшую перетряску политбюро. Перестановки в московской парторганизации были непосредственно увязаны с делом директора Елисеевского гастронома Соколова. Лубянка получала негласные «ориентировки» на определенную часть партийного руководства. Андропов расчищал фундамент для своих реформ и повысил статус органов госбезопасности. На этой базе впоследствии началась горбачевская перестройка.

Последние маневры КГБ

Имея громадный агентурный аппарат и информационно-аналитические возможности, органы КГБ при М. Горбачеве в эпоху гласности и перестройки отвлекались на совершенно несвойственные им мероприятия. Например, на перепроверку научных решений, проработку вопросов о составе участников тех или иных крупных проектов. Не говоря уже о кадровых назначениях и выявлении настроений в различных слоях общества. Подобные функции присущи лишь спецслужбам в тоталитарных государствах, где господствует режим личной власти. Все худшее, что было заложено в методы работы секретных служб Сталиным и его последователями, — отсутствие собственной политической и нравственной позиции, отслеживание руководителями Лубянки своего места у кремлевского трона, непримиримость к любой оппозиции, — оказалось странным образом востребовано и пришлось ко двору в эпоху так называемой гласности и демократических преобразований.

Но вся негативная информация часто не реализовывалась и решения откладывались, накапливая взрывоопасный материал. Это самоустранение вождей от разрешения кризисных ситуаций, начавшееся еще в эпоху подъема польской «Солидарности» и отчасти усугубленное афганским синдромом, обнаружило слабость политического режима в СССР и его неспособность адекватно воспринимать реалии времени.

Потенциал КГБ использовался и для разложения шахтерского движения, и для поиска компромата против Ельцина, хотя зачастую все эти чекистские мероприятия словно были запрограммированы на обратный результат — дискредитацию союзной власти и привычных большинству социальных ценностей. Чем дальше, тем больше обострялась конкуренция между лидерами, и не только по линии Горбачев — Ельцин. Перед лицом неминуемого развала страны, передоверяя часть

своих полномочий союзным республикам, президент СССР все время маневрировал. При этом, как стало известно позже, Горбачев вовсе не исключал силового варианта развития событий: механизм использования спецслужб «смазывался» для действий в условиях чрезвычайного положения.

Феномен ГКЧП явился результатом того, что на этапе исторического перелома органы госбезопасности, силовые структуры возглавлялись людьми, не прошедшими настоящей школы политической деятельности, не приученными принимать самостоятельно ответственные решения. Почти все «гэкачеписты», будто специально отобранные Горбачевым на роль опереточных путчистов, пришли на высокие должности из помощников и референтов, из категории аппаратных руководителей. В руководстве КГБ появился Крючков, введенный в политическую игру лично Горбачевым. Возможно, этого требовали обстоятельства.

По свидетельству ряда сподвижников Горбачева, он был твердо намерен остаться у власти, однако не вполне ясно представлял себе механизмы ее удержания. Президент СССР не был приучен к управлению в особых, чрезвычайных условиях, а потому отошел от конкретной работы и контроля над аппаратом. Горбачев все больше занимался представительством, выступая гарантом, судьей над схваткой. И трон зашатался.

Одним из выходов оставался силовой вариант в «рамках демократии». В сентябре 1990 года спецслужбы получают задания на проработку вариантов своих действий в условиях ЧП.

План начинает воплощаться в дальнейших кадровых назначениях указами президента. В. Бакатина в МВД меняют на Пуго, когда в прибалтийских республиканских министерствах внутренних дел уже возникло «двоевластие». А для оперативного использования милиции и войск МВД по личной инициативе президента М. Горбачева назначается генерал Борис Громов, прошедший Афганистан. Заигрывая с оппозицией, Горбачев добивается ее разложения методами спецслужб. Возникает принципиально новая ситуация. События как бы выходят из-под контроля. За январскими событиями 1991 года в Вильнюсе следует уход из КГБ первого зама Крючкова, одного из наиболее информированных о всех и вся чекиста, бывшего начальника 5-го управления «идеологической контрразведки» Ф. Бобкова.

В августе 1991 года, когда острейший социально-экономический и политический кризис достиг наибольшего размаха, отученные от самостоятельного мышления «наследники Сталина» отправляются к Горбачеву в Форос, словно за милостью к царю. Пытаясь вразумить президента, заговорщики

докладывают о реализации подготовленных с его участием планов и решений. Горбачев делает более разумный выбор: понимая, что без какого-то элемента чрезвычайщины не обойтись, он не занимает определенной позиции, дожидаясь развязки драмы.

Мифические заговоры и подлинные действия руководителей спецслужб нелегко анализировать ввиду почти полного отсутствия документов об этом. В свете недавних публикаций и решений органов юстиции более-менее поддаются исследованию мифы о заговорах Ежова, Берии и Абакумова. Сложнее обстоит дело с запутанными обстоятельствами событий августа 1991 года, отстранения министра безопасности Баранникова летом 1993 года, осадой Белого дома.

И ныне муссирование в печати мифов о заговорах в армии, НКВД-КГБ не является безобидным изобретением ряда фальсификаторов нашей истории, вышедших из ЦК КПСС. Эта лживая версия, базировавшаяся на спекуляциях вокруг всегда непростых отношений среди руководящего состава органов безопасности, препятствовала реабилитации и восстановлению доброго имени безвинно пострадавших чекистов, внесших большой личный вклад в укрепление могущества Родины. Возьмем руководителей разведки. Как происходил пересмотр дела Артузова? Тяжело. Первоначальное ходатайство о реабилитации Артузова, одного из организаторов советской контрразведки, а позднее разведки, было отложено по той причине, что он «проходил по делу Ягоды как заговорщик», и даже не столько по делу Ягоды, сколько по делу «о заговоре в НКВД». Чтобы вытащить Артузова из этой категории заговорщиков НКВД, потребовалась соответствующая санкция в «инстанции». Лишь в 1956 году его родственников начинают допрашивать в КГБ в связи с пересмотром его дела. Когда вопрос коснулся меня, заведующий секретариатом КПК при ЦК КПСС Герман Степанович Климов сказал, что мое дело должно пересматриваться так же, как дело Артузова, Шпигельглаза. Тогда же в КПК заинтересовались моими комментариями по делам конца двадцатых — тридцатых годов о ненормальных отношениях, сложившихся в руководстве ОГПУ. Интерес к моим комментариям был вызван желанием узнать, как ряд особых моментов в отношениях между руководителям разведки и контрразведки в конце двадцатых — начале тридцатых годов трактовался руководителями НКВД в сороковые годы, когда версия о заговорщической деятельности Ягоды и Ежова получила официальное хождение.

Обратимся к этим ранним событиям. Мы видим

исключительно противоречивую картину. Например, в 1929 году Ягода и Менжинский пишут письмо Сталину, что они «не имеют никакого отношения к правой оппозиции Бухарина, Рыкова и Томского». Об этом письме сейчас не говорят, но оно было чрезвычайно важным. О нем были проинформированы все начальники самостоятельных подразделений ОГПУ. В этом письме говорилось, что к правой оппозиции руководство госбезопасности никакого отношения не имеет и «все слухи на этот счет являются сплошным вымыслом». Но прошло восемь лет, и в уголовном деле о «заговоре в НКВД» стали фигурировать мнимые связи Ягоды, Прокофьева, Трилиссера, Артузова с «правой оппозицией». Когда меня в КПК познакомили с этим письмом, я был поражен. Ведь никто из следователей и руководителей НКВД, сменивших Ягоду, Прокофьева, не мог, за исключением Ежова и Сталина, знать об этом письме. Следовательно, именно Сталин и Ежов дали установку следователям-фальсификаторам «раскрутить» «заговор НКВД по тайной поддержке правой оппозиции». Трудно избавиться от мысли, что за этим не стоял сам Сталин. Кто еще мог знать о письме Ягоды, Менжинского и Трилиссера — начальника разведки — в ЦК ВКП(б) и в Контрольную комиссию на имя Орджоникидзе, в котором сообщалось о контрреволюционной троцкистской листовке, где были ссылки на то, что Бухарин и Сокольников говорили «о необходимости смены руководства политбюро и что правых поддерживают Ягода и Трилиссер».

В октябре 1929 года Ягода писал Сталину о том, что между ним и Менжинским нет никаких разногласий. «Приехав и переговорив с т. Менжинским, — писал Ягода, — я твердо убедился, что никакой трещины между нами нет, и все мои опасения на этот счет ни на чем не основаны. Сейчас я очень сожалею, что под влиянием целого ряда обстоятельств, известных вам, я стал сомневаться в отношениях ко мне т. Менжинского и тем самым оставил впечатление о создавшейся трещине в руководстве ОГПУ. Никакой трещины на самом деле не было и нет, в чем я убедился и из разговора с т. Менжинским, и на практической работе».

Сталин прекрасно знал, что отношения среди руководства госбезопасности были ненормальные, что между руководителями центральных подразделений возникали трения. Это обстоятельство сейчас по-новому заставляет меня взглянуть на то, почему Артузов (после своего письма Менжинскому в 1931 году с критикой Трилиссера) после разоблачения Блюмкина был назначен на должность начальника Иностранного отдела. Затем Ягода, имея неважные отношения с Артузовым, убирает и его.

Интересно, что Артузов жалуется на Ягоду в своем письме Менжинскому, говоря, «что у него ненормальные отношения с Ягодой»; вскоре после этого его перемещают на работу в разведывательное управление Красной армии.

Сталин решил заменить руководство госбезопасности совершенно новым поколением людей, которые были не связаны друг с другом, которые пришли по партийной мобилизации. Все эти обстоятельства активно использовались для насаждения в органах госбезопасности нужных ему людей, которые не были связаны прошлыми отношениями с руководящими советскими и партийными работниками в центре и на периферии.

Есть и другое письмо Артузова Менжинскому, где он резко пишет, как я уже говорил, «о трилиссерской лихорадке», которая потрясла весь коллектив внешней разведки. «Были люди среди нас, — писал Артузов, — желавшие использовать дискуссию в борьбе с Генрихом Григорьевичем Ягодой, несмотря на то, что сам характер дискуссии был не чекистский и сам по себе дискредитировал этих людей, пользующихся недостойными средствами. Единственным лицом, выступавшим с резкой критикой самого характера дискуссий, был только я, когда заявил протест против самокритики в оперативных вопросах, т. Трилиссер договорился и до этого. Я призывал партийное собрание не стараться быть левее ЦК и продолжать рассмотрение всех материалов об оппортунистической практике в партийной работе».

Из этого письма от 3 декабря 1931 года также следует, что Артузов и ИНО были вовлечены в дела, которые рассматриваются теперь как политические репрессии в связи с выявлением «иностранных связей» в следственных действиях по знаменитому делу сопроцессников профессора Рамзина в деле Промпартии и профессора Кондратьева по делу так называемой Трудовой крестьянской партии.

Беспристрастное разбирательство политических репрессий было всегда невыгодно руководству страны. Да и сейчас навряд ли беспристрастная оценка этих событий может иметь место со стороны таких людей, как А. Яковлев и В. Наумов — руководители Комиссии по политическим репрессиям в ЦК КПСС и в нынешней администрации. Эти люди причастны к публикации откровенно подтасованных биографических материалов на жертв и участников политических репрессий. И более того, в свое время они сознательно утаивали важные документы не только от общественности, но и от жертв репрессий. Например, документы о том, что жена убийцы Кирова Николаева Мильда Драуле в момент убийства находилась в приемной Кирова и была

задержана и допрошена через пятнадцать минут после его смерти, утаивались как комиссией Яковлева, так и комиссией Шверника еще в пятидесятые годы. А ведь об аресте Драуле еще не смещенный начальник Ленинградского НКВД Медведь доложил Ягоде спустя два часа после гибели Кирова. В утаиваемых документах, еще не сфальсифицированных материалах первого дня следствия, четко видны личные мотивы убийства и неопровержимые близкие связи Николаева с людьми, политически сочувствовавшими оппозиционным Кирову и Сталину группам в большевистской партии.

Но личные мотивы убийства Кирова ревнивым мужем были невыгодны как Сталину, так и Хрущеву, и Горбачеву, и, наконец, А. Яковлеву. Последний озабочен отслеживанием сравнительно небольшого количества заказных тайных ликвидаций политических оппонентов и противников сталинского режима, намеренно не замечает волну политического уголовного терроризма, захлестнувшего Россию, жертвами которого стали не только предприниматели, но и видные журналисты и ряд общественных деятелей.

В последнее время очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но репрессии следует понимать не только как аресты и судебные расправы, но и как периодическую чистку и обновление руководящего звена советских разведывательных органов. Однако сейчас мало кто задумывается, что репрессии в разведке в конце тридцатых годов были порождены уходом и бегством на Запад ряда руководящих работников ИНО и Разведупра Красной армии. Последствия этих побегов были исключительно чувствительны. Орлов-Никольский был не единственным перебежчиком из руководящих работников. В 1937–1938 годах остались за границей бывший помощник начальника ИНО, куратор работы по эмиграции и операций против английской разведки, нелегальный резидент в Швейцарии М. Штейнберг с женой, бывшей нашим оперативным работником Эльзой. Штейнберг поддерживал, правда, с нами контакт через наших нелегалов М. Алахвердова и Г. Тахчианова, но доверия к нему не было.

На путь открытого предательства стали Рейс — нелегальный резидент в Западной Европе в тридцатые годы — и Кривицкий, нелегальный резидент в Голландии, к сожалению, работавший как в ИНО, так и в Разведупре Красной армии. Ликвидировать удалось лишь одного Рейса, а Кривицкий за год до самоубийства в Вашингтоне предупредил, как было впоследствии установлено, английские и американские спецслужбы о советской агентуре среди выпускников Кембриджа, в частности о Филби. На наше

счастье, англичане не придали должного значения его сигналам, поскольку, сбежав на Запад, он стал психически неуравновешенным человеком.

Тяжелые последствия имел также побег Люшкова — уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку. Он сдал известную ему агентуру в Маньчжурии.

Таким образом, побеги тоже парализовали нашу работу, они также спровоцировали репрессии, ускорили падение Ежова, но, к сожалению, стали веским доводом для Сталина, переставшего доверять работникам разведывательного аппарата, в особенности его руководству, которое давало положительные оценки работе Орлова-Никольского, Кривицкого и др.

Побеги 1937–1939 годов созвучны предательским побегам сотрудников советской и российской разведок в 1980–1990-е годы. Оправдать нынешних предателей угрозой политических расправ невозможно. Но, к сожалению, В. Кирпиченко как руководитель трудов по истории разведки и работники пресс-бюро внешней разведки О. Царев и другие стремятся оправдать побеги тридцатых годов угрозой репрессий. При этом В. Кирпиченко утверждает, что репрессий в разведке после развенчания Сталина не было. Но это же заведомая неправда. Руководство разведки даже после XX съезда КПСС препятствовало вплоть до 1971 года реабилитации Серебрянского, «поскольку разыскать рабочее дело Серебрянского и установить, какую пользу он принес советской разведке», по ее заключению, «не представлялось возможным».

Неприглядно выглядят внешняя разведка и Разведупр Генштаба в судебной расправе над нелегалом А. Гуревичем в 1958 году, который был реабилитирован, несмотря на противодействие военной разведки, в 1990 году.

М. Штейнберг вместе с женой был осужден по инициативе внешней разведки по возвращении домой, несмотря на заверения работников разведки не привлекать его к уголовной ответственности в 1957 году. Судили его тайно, без защитника. В приговоре записано, что «применять к нему высшую меру наказания нецелесообразно ввиду отсутствия фактического ущерба от его деятельности». Тем не менее он был осужден на 12 лет тюрьмы, а жена Эльза — на пять лет по 58-й статье. Эльза вообще была невиновна, поскольку выполняла его приказания как подчиненный сотрудник. Я неприязненно отношусь к Штейнбергу, конфликтовал с ним в тюрьме, но дело его сфальсифицировано, и руководство разведки знало об этом, направляя каждый раз отрицательные заключения по его заявлениям Хрущеву (в шестидесятые годы) и в прокуратуру.

Наконец, еще более возмутительный пример в отношении целой семьи нелегалов Марковых. Они были захвачены американцами в Аргентине в 1970-е годы в связи, как говорят, с предательством О. Гордиевского. По отношению к ним руководство разведки и председатель КГБ Ю. Андропов осуществили акт вопиющего политического произвола — внесудебную репрессивную высылку всей семьи из Москвы. Неужели господину Кирпиченко, начальнику нелегальной разведки в те годы, не стыдно за этот произвол, который почему-то генерал-лейтенант внешней разведки в отставке Виталий Павлов назвал «бериевским рецидивом в истории наших операций за рубежом». Я пишу «почему-то» не случайно. В. Павлов сам причастен вместе с другими молодыми лейтенантами — выпускниками разведывательной школы в 1938 году, к огульным гонениям на заслуженных работников разведки в 1939 году при Берии. Ведь именно по справке, подготовленной Павловым, из органов была изгнана легендарная разведчица Е. Зарубина, как принятая на работу врагами народа и имеющая родственников за границей. Позднее, в 1946 году, по аналогичным клеветническим материалам — выпискам из показаний арестованных в 1938-м — из разведки в возрасте 50 лет был уволен и ее муж генерал-майор В. Зарубин.

Вместе с тем в 1930–1950-е годы наличие в личном деле материалов о репрессированных родственниках для результативных работников не было препятствием для прохождения службы в органах разведки. Так, Е. Зарубина, Б. Афанасьев, А. Коротков были направлены за границу по официальной линии Берией в 1940 году, несмотря на наличие таких компрометирующих материалов.

В механизмах и обстоятельствах репрессий и чисток в разведке и органах безопасности в 1930–1950-е годы нам надлежит определиться и разобраться сейчас беспристрастно на фоне обвальных реорганизаций в российских спецслужбах, участившихся случаев предательств и побегов во внешней разведке. Это позволит избежать огульных кампаний и чисток кадров, которые имели пагубные последствия для эффективной работы советских и российских спецслужб как в тридцатые — пятидесятые годы, так в наше время.

Немецкие спецслужбы против СССР накануне нападения

По установленному порядку разведывательные органы должны докладывать правительству обо всех сигналах и слухах, связанных с угрозой большой войны или локального военного конфликта. Это, можно сказать, их святая обязанность. По этой причине иногда случалось, что мы, идя на поводу немецкой дезинформации, оказывались ее жертвами. Весной 1941 года немцам не раз удавалось переиграть советские резидентуры в Берлине, Софии, Бухаресте, Братиславе, Анкаре. Нашей главной ошибкой было преувеличение роли немецкого посла в Москве графа Шуленбурга, который при встречах неизменно подчеркивал заинтересованность немцев в развитии экономических отношений с Советским Союзом. Однако надо иметь в виду и тот факт, который неправомерно отрицается, что в немецком руководстве были серьезные разногласия в отношении войны против СССР и что окончательное решение о нападении было принято 10 июня 1941 года, то есть за 12 дней до начала военных действий. Мне могут возразить, ведь план «Барбаросса» был представлен на утверждение Гитлера еще в декабре 1940 года. Но разработка военных планов, в том числе наступательных широкомасштабных операций, была обычной практикой всех генеральных штабов крупнейших держав Европы и Азии в 1930–1940-е годы. Для нас никогда не было секретом, что такого рода планы разрабатываются и фашистской Германией. Другое дело — политическое решение о развязывании войны и об осуществлении на практике замыслов военного командования.

Для германского руководства вопрос о войне с СССР в принципе был решенным. Речь только шла о выборе благоприятного момента для нападения. С военной точки зрения время для начала военных действий было выбрано Гитлером безошибочно. Немцы верно оценили сравнительно низкий уровень боеготовности войск Красной армии, дислоцированных в приграничных округах. Для Гитлера было выгодно навязать нам войну в то время, когда техническое перевооружение механизированных корпусов и нашей авиации не было завершено.

И все же, если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 года, то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та

часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии. Здесь немцы достигли значительно большего результата.

Но зато немецкая военная разведка — абвер — эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в пограничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Белоруссию и Западную Украину. «Дезертиры» выдавали себя за австрийцев, призванных на немецкую военную службу после аншлюса Австрии. Этот маневр абвера, который вел свои операции в Румынии, Польше и Болгарии, нам удалось вовремя разгадать. Агенты-австрийцы, такие как Иоганн Вечтнер, Франц Шварцель и другие, были опознаны и обезврежены.

Допросы липовых перебежчиков позволили нам впервые узнать о конкретных руководителях немецких разведывательных органов. Мы установили, что своих агентов немцы готовили для краткосрочных диверсий непосредственно в нашем тылу. Было абсолютно ясно, что немецкое командование активно изучает будущий театр военных действий. Однако, к сожалению, мы не сделали из этого выводов, что Гитлер планирует молниеносную войну.

Весной и в начале июня 1941 года абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтовой полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки. В актив абвера надо записать вывод из строя 22 июня узлов связи Красной армии.

Удары немецкой авиации по нашим аэродромам оказались четко спланированными. Наиболее жестоким бомбардировкам подверглись аэродромы Юго-Западного фронта. Особенно сильно пострадала авиация, находившаяся в Черновицах, Станиславе — Ивано-Франковске. Результаты налетов оказались ошеломительными и для Белорусского (Особого) военного округа. Практически полностью были уничтожены самолеты, запасы горючего. Наша авиация понесла невосполнимый урон. Это можно отнести к достижениям немецкой разведки. Она получала точные сведения от местных жителей, сотрудничавших с ОУН и прибалтийскими националистами.

В то же время наши потери в значительной мере были

обусловлены и низким уровнем боеготовности ВВС и ПВО к отражению нападения. В нарушение основных положений уставов об охране аэродромов и стратегических складов не были развернуты даже дежурные огневые средства. За это командованию ВВС и ПВО — известным героям-летчикам и генералам пришлось расплачиваться своей головой. Они были расстреляны летом-осенью 1941 года по сфальсифицированным обвинениям в измене Родине и вредительстве. Судьба Г. Штерна, Я. Смушкевича и других широко известна. Однако мало кто знает, что среди жертв этой трагедии были люди, попавшие в роковой список по инициативе местных партийных руководителей.

По сфальсифицированному обвинению был расстрелян в феврале 1942 года Герой Советского Союза, Герой испанской войны, командующий ВВС Юго-Западного фронта Птухин. Арестовали его и предали суду на основании специальной записки Никиты Хрущева, которую он передал Сталину, ставя как член Военного совета фронта вопрос об ответственности Птухина «за разгром советской авиации».

Однако немецкая разведка все же не сумела предсказать гитлеровскому командованию малую вероятность разгрома Советского Союза в краткосрочной летней военной кампании. Немцы не обладали исчерпывающими данными о нашем военно-экономическом потенциале. Они вынуждены были опираться на агентуру из формирований оуновцев, грузинской, армянской и азербайджанской эмиграции, националистов Прибалтики, которые не имели доступа в наши экономические министерства и ведомства и в среду высшего и среднего звена советского военного командования.

Следует остановиться на важной операции немецкой разведки в самый канун войны. Весной 1941 года под видом туриста абвер направил в Советский Союз опытного оперативного работника. Нам, к сожалению, стало известно об этой акции только когда он уже покинул нашу страну. Но этот результативный разведчик был, по-моему, преждевременно «засвечен». Перед майором абвера Хольтусом, он же доктор Бруно Шульце, была поставлена задача — собирать развединформацию о военно-промышленных объектах. Его поездка по изучению наших железных дорог пролегла по маршруту Москва — Харьков — Ростов-на-Дону — Грозный — Баку. Немцы стремились установить пропускную способность наших железнодорожных магистралей и предположительно разработать план диверсий, чтобы вывести их из строя. Шульце, возвратясь в Москву, передал собранную информацию немецкому военному атташе и уехал. Позже нам стало известно о его вояже, а также и то, что он

получил указания подготовить диверсионные операции на наших нефтепромыслах в Закавказье и создать для этого специальную опорную базу в Иране.

Довольно странно то, что немецкая разведка Хольтуса, проведшего довольно обстоятельное визуальное изучение наших объектов, вместо того, чтобы использовать его на диверсионной работе по этой линии, предпочла направить в качестве резидента диверсионной группы в Иран. По подложным документам секретаря-референта немецкой торговой компании Шульце Хольтуса забросили в Тебриз, где он собирал разведывательную информацию, используя агентов из числа армянских и азербайджанских эмигрантов. Там он попал в наше поле зрения. В итоге его разведгруппа была захвачена и уничтожена.

Абвер накануне войны обладал одним существенным преимуществом перед советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал специальный отдел по проведению разведывательно-диверсионных операций. При нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800» в составе национальных рот карательного батальона «Нахтигаль» («Соловей») задолго до начала войны. «Бранденбург» проявил себя в диверсионных операциях еще на Западном фронте. Потом он был передислоцирован на Восточный фронт. Этот немецкий спецназ привлекался и для обеспечения важнейших задач стратегического значения. Например, по нашим данным, полученным из Румынии, специальная рота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов. Начиная с февраля 1941 года и до 15 июня диверсионные подразделения были развернуты против нас, заняв выжидательные позиции. Штаб-квартирой батальонов полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии.

Надо подчеркнуть, что в 1940 году спецназ использовался немцами преимущественно в прифронтовой полосе. Например, полк «Бранденбург-800» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Салоникам немецких танковых дивизий.

На нашей территории свои диверсионные подразделения первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 года абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов — Гродно — Колынка-Рудинки — Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота

батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтингаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм. Спецподразделение абвера сумело воспрепятствовать эвакуации и уничтожению важных секретных документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

15–17 июля, переодетые в красноармейскую форму, украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» совершили нападение на штаб одной из частей Красной армии в лесу под Винницей, но атака была отбита, нападающие рассеяны и частично уничтожены.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800», также закамуфлированные в красноармейскую одежду, захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву под Даугавпилсом. В ожесточенных боях абвер потерял командира подразделения, но все же рота удержала мост до подхода передовых частей немецкой армии «Север», рвущихся в Латвию.

29–30 июля тот же 1-й батальон, подкрепленный «Нахтигалем», занял Львов и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. Затем военнослужащие абвера и весь состав батальона «Нахтигаль» по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществили массовые казни еврейского населения, а затем и польской интеллигенции во Львове.

Оценивая действия немецкого спецназа, следует отметить, что учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», усиленный специальными ротами для выполнения особых заданий, был запланирован к использованию на совершенно других направлениях, в том числе для диверсионных действий против англичан на Ближнем Востоке. Однако немецкое командование сочло нужным в сжатые сроки переориентировать их вместе с опергруппами абвера и СД на расправу с противниками оккупационного режима в СССР, Греции и Югославии.

В итоге остановимся на двух особенностях подготовки немецкого спецназа и его использования в начальном периоде войны против нас. Во-первых, перед ним ставились узкие боевые задачи действий в прифронтовой полосе и в ближайших тылах Красной армии. Диверсий в нашем глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало. Во-вторых, формирование спецназа и агентурных групп в нашем тылу из эмигрантов противник вынужден был проводить, используя антисоветский и антироссийский потенциал только определенной части

эмиграции. При существующем недоверии к белой эмиграции о массовой вербовке не могло идти и речи. Это существенным образом ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте.

Специальное подразделение абвера — штаб «Вали» для действий против СССР в условиях военного времени — был развернут противником лишь к середине мая 1941 года вблизи Варшавы.

Судьба руководителей немецкой разведки

Интересна судьба некоторых известных мне руководителей немецкой разведки. Почти все они после войны оказались захваченными нами. В плен попал полковник Э. Штольце, возглавлявший диверсионные операции абвера, заместитель генерала Лахузена, генерал Бентивини, под чьим руководством проводились контрразведывательные операции абвера за границей, генерал Г. Пикенброк, начальник отдела «абвер-заграница» в 1938–1943 годах.

Показания захваченных в плен руководителей абвера рассылались в 1945–1948 годах для ознакомления начальникам самостоятельных служб и подразделений НКВД-МГБ СССР. Сейчас этим материалам уделяется недостаточное внимание. Между тем из их показаний видно, что, хотя подготовка к войне с Советским Союзом велась давно, конкретные задачи немецкой разведке по обеспечению нападения были поставлены лишь за один-полтора месяца до начала войны. Развертывание германских войск для наступательных операций началось буквально за несколько недель до 22 июня. Конкретные же задачи, поставленные перед абвером в начале июня 1941 года, ограничивались лишь изучением и планированием операций в пределах фронтовой полосы.

Что собой представляли руководители немецкой разведки? Например, шеф абвера-1 генерал-лейтенант Ганс Пикенброк был кадровым военным. Шеф абвера-2 генерал-майор Эрвин Лахузен руководил немецкой диверсионной работой против Англии, США и Советского Союза. Он стал работать в абвере лишь в 1938 году, перейдя из австрийской военной разведки после аншлюса Австрии. Но и до этого он тесно сотрудничал с немцами против Чехословакии.

Хотелось бы отметить еще один момент, связанный с судьбой руководителей немецкой разведки. Когда в 1943 году Гитлер разогнал абвер, передав его в аппарат под контроль службы

безопасности СД, те, кто попал под подозрение как участники оппозиции Гитлеру, были отправлены общевойсковыми командирами на фронт.

Мне запомнились материалы допросов бывшего командира пехотной дивизии германской армии генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка. Человек, который, как уже говорилось, занимался агентурно-оперативной работой, был назначен командиром обычной пехотной дивизии. Как следует из его показаний, никаких приказов, связанных с подготовкой плана «Барбаросса», он не получал, хотя приказы и установки в связи с подготовкой к войне с Россией существовали. В марте 1941 года об этом шел разговор с Канарисом и полковником в то время Лахузеном. Только в мае 1941 года он был проинформирован в самом общем виде о том, что война, возможно, начнется в первых числах июня 1941 года. Отмечу, что Пикенброк поддерживал рабочую переписку с начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом В. Типпельскирхом, написавшим потом «Историю Второй мировой войны».

Эта книга издана и у нас. В рабочих отношениях он был и с начальником отдела иностранных армий «Восток», полковником В. Кинцелем, которого сменил Р. Гелен, руководивший немецкой военной информационно-аналитической службой в годы войны и в 1950–1970 годы возглавивший разведку ФРГ.

По показаниям Пикенброка, задания военной агентуры накануне войны сводились в основном к проверке старых разведывательных данных по Красной армии, а также по уточнению дислокации советских войск в приграничных округах.

Какие методы использовали немцы? Пикенброк говорил, что было направлено значительное количество агентуры в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях использовались германские подданные, ездившие по различным делам в СССР, а также проводился опрос лиц, ранее бывавших в СССР.

После пленения Пикенброка держали, как говорится, про запас. Не исключалось, что он мог понадобиться. Лишь 26 марта 1952 года военной коллегией Верховного суда он был осужден, позднее, в 1955 году, репатриирован по амнистии в ФРГ.

Несколько слов о штабе «Вали» — специальном органе абвера по тайной войне против СССР. Его возглавлял Баум — специалист по России в звании майора. Это показатель того, что противник, уверенный в быстрой победе, не развернул против нас центральный аппарат абвера, надеясь, что он свою работу по агентурному проникновению, насаждению у нас нового порядка

совместно со службой безопасности осуществит после решения главной задачи — молниеносного разгрома Красной армии, который мыслился в основном в приграничном сражении. Недаром ведь 7 мая 1941 года руководитель военной разведки Канарис и немецкий военный атташе в Москве, докладывая Гитлеру о соотношении сил, высказывались о предстоящей войне как о быстротечной кампании.

Из анализа разведывательно-диверсионных операций противника в начале войны мы видим, что он хорошо был подготовлен и целенаправленно использовал против нас диверсионные группы в прифронтовой полосе. Нами был сделан вывод, что необходимо значительно усилить противодиверсионное обеспечение и охрану важных объектов в тылу. А ответные удары мы можем наносить специально подготовленными группами. Спецназ следовало создать не для противодействия диверсиям, а для действий прежде всего на коммуникациях противника. Поэтому войска НКВД, хотя и создавались как бригада особого назначения, по своей организации и структуре были подразделениями не массовой подготовки диверсантов, а штучной. Эффективность их использования определялась тесным взаимодействием с агентурно-разведывательными боевыми группами, что давало возможность в кратчайшие сроки реагировать на те или иные повороты событий на фронте.

Второй момент — как известно, в канун войны немецкие спецслужбы в массовом порядке использовали примкнувшие к ним националистические элементы, которые стали основой диверсионно-разведывательных формирований и в ряде случаев должны были сомкнуться с бандитским движением для организации беспорядков в нашем тылу. Противодействуя националистическому подполью, мы в основном обезглавили его в прифронтовых районах. Однако ущерб от совместных выступлений националистов и немецких диверсантов на территории Прибалтики в июне-июле 1941 года все же был значительным.

Мусульманский фактор

Противник активно искал возможности задействования против нас так называемого «мусульманского фактора». Одним из агентов немецкой разведки был профессор «Идрис», татарин, ранее проживающий в Казани, получивший там университетское образование. Будучи участником Первой мировой войны, он

попал в плен к немцам. Уже тогда сотрудники немецкой разведки собирали сведения среди русских военнопленных. В порядке обмена военнопленными «Идрис» выехал в Россию. А в 1922 году вместе с так называемой бухарской комиссией снова приехал в Германию. Тогда отношения между Германией и Советским Союзом улучшились. Но после окончания работы комиссии «Идрис» отказался вернуться в СССР и остался проживать в Берлине. Он продолжительное время был внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству работал в Министерстве пропаганды, часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг «Идриса» группировались те, кто использовался на мусульманском направлении немецкой разведки. Противник готовил Среднюю Азию в качестве театра военных действий. При этом использовались старые кадры.

В мае 1941 года наряду со штабом «Вали» создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД) — это несколько подразделений, так называемых рефератов, в якобы научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока. Например, отделение «А» ведало материальным обеспечением, поставкой боеприпасов, радиоаппаратуры, взрывчатых веществ агентурно-диверсионным группам, которые планировалось забрасывать в тыл Красной армии. Отделение «В» проводило агентурно-разведывательную работу на европейской части СССР. Отделение «Н» должно было организовывать диверсии на Кавказе. Под-реферат «Д» проводил агентурно-разведывательную работу на территориях советских республик Средней Азии.

В мае 1941 года появилась специальная группа при рефератах по внедрению в агентурно-осведомительную сеть НКВД и органов госбезопасности. Важнейшей задачей ее было «раскрытие и ликвидация исключительно сильной агентурно-осведомительной сети ГПУ».

Координацией деятельности органов немецкой военной разведки, службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, хорошо известный разведке и контрразведке НКВД. Он прекрасно владея русским языком, неоднократно встречался с нашим резидентом в Берлине в 1940–1941 годах А. Кобуловым. О судьбе Нидермайера во Владимирской тюрьме и о его смерти мы долго говорили с сотрудником администрации президента России и историком Л. Решиным.

Нидермайер, видный немецкий дипломат и разведчик, считался весьма авторитетным специалистом по России. В двадцатые — тридцатые годы он был немецким военным атташе в

Москве. С санкции своего руководства действовал, как двойник немецкой и советской разведок. В этом качестве с ведома Артузова Нидермайер поддерживал личные доверительные отношения с маршалом Тухачевским. В 1940 году он пытался по поручению Канариса и Риббентропа возобновить с нами неофициальные отношения в беседах с Кобуловым. Однако нам через источники в эмиграции и в гестапо стало известно, что Нидермайер выступает с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона — националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов. Таким образом, у немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза.

Немецкая разведка, в частности бюро Риббентропа, стремились активно использовать против нас и грузинскую эмиграцию. Сейчас этих перебежчиков воспринимают как национальных героев Грузии. Вот краткая биография одного из них — некоего Н. Кедии, руководителя так называемого Грузинского комитета в Берлине. По профессии журналист. С 1927 года проживал в Париже. Примкнул к партии грузинских социал-демократов. После нападения Германии на Советский Союз переехал в Берлин, вступил в немецкую армию, сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав прогерманского грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для переброски в Грузинскую ССР. После войны перебрался в США.

В заключение хочу подчеркнуть следующее. Между советскими органами госбезопасности, советской военной разведкой и немецкими разведывательными органами накануне и в течение всей войны существовала кардинальная разница. Все руководство немецкой и военной разведок и службы безопасности получило всестороннее образование в военных академиях и училищах. Я слабо знаю кадры военной разведки Красной армии, но у нас во внешнеполитической разведке НКВД-НКГБ накануне войны только Эйтингон и Мельников имели законченное высшее военное образование. Но зато наш аппарат был укомплектован отличными специалистами по Германии. Немецкое направление — 1-й отдел разведывательного управления НКГБ — имело костяк сотрудников, прекрасно знавших немецкую военную и полицейскую машину. Среди них начальник 1-го отдела

П. Журавлев, ведущие оперработники З. Рыбкина, А. Коротков, легендарная Е. Зарубина, востребованные войной после необоснованных репрессий, нелегалы Ф. Парпаров, И. Каминский, спецагент, один из главных вербовщиков «Красной капеллы» М. Гиршфельд.

Немецкий разведывательный аппарат в высшем и среднем звене представляли люди, знавшие театр военных действий в Западной Европе. А майор Баум, возглавивший за месяц до войны штаб «Вали», неплохой специалист по России, был офицером примерно среднего звена. Абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в нашем ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. Немцам удалось разведать цели вдоль границы. Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрантские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом мы обладали большими возможностями им противодействовать.

Наконец, самый главный момент. Получалось, что непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди некомпетентные в русском вопросе. Не случайно из-за ряда интриг из германской разведки были изгнаны специалисты по России, предано забвению завещание генерала фон Секта, предупреждавшего о невозможности молниеносной войны с Россией. А полковника, позже генерала Нидермайера, поскольку, как уже было сказано, он по долгу службы сотрудничал с Разведупром Красной армии и Тухачевским, немцы использовали с большой осторожностью. К нему не было полного доверия. Он отсиживался на скромной должности советника и в итоге оказался руководителем разведывательных операций лишь по «мусульманской линии».

У руководства немецкой разведки, можно сказать, произошло ослепление «молниеносной войной». Кроме того, они были уверены, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать пятую колонну наподобие той, которая успешно действовала в странах Западной Европы. В действительности же все сложилось иначе. Они также просчитались насчет массовой опоры на оккупированных территориях Украины и Белоруссии. Да и в Прибалтике местное население, за исключением участников военизированных националистических формирований, не встретило немецкую оккупацию хлебом-солью.

Начало войны

Первые испытания

О начале военных действий руководители служб и направлений НКГБ узнали от Меркулова в 3:00 в ночь на 22 июня. На срочном совещании — в связи с выполнением ответственных поручений — отсутствовали Фитин и Федотов. В тот день они находились за городом. Наиболее решительно повел себя Михеев, который немедленно сообщил о том, что в особых отделах армий и флотов имеются исчерпывающие инструкции о перестройке оперативной работы в условиях военного времени. Сообщение Меркулова, разумеется, не было неожиданным. Указания о боевой готовности, об обострении ситуации были переданы по линии органов НКВД и НКГБ 18, 19 и 20 июня 1941 года как в территориальные подразделения, так и по линии военной контрразведки, а также в штабы и командованию пограничных и внутренних войск, дислоцированных на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Там боевая готовность была объявлена фактически 21 июня в 21:30, то есть до получения санкционированной Сталиным известной директивы наркома обороны. По линии разведки мы также отправили предупреждение об обострении обстановки в Берлин, где посол Деканозов утром 21 июня отдал распоряжение персоналу не покидать без специального разрешения территорию наших миссий за границей и всем сотрудникам докладывать о месте своего нахождения.

В тот же день в Берлин поездом прибыл ряд сотрудников нашей разведки, вызванных из Франции, Дании и Италии. На вокзале их встречал резидент Кобулов.

Надо сказать, что проявленные на местах собранность и дисциплинированность позволили нам без особых проблем быстро эвакуировать свой аппарат по дипломатическим каналам. Настороженность, которую мы проявляли перед войной, предполагая возможность вторжения немцев в наши консульства, положительно сработала и при уничтожении всех средств шифросвязи в Берлине, Париже, Риме, Копенгагене. К сожалению, финнам удалось захватить ряд средств шифропереписки, в том числе кодовую книгу в нашем консульстве в Петсамо. Позже, в 1944 году, финская разведка передала эти материалы английским и американским спецслужбам. Это положило начало почти тридцатилетней операции английских и американских

криптографических служб по дешифровке переписки резидентур советской военной разведки и НКВД из США, Швеции, Англии, Турции, Болгарии с Центром в 1941–1946 годах.

Но мы допустили ошибку, понадеявшись, что наши резидентуры в Западной Европе, получив предупреждение, правильно сориентируются и перестроят свою работу на военный лад. Как оказалось, даже опытные работники разведки, находившиеся за кордоном, имели очень смутное представление о том, как организационно будет строиться работа в условиях начала военных действий. Особенно это коснулось радиотехнического обеспечения в условиях перехода агентуры на нелегальное положение.

Все просчеты и недостатки организационного характера органов безопасности в этот сложнейший период для нашей страны, к сожалению, освещены недостаточно. Откровенно говоря, это относится не только к спецслужбам. Воспоминания С. Штеменко, Г. Жукова и А. Василевского, Н. Кузнецова лишь только чуть приоткрывают страницы, связанные с организацией работы военного аппарата в начальный период войны. Недостаточное внимание этой теме, по-моему, уделил и наш военный историк В. Анфилов в своей работе «Провал „Блицкрига“».

Получив указания Берии (17-го или 18 июня 1941 года) об организации разведывательно-диверсионного аппарата на случай начала войны, я столкнулся с исключительно сложным вопросом: каким образом самостоятельная служба диверсий и разведки будет действовать в прифронтовой полосе и ближайших тылах противника во взаимодействии с военной контрразведкой? Ведь в прифронтовой полосе именно она олицетворяла действия органов госбезопасности.

Как известно, в феврале 1941 года особые отделы, военная контрразведка были переданы в оперативное подчинение наркомата обороны. Встал вопрос: кому непосредственно должна быть подчинена военная контрразведка — военному руководству или наркому госбезопасности? Четко отработанного механизма двойного подчинения не было. Военная же контрразведка не может работать эффективно, не опираясь на общие директивы по обеспечению госбезопасности в Вооруженных силах.

Накануне войны был создан так называемый межведомственный совет НКВД-НКГБ и наркомата обороны по координации работы военной контрразведки.

20 июня 1941 года, когда стало совершенно очевидно, что от начала войны нас отделяют считанные дни, я получил задание создать специальную группу, которая, будучи задействованной в

разведывательно-диверсионных операциях, имела бы возможность самостоятельно осуществлять диверсионные акции в ближайших тылах противника. Разработкой этого задания мы занялись вместе с Эйтингоном, Мельниковым. Сразу же возник вопрос: как создаваемый аппарат должен взаимодействовать с остальными оперативными подразделениями? Ведь Берия, возглавляя НКВД, не являлся наркомом государственной безопасности, а указание о создании аппарата давал он как заместитель председателя Совета народных комиссаров, то есть заместитель руководителя правительства. Имелось в виду, что опираться этот специальный аппарат должен как на НКГБ, так и на НКВД, поскольку именно в его прямом подчинении находились пограничные и внутренние войска, то есть основные воинские части, которые предполагалось задействовать в диверсионных операциях.

Война продиктовала очередной поворот в реорганизации органов безопасности и внутренних дел. Военная контрразведка вернулась в аппарат НКВД, было восстановлено управление особых отделов и фактически слиты аппараты НКВД и НКГБ в расширенный наркомат внутренних дел. В условиях начавшихся военных действий, наших неудач на фронте такая централизация функций по обеспечению госбезопасности страны и охраны общественного порядка была оправданной.

За день до начала войны на меня и небольшой аппарат группы в составе Н. Эйтингона, Н. Мельникова, В. Дроздова, А. Камаевой и А. Кочергиной легли нелегкие задачи, связанные с передачей в наше распоряжение агентуры других оперативных служб НКВД для использования их против немецких спецслужб. Эту агентуру надо было срочно изучить на предмет ее пригодности к действиям в условиях военного времени, поэтому и встал вопрос о перепроверке агентурных возможностей НКВД в целом. Я начал активно взаимодействовать с контрразведывательным управлением П. Федотова, транспортным управлением С. Мильштейна и секретно-политическим управлением, которое возглавлял Н. Горлинский. Речь шла и о том, чтобы в дополнение к имеющейся у нас агентуре добавить и ту, которая находилась на приграничных территориях, для чего нашему разведывательно-диверсионному аппарату необходимо было наладить прямую связь с их территориальными органами и центральным аппаратом контрразведки. Мы ожидали, что основные события развернутся именно там. Речь шла не только о предотвращении широкомасштабных провокаций на всей границе от Белоруссии до Черного моря, но и о развертывании разведывательно-диверсионной работы в ближайших тылах

немецких соединений, если они перейдут границу. Сразу же стало очевидным, что агентуры, которой мы располагали, было недостаточно.

Кроме того, специальных воинских подразделений, к которым можно было бы подключить агентурно-оперативные боевые группы для партизанской войны в тылу противника, не существовало. Правда, мы могли рассчитывать на особый резерв Коминтерна, имевший боевой опыт партизанской войны в Испании.

Эйтингон занялся координацией будущих действий с Генштабом и с командованием Красной армии в приграничных округах. Контакта с командующим войсками особого Белорусского округа Д. Павловым у него не получилось. Но наладились хорошие рабочие отношения с организатором спецназа и партизанских отрядов в период финской войны полковником Разведупра Красной армии Х. Мамсуровым.

Сразу же возник главный имеющий политическое значение вопрос: кто будет отдавать приказ о конкретных, неотложных боевых действиях в тылу противника по линии НКВД в случае начала войны? Не менее важно было и то, кто должен давать санкцию на развертывание диверсионной работы в Польше, Германии и Скандинавии. К сожалению, из опыта испанской и финской войн выводов было сделано маловато. Успех диверсий в тылу противника во многом зависел от ограничения маневренных возможностей танковых группировок немцев путем уничтожения складов с горючим и срывом их снабжения. Это чисто теоретически прорабатывалось Мамсуровым и Эйтингоном на встрече с Голиковым в здании Разведупра на Гоголевском бульваре.

Утром в субботу 21 июня Берия согласился с предложениями Эйтингона, которые я активно поддержал, о том, что мы должны располагать специальным боевым резервом в 1200 человек из состава пограничников и внутренних войск. У Эйтингона была идея создать четыре батальона диверсионного назначения. Три предполагалось развернуть на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. А четвертый оставить в резерве в Подмосковье.

В девяностые годы начались публикации всевозможных «документальных» материалов о разработке планов наступательной операции Красной армии в начальный период войны. Должен сказать, однако, со всей ответственностью, что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий. Это известный рукописный

документ, датированный 15 мая 1941 года.

Сейчас упускают из виду, что эти соображения о встречном сражении Сталин и нарком обороны Тимошенко положили в основу директивы войскам днем 22 июня 1941 года, когда была предпринята попытка встречным ударом остановить немцев и нанести им главный удар на юго-западном направлении. Жукову, по-моему, изменяет память, когда он пишет в своих мемуарах о том, что директива Ставки по проведению решительного контрнаступления была для него совершенно неожиданной. Ведь речь шла о проведении в жизнь тех мероприятий, которые он как начальник Генштаба и генерал-майор Василевский предлагали Сталину осуществить в случае начала войны более чем за месяц до нападения немцев.

Более того, майские соображения Жукова и Василевского фактически были первым нашим черновым вариантом плана военных действий в случае начала войны с Германией.

Сейчас очевидно, что этот документ был весьма несовершенен, более того, замысел наступательных операций мало чем отличался от планов наступательной кампании русской армии в Галиции и Юго-Восточной Польше, разработанных царским генштабом еще в 1913 году и частично с неудачами реализованных в августе-сентябре 1914 года.

В первый же день войны в нашей работе стало чувствоваться большое напряжение. Нас особенно тревожило развитие событий на границе. Сведения поступали самые противоречивые. Днем 22 июня Берия вызвал меня, Масленникова, командующего пограничными войсками, и предложил, чтобы Эйтингон срочно вылетел в Минск. А потом, подумав, сказал, что, пожалуй, имеет смысл вылететь в Проскуров, где будут разворачиваться события на юго-западном направлении, и решить, что можно сделать по линии диверсионной службы для всемерной поддержки Красной армии.

Однако Эйтингон никуда не уехал. Вызванный к Берии, он вместе со мной спорил, доказывая, что есть смысл выехать на место только для того, чтобы разобраться в обстановке. Потому что реально нами не были подготовлены ни силы, ни средства для развертывания диверсионных подразделений и партизанской войны. Надо было сначала получить информацию о том, что там происходит. Нехотя Берия согласился.

К сожалению, наши военные историки, уделив существенное место попытке контрнаступления Красной армии 22–23 июня 1941 года, не увязывают ее с предложениями Жукова и Василевского от 15 мая 1941 года. А родились они, мне кажется, из трактовки выступления Сталина 5 мая 1941 года перед

выпускниками военных академий.

Как известно, усилия Красной армии остановить контрударами наступление немцев ни к чему не привели. Наши части понесли колоссальные потери. Практически мы оказались без авиации и танков. Противник завоевал господство в воздухе.

Командование Западного фронта не располагало информацией о реальном развитии событий. Наши танковые соединения, сосредоточенные на Белостокском выступе, вели неравные бои в окружении, не имели горючего, и судьба их была предрешена. Правда, танкисты, погибая в этом сражении, нанесли большой урон немцам.

Если мы проследим, как разворачивалась работа центрального аппарата органов госбезопасности в первые дни войны, то увидим, что 27 июня был отдан приказ НКВД о формировании войск Особой группы при наркоме внутренних дел для выполнения специальных заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В формировании войск и оперсостава этой группы мы опирались на кадры внутренних войск и соответствующих оперативных подразделений НКВД. Первоначально наряду с Эйтингоном мне без официального приказа в качестве заместителя был придан Ш. Церетелли, занимавшийся отбором добровольцев-спортсменов на стадионе «Динамо». Он был организатором успешно закончившейся борьбы с бандитизмом на Кавказе в двадцатые годы. В июле 1941 года в связи с угрозой войны в Закавказье был назначен начальником пограничных войск Закавказского округа.

При наборе людей мы пошли по пути, подсказанному опытом финской войны, — задействовали спортивно-комсомольский актив страны. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мобилизации комсомольцев для службы в войсках Особой группы при НКВД. Мы мобилизовали выпуски Высшей школы НКВД и разведчиков Школы особого назначения, а также молодежь из органов милиции, пожарной охраны. Первым начальником штаба войск Особой группы стал комбриг Богданов, один из руководителей управления пожарной охраны НКВД. Позднее его сменил полковник Михаил Федорович Орлов, выпускник военного училища кремлевских курсантов Верховного Совета РСФСР и академии имени Фрунзе. В наше распоряжение по решению ЦК ВКП(б) перешел весь резерв боеспособных политэмигрантов, находящихся на учете в Коминтерне.

Кроме того, Особая группа пополнялась, что было очень важно, военнослужащими войск НКВД в ходе боевых действий. В первые дни войны на западном направлении себя блестяще проявил заместитель командующего внутренними войсками

НКВД комбриг В. Кривенко. Командир бригады внутренних войск полковник Плеханов погиб, но его бригаде удалось отстоять прикрытие наших переправ, в ожесточенных боях за мосты у Могилева, Борисова и Бобруйска. Повсеместно командующие пограничными и внутренними войсками стали начальниками войск по охране тыла действующей Красной армии.

Примерно до 26 июня достоверной информации о положении на фронтах у Ставки, видимо, не было. Существовала лишь иллюзия, что противника удалось остановить. В этих условиях на органы НКВД легла огромная ответственность в правильном ориентировании руководства страны относительно складывающейся обстановки. Этому способствовало тесное информационное взаимодействие между органами госбезопасности и первым секретарем компартии Белоруссии П. Пономаренко.

Информация о положении на западном направлении поступала в Москву по каналам органов НКВД. Прежде всего она шла от начальника Белостокского управления НКБГ С. Бельченко и из наркоматов госбезопасности Белоруссии, Латвии и Литвы, куда активно и напористо рвался противник. Следует сказать, что в очаговых сражениях также немалую роль сыграли войска НКВД, которые первыми взяли в плен немцев, разгромив разведывательный батальон противника в ожесточенных боях под Ригой.

После доклада Сталину о неблагоприятном развитии обстановки 24 июня 1941 года Берия отдал приказ о взятии под тотальный контроль всех передвижений по магистрали Минск — Москва. По этому поводу специальная директива ушла на места поздно ночью.

Была еще одна директива Ставки, адресованная командующим войсками Юго-Западного, Южного и Западного особого округа, о формировании группы армий резерва главного командования. Эта директива появилась сразу же, как только началась эвакуация Минска. О важности этого решения говорит тот факт, что заместитель наркома внутренних дел СССР по кадрам С. Круглов был назначен членом Военного совета этой группы армий.

В самом начале июля 1941 года был отдан приказ наркома обороны о выброске на парашютах несколькими эшелонами в тыл врага 204-й воздушно-десантной бригады в районе Любань, Волосовичи в Белоруссии для изоляции и уничтожения подвижных соединений противника. Это свидетельствует о том, что уже в первые дни войны мы пытались путем диверсий нанести урон тылу немцев, в частности, уничтожить склады с

горючим, инфраструктуру снабжения немецких моторизованных группировок, чтобы облегчить положение нашим войскам, находящимся в районе Бобруйска, где складывалась очень напряженная обстановка. К сожалению, эти действия не увенчались успехом. Для нас это был наглядный урок, насколько необходимо при десантировании специальных групп в тыл противника подготовить условия, обеспечивающие их безопасность и боеспособность.

В связи с развитием военных действий на западном направлении Ставкой было принято решение о передаче органами НКВД всех имеющихся гидротехнических средств в распоряжение командующего резервными армиями для быстрейшего оборудования укрепленной полосы и долговременных сооружений на линии фронта. Ставка отдала приказ и о формировании стрелковых и механизированных дивизий из личного состава войск НКВД. И наконец, что тоже заслуживает внимания, о чем умалчивалось по известным причинам, — это приказ Ставки Главного командования — ввести Берию как народного комиссара внутренних дел в состав Военного совета Московского военного округа. В этот период П. Артемьев, генерал-лейтенант, заместитель командующего внутренними войсками, в прошлом командир дивизии особого назначения имени Дзержинского, был назначен исполняющим обязанности командующего войсками Московского военного округа. Он блестяще себя проявил в битве под Москвой и оставался командующим войсками Московского военного округа до тех пор, пока был жив Сталин. Его сместили уже после известных событий в июле 1953 года.

И еще об одном важном обстоятельстве — упорядочении информационной работы. Единственным надежным способом связи со Ставкой оставалась связь ВЧ, которая находилась в ведении НКВД. Она работала без перебоев в самый критический период. По информации НКВД принимались важнейшие решения. Например, сразу же после нападения Германии возник вопрос о введении в действие планов прикрытия государственной границы. Причем не исключалось нападение на Советский Союз не только сателлитов Германии, но и вступление в войну Турции.

В начале июля одним из первых документов, который подписал Жуков, была директива, адресованная Закавказскому военному округу. В ней говорилось, что основная задача состоит в том, чтобы ничем не спровоцировать Турцию и Иран, не допустить какого-либо повода к вступлению их в войну на стороне Германии. «Дать вам сейчас ничего не можем в смысле оказания помощи — усиления войск округа, — отмечалось в

директиве. — Доложите, на каком основании без решения Ставки вами введен план прикрытия. Ваше сообщение, на которое вы ссылаетесь, и наша директива № 1461 ничего не говорит о введении планов прикрытия. Ваше распоряжение о занятии границы немедленно отменить».

Хочу добавить, что Жуков отдал эту директиву на основе информации НКГБ Азербайджана о введении в действие плана прикрытия границы в Закавказье с использованием пограничных войск НКВД.

Органам НКВД необходимо было установить реальную картину, которая складывалась в прифронтовой полосе, для развертывания там агентурно-диверсионной работы. Поступающая информация сигнализировала о плохо организованной эвакуации населения и материальных ценностей из приграничной полосы. Необходимо было упорядочить эвакуацию семей партийно-советского актива, а также руководящих работников Красной армии, ВМФ, органов НКВД.

Многие упрощенно это понимают, подразумевая под эвакуацией не что иное, как бегство. Такой взгляд совершенно неверен. В записке органов государственной безопасности говорилось, что противник ведет активное изучение партийно-советского актива, располагает данными о его составе. Кроме того, территория, где развернулись боевые действия, была занята нами сравнительно недавно, лишь в 1939–1940 годах, поэтому обоснованно было предположение, что партийно-советский актив будет не только первой жертвой противника, но и часть его может быть завербована немецкими спецслужбами для ведения подрывной работы в советском тылу. Было принято решение наладить строгий учет руководящих кадров, которые оказались в зоне не только боевых действий, но и в прифронтовой полосе и, естественно, стали объектом специального внимания противника.

Мне кажется, что в самый начальный период боевых действий причина наших неудач и потерь была и в неясности складывающейся обстановки для нашего военного командования, и это создавало совершенно неправильное представление «наверху» об организованных действиях наших войск. На самом деле в июне и в начале июля 1941 года сплошной линии фронта не было, и бои с противником с нашей стороны носили характер очагового сопротивления. Отсюда заминка и нечеткость в постановке боевых задач войскам, ошибочные решения.

Необходимо также правильно оценить тот ущерб, который был нанесен нам в результате действий буржуазно-националистического подполья. Высылки из Прибалтики, массовые репрессии на Украине, безусловно, не могут быть

оправданными. Однако факт остается фактом, что к диверсионным действиям спецподразделений немецкой армии активно подключились буржуазно-националистические боевые группы во Львове, в городах Прибалтики. Подполье в этих городах было главным организационным центром, который формировал базу для диверсий против Красной армии.

7 июля Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о передислокации авиадесантных частей, поскольку использовать их в тылу противника не было возможности из-за нехватки транспортной авиации. Но Ставка смотрела вперед. Было предложено немедленно отозвать их с фронтов. Благодаря этой директиве нам удалось сохранить авиадесантные войска, которые впоследствии использовались для вывода из строя тыловых коммуникаций противника.

Не могу не отметить еще одну важную директиву, изданную Жуковым 10 июля 1941 года. Она была подготовлена по информации НКВД и адресовалась командующим войсками Северного, Южного фронтов и ВВС Красной армии. В ней шла речь о борьбе с немецкими воздушными десантами, о необходимости совместно с органами НКВД проводить воздушную разведку, заходя в глубь расположения противника до 200–250 километров.

Днем и ночью мелкие группы должны были бомбить немецкие аэродромы, чтобы сковывать авиацию и срывать готовящиеся операции. Сроки выполнения этой директивы были очень сжатые. В течение суток нужно было представить свои соображения. К сожалению, в этот критический период нам не удалось осуществить систематические нападения на немецкие аэродромы, но директива возымела свое действие в последующие годы. Наши оперативные боевые группы в тылу у немцев неукоснительно выполняли ее — успешно громили их аэродромы.

Следует сказать еще об одном направлении работы органов безопасности в этот труднейший период. В специальной директиве Ставки Верховного Главнокомандования на органы НКВД и военной контрразведки была возложена ответственность за использование особой новой военной техники на фронте. Прежде всего речь шла о реактивных установках «катюша». На меня, кстати, залпы «катюши», которые мне довелось увидеть на полигоне, где после взрывов реактивных снарядов остались только выжженные окопы и земляные сооружения, произвели ошеломляющее впечатление.

Согласно этой директиве ни при каких условиях и обстоятельствах нельзя было допустить возможности захвата «катюши» противником. Со мной как-то консультировался

кинорежиссер, ветеран воздушно-десантных войск, о действиях группы в тылу противника, которая должна была взорвать «катюшу». Я разочаровал его. Насколько мне известно, и в тяжелые месяцы 1941 года, и на протяжении всего военного периода не была захвачена ни одна установка. Знаю только, что к каждой боевой машине был приставлен уполномоченный особого отдела военной контрразведки, который персонально отвечал за ее уничтожение в случае угрозы захвата или невозможности вывода в расположение наших войск. По этому поводу могу сказать, что военная контрразведка в лице таких уполномоченных несла очень большие потери, но свой долг выполнила. А кинофильм «Пятеро с неба», рассказывающий о том, как наши диверсанты подрывают попавшую в руки немцев установку «катюша», вышел на экраны в семидесятые годы, когда довольно легко было фантазировать на эту тему.

Как известно, в первые месяцы войны были осуществлены меры, которые ныне оцениваются как репрессивные. Речь идет о массовых акциях по выселению целых народов и в этой связи о ликвидации республики немцев Поволжья. Останавливаюсь на этом не для того, чтобы оправдать эти действия, а чтобы разобраться в сложившейся тогда ситуации с немецким населением, оказавшимся в зоне боевых действий (в основном на южном направлении, где были немецкие колонии). Немало немецкого населения проживало в ряде наших городов. Кто выступил инициатором их выселения? Вот, скажем, документ от 3 августа 1941 года — донесение Военного совета Южного фронта в Ставку Верховного командования. В нем говорится, что во время военных действий на Днестре немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что жители этих деревень 1 августа 1941 года встречали вступающих немцев хлебом-солью. Поскольку на линии фронта имелось множество таких населенных пунктов, в донесении было высказано предложение дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов. Донесение подписали командующий Южным фронтом Тюленев, член Военного совета Южного фронта корпусной комиссар Запорожец, начальник штаба фронта Романов. На бланке шифротелеграммы стоит резолюция И. В. Сталина: «Тов. Берия. Надо выселить с треском. И. С.» И пометка работника начальника секретариата наркома внутренних дел Шияна: «Наркому доложено. 25 августа 1941 года».

6 сентября принимается совершенно секретное постановление Государственного комитета обороны о переселении немцев из Москвы, Московской и Ростовской

областей в Казахскую ССР, в Джамбульскую, Кызыл-Ордынскую и так далее. Устанавливаются разнарядки. Руководство переселением возлагается на НКВД СССР.

Эти меры нужно рассматривать в контексте обострения обстановки на Западном фронте. Приказ наркома внутренних дел СССР Берии о проведении операции по переселению немцев из Москвы и Московской области был отдан 8 сентября 1941 года. Операция закончилась к 20 сентября. В соответствии с ней за 14 сентября из Москвы и Московской области было отправлено тремя эшелонами 4954 переселенца. Из общей немецкой колонии было арестовано 1142 человека. В общей сложности переселению подверглись более 10 тысяч человек.

Такого рода документы поучительны. Они помогают нам понять остроту ситуации, а также то, кто решал эти вопросы. Что же касается НКВД, то он не занимался политической стороной дела. В его миссию входило докладывать информацию о реальной обстановке.

Вот один из примеров, как эффективно была реализована информация, поступившая из райгоротделов и областных управлений НКВД о прорыве в тыл наших войск 56 моторизованного корпуса под командованием известного фельдмаршала Манштейна. Немцам удалось тогда прорвать нашу оборону на Лужском рубеже под Новгородом. Сплошного фронта боевых действий там не было. Соединения нашей 11-й армии, которой командовал генерал А. Морозов, получили приказание о нанесении немедленных контрударов по неприкрытым флангам немцев в районе Шимска. Выбор генералом Морозовым наиболее уязвимого места для удара достиг своей цели. В итоге наша 70-я стрелковая дивизия полностью разгромила 8-ю танковую дивизию вермахта.

Я пишу об этом, чтобы ответить нынешним военным историкам, и в особенности неквалифицированным публицистам, что, несмотря на неблагоприятное развитие событий в то время, картина боевых действий вовсе не виделась нам безнадежной. Когда противник после успешного наступления в приграничных боях был остановлен на Лужском рубеже, то оказалось, что немецкая танковая группа потеряла до 50 процентов своей материальной части.

Сейчас принято говорить о том, что войска Красной армии, будучи атакованы вермахтом, потерпели сокрушительное поражение в приграничных сражениях, что советское командование оказалось не на высоте положения. Это справедливо, но неприемлемы и оскорбительны злобные нападки на командование Красной армии. Они опровергаются не только

воспоминаниями наших военачальников, но и в оценках немецкого командования, несмотря на их успешные в целом боевые действия в июне-июле 1941 года.

В своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер уже 11 июля 1941 года писал, что «командование противника действует умело, противник сражается ожесточенно и фанатически, немецкие танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части, войска устали». Ему же вторит командующий группой армий «Центр» германских войск фельдмаршал фон Бок. 12 июля он докладывает командованию сухопутных войск, что «общее положение со снабжением и обеспечением группы армий, включая воздушные силы, требует определенных ограничений как во времени, так и в масштабах проведения операции». Все это говорит том, что первая фаза немецкого наступления захлебнулась уже к середине июля 1941 года.

У меня к этому времени наладился постоянный рабочий контакт с заместителем начальника оперативного управления Генштаба генерал-майором А. Василевским. Он приезжал неоднократно в НКВД вместе с начальником Разведупра Красной армии Ф. Голиковым. Оба, одетые по распоряжению Жукова и Меркулова в штатское, участвовали в допросах крупного агента абвера Нелидова. Как участник немецких военно-стратегических игр, дающих теоретические заключения об итогах сражения, он заявил о том, что если немецкая армия не заняла в течение двух месяцев такие основные наши центры, какими являлись Ленинград, Москва, Киев, Ростов-на-Дону, то войну для немецкой стороны можно считать проигранной.

В эти горячие дни июля 1941 года Василевский постоянно звонил нам и интересовался информацией от местных органов НКВД о продвижении германской армии. Должен сказать, что лишь с возвращением маршала Б. Шапошникова на должность начальника Генштаба вся система оперативного обмена информацией о положении на фронтах между НКВД и командованием Красной армии была упорядочена.

В правильной оценке развития обстановки большую роль сыграла и наша военная разведка. В особенности разведотдел штаба Западного фронта, зам. начальника которого был полковник М. Мильштейн, впоследствии ставший одним из руководителей агентурной разведки Красной армии в годы войны.

Решение руководства Генштаба направить руководителей ведущих направлений военной разведки на фронт для

налаживания разведработы ввиду обострения обстановки можно оценивать по-разному. Но советские военные разведчики справились с этой задачей. Их наблюдения и выводы способствовали правильному выбору направления контрудара по войскам противника в районе Ельни, которыми успешно руководил Г. Жуков. Угрожавший Москве Ельнинский плацдарм немецкой моторизованной группировки был ликвидирован.

При всей напряженной атмосфере июля-августа 1941 года у нас никогда не возникло ни тени сомнения в победе. Дополнительную уверенность придавала информация, поступавшая из Англии, США, Скандинавии, Болгарии и Швейцарии, о том, что потери вермахта в живой силе и технике огромны, что наблюдаются колоссальные трудности со снабжением горючим германской армии, наступавшей по расходящимся направлениям, что все это срывает план Гитлера на победу в молниеносной войне. Провал блицкрига в августе 1941 года уже был очевиден для меня и советского руководства.

Вместе с тем в нашей разведывательно-аналитической работе в этот период были допущены серьезные ошибки и просчеты. Мы не предвидели в августе 1941 года, что гитлеровское командование, временно отказавшись от броска на Москву, направит все свои подвижные соединения — две танковые группы — на окружение наших войск Юго-Западного фронта. Данных, которые могли бы предотвратить это, у нас, к сожалению, не было, и это при том, что с самого начала мы ориентировали разведывательно-диверсионную работу на изучение и подрыв боевых возможностей прежде всего ударных моторизованных соединений германского вермахта.

Оперативная группа В. Зуенко в тылу у вермахта

Наше настойчивое стремление противодействовать немецким наступательным операциям на Западной фронте, в первую очередь, обуславливалось тем, что это направление считалось самым важным — противник приближался к Москве. В начале августа 1941 года была переброшена в его тыл оперативная группа во главе со старшим лейтенантом госбезопасности В. Зуенко, в состав которой вошли доцент МГУ П. Кумаченко и преподаватель Института иностранных языков З. Пивоварова. Ее я особенно запомнил, поскольку позже она работала в отделе «С» с материалами по атомной проблеме.

Кумаченко и Пивоваровой удалось устроиться переводчиками при штабе немецкой танковой дивизии и, пользуясь хорошо

налаженной двусторонней радиосвязью, блестяще выполнить свою задачу. Сведения, поступавшие от опергруппы, возглавляемой Зуенко, немедленно докладывались высшему командованию.

Опыт этой группы был для нас бесценным: мы были в курсе действий и планов немецкого командования, что давало возможность четко отрабатывать постановки задач, которые получали спешно формируемые нами оперативные боевые группы. Из донесений, поступавших от группы Зуенко, нам становились ясны проблемы, с которыми сталкивались ударные соединения танковой группы Гудериана.

Полученная информация подтвердила срыв немецких планов молниеносной войны не только благодаря героическому сопротивлению бойцов Красной армии, но и из-за неразрешимых проблем в материально-технической части: изношенность техники в танковых дивизиях, катастрофическая нехватка бензина. Сведения, поступавшие от опергруппы, возглавляемой Зуенко, немедленно докладывались высшему командованию.

Наша опергруппа проследовала с немецкой танковой дивизией вплоть до выхода в район Вязьмы, на ближние подступы к Москве, и вовремя исчезла, когда со стороны немецкой военной контрразведки появилась опасность «засветиться».

Следует сказать, никто в Центре первоначально не рассчитывал на такой успех Зуенко, не предполагал, что ему удастся проникнуть в штаб 3-й танковой дивизии и «держать руку на пульсе». Вместе с тем опергруппа, оказавшись в выгодном положении, не имела никакой агентурной связи с подпольной резидентурой, что позволило бы эффективнее использовать все ее возможности. Это была одна из узловых проблем руководства диверсионной войной, не было предусмотрено то обстоятельство, что разведгруппа уходит в глубокий тыл противника, а затем по мере продвижения войск начинает действовать в прифронтовой полосе.

Несколько слов о том, как реализовалась ее информация Верховным Главнокомандованием. По нашим материалам была отдана директива о необходимом усилении разведки на Западном направлении, поскольку мы представили неопровержимые данные о подготовке немецко-фашистских войск к наступлению на Москву. В изданной директиве предписывалось в течение трех дней провести разведку для выявления группировки противника перед линией фронта, уделив при этом особое внимание районам сосредоточения немецких танковых частей. Таким образом, речь шла о реализации нами информации от нашей оперативной группы и о дальнейшей систематизации ее. Для этого мы

подключили военную контрразведку, разведку ВВС Красной армии, Разведуправление Красной армии и в результате родилась директива о том, чтобы разведывательные сводки НКВД представлялись в Генштаб ежедневно, высылались фотосхемы наиболее характерных группировок противника. Такой опыт взаимодействия всех видов разведки и в дальнейшем давал хорошие результаты.

Однако события на Западном фронте в конце сентября — начале октября, к сожалению, развернулись не в нашу пользу.

Создание спецназа и проблемы его использования

27 июня 1941 года в соответствии с приказом по НКВД на стадионе «Динамо» «началось формирование соединения для выполнения особых заданий народных комиссариатов внутренних дел и Обороны СССР по разгрому и уничтожению немецко-фашистских захватчиков и их приспешников, вторгшихся на территорию СССР». Эту дату следует считать днем рождения войск специального назначения советских органов государственной безопасности.

В первый период существования, с 27 июня по октябрь 1941 года, это войсковое соединение именовалось «войсками Особой группы при НКВД СССР» и состояло из двух бригад с приданными специальными подразделениями (саперно-подрывная рота, парашютно-десантная служба, авторота, рота связи).

Комплектование спецназа личным составом происходило:

из наркоматов внутренних дел и государственной безопасности;

из высшей школы НКВД;

из НКВД-НКГБ республик и УНКВД-НКГБ краев и областей;

из органов милиции и пожарной охраны НКВД СССР;

из Центрального института физической культуры и спортсменов добровольных спортивных обществ, прибывших в соединение добровольно;

из комсомольцев по разверстке ЦК ВЛКСМ;

из Коминтерна.

В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения — ОМСБОН, куда вошли два мотострелковых полка четырехбатальонного и трехбатальонного состава. При ОМСБОНе тогда же была организована спецшкола младших командиров-специалистов.

С учетом опыта боевых действий в Испании и в финской

зимней кампании боевая подготовка спецназа была организована таким образом, чтобы он мог выполнять следующие боевые задачи:

в составе подразделения части и соединения вести общевойсковой бой и разведку;

проводить специальные работы на фронте по устройству инженерно-минных заграждений и созданию комбинированных систем с применением новой техники;

осуществлять минирование и разминирование оборонных объектов государственной важности;

вести диверсионно-боевые, десантные и разведывательные операции в тылу противника умело действующими подразделениями, мелкими группами и индивидуально.

Несмотря на напряженные условия, формирование спецназа происходило очень быстро. Поскольку немцами уже была занята Белоруссия и западные области России, то главная задача спецназа виделась прежде всего в организации диверсионных операций в тылу противника. Сначала оперативные группы, которые готовились для действий в тылу немцев, располагались на даче бывшего наркома внутренних дел Ягоды «Озеры», которая впоследствии сначала использовалась Ежовым, а после войны отошла в качестве Дома отдыха к Управлению делами ЦК КПСС.

7 июля 1941 года немцы выбросили с самолетов в районе Могилев-Подольского диверсионные подразделения полка «Бранденбург», которые пытались прорваться в тыл наших войск и занять небольшой плацдарм. Но мы, подтянув войска из наших резервов, ликвидировали этот десант. Из этого события нами был сделан вывод: противник собирается активно использовать свой спецназ для нарушения коммуникаций в наших тылах.

Известно, что в органах госбезопасности спецназа как войскового соединения до этого не было. Планы Я. Серебрянского по созданию спецназа в 1938 году на базе имевшейся при Особой группе школы по подготовке диверсантов реализованы не были в связи с его арестом. Однако в отделе оперативной техники существовала спецгруппа по подготовке диверсионных приборов во главе с блестящим специалистом тогда старшим лейтенантом госбезопасности А. Тимашковым. Именно он вместе со слушателем спецшколы Серебрянского К. Квашниным стал во главе важнейшего направления нашей работы — оснащения спецназа диверсионной техникой.

Между тем в составе наркомата обороны находились воздушно-десантные войска, разведывательные роты и подразделения, которые составили костяк разведывательно-диверсионных групп Красной армии. Но тогда еще не было

полного понимания роли спецназа. Считалось, что отобранных из пограничных и внутренних войск наиболее подготовленных бойцов можно в течение короткого времени перенацелить на решение специальных задач в тылу противника. Все это, бесспорно, так, но при этом упускалось из виду одно немаловажное обстоятельство. У этих бойцов не было специальной подготовки для действий на территории, занятой врагом, да еще в конспиративных условиях.

Следует сказать, что сейчас мало кто вспоминает имя основателя советского спецназа, организатора первых войсковых соединений по проведению диверсионных операций в тылу противника. Это полковник Х. Мамсуров, участник партизанской войны в Испании, позднее ставший генерал-полковником, одним из руководителей советской военной разведки. Он первый во время советско-финской войны продемонстрировал, как надо формировать отряды спецназа в условиях боевых действий с противником на сопредельной территории. Спецназ под командованием Мамсурова вывел из окружения ряд наших частей, попавших в тяжелое положение в Финляндии. Мамсуров мобилизовал спортивный актив Ленинграда. Ленинградские лыжники, мастера спорта и наиболее сильные в физическом отношении юноши составили костяк его диверсионного отряда, который успешно действовал в тылу финнов. Опыт Мамсурова очень пригодился в начале Великой Отечественной войны. Мы объявили особую мобилизацию в спецрезерв лучших спортсменов, которые были немедленно зачислены в спецназ НКВД и позднее успешно действовали в тылах противника.

Большую роль в формировании и боевой деятельности ОМСБОНа сыграл заместитель начальника Особой группы, а затем командир бригады (с 15 октября 1941 года) полковник Михаил Федорович Орлов. В декабре 1920 года он добровольно вступил в Красную армию, участвовал в подавлении антисоветских мятежей, затем окончил Объединенную военную школу имени ВЦИК. В 1924 году вступил в кандидаты, в феврале 1926 года — в члены ВКП(б). В 1930–1931 годах принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Длительное время он служил в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях. Перед началом Великой Отечественной войны Михаил Федорович работал в должности начальника Себежского военного училища НКВД и одновременно учился заочно в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Комиссаром ОМСБОНа был назначен Алексей Алексеевич Максимов, инженер по образованию. Преемником Максимова стал полковой комиссар Арчил Степанович Майсурадзе. В этой

должности он прошел всю Великую Отечественную войну, а по ее завершении многие годы работал в Главном политическом управлении Советской армии.

В ОМСБОНе, как и во всех других частях и соединениях РККА, имелся политотдел, который возглавлял Лев Александрович Студников. Бывший батрак, а затем комсомольский работник, он работал на Северном Кавказе, был секретарем Грозненского горкома, ответственным инструктором Северо-Кавказского крайкома и секретарем Чечено-Ингушского обкома комсомола. В 1930 году Студников вступил в партию, а затем ЦК ВКП(б) направил его на партийно-политическую работу в Красную армию. Лев Александрович был командирован на учебу в Военно-политическую академию. Учеба прерывалась дважды: в 1939 году в связи с военным конфликтом с Японией на реке Халхин-Гол, куда Студников был направлен в качестве представителя ГлавПУРККА, и в 1940 году — из-за советско-финской войны. Академию Студников закончил в июне 1941 года, в канун Великой Отечественной войны. Приход в бригаду опытного политработника с академическим образованием, помноженным на опыт двух войн, имел большое значение.

Руководителями разведки бригады были Антуфеев и майор-пограничник Б. К. Спиридонов.

Костяк командного состава бригады составили преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР.

Командиром 1-го полка (после откомандирования Н. Е. Рохлина, бывшего недолго в этой должности, на другую работу) стал Вячеслав Васильевич Гриднев, бывший до этого начальником штаба войск Особой группы. В 1942–1943 годах он командовал ОМСБОНом. После окончания Высшей пограничной школы стал комендантом погранучастка, несшего охрану советско-иранской границы. Здесь они сражаются с басмачами, неоднократно пытавшимися перейти границу. В биографию Гриднева вписана и ликвидация банды басмачей. Двенадцать лет прослужил Гриднев на границе.

Комиссаром 1-го полка стал Сергей Иванович Волокитин, известный впоследствии как знаменитый партизанский командир Серго. Отец его — потомственный стеклодув, первый рабочий директор завода «Красный Май» после Октября. Как и другие юноши его поколения, Сергей Иванович учился в ФЗУ, был слесарем, токарем, бригадиром на московском заводе имени Серго Орджоникидзе. Девятнадцатилетнего комсомольского вожака направляют в 1931 году на учебу в чекистскую школу. К началу войны он старший лейтенант госбезопасности. К этому

добавим: в ОМСБОН он пришел орденоносцем.

Первый полк ОМСБОНа был интернациональным. В его формировании решающую роль сыграл исполком III Коммунистического Интернационала и его генеральный секретарь Георгий Димитров, а также руководители коммунистических партий, бывшие тогда в Москве: Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури, Иоганн Копленig, Клемент Готвальд, Гарри Подлит и другие. Они делали все возможное, чтобы собрать разбросанных в силу различных причин по Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов и направить их в ОМСБОН. Особо много сил отдала формированию бригады Стелла Благоева — дочь основателя Болгарской коммунистической партии Димитра Благоева. По поручению Георгия Димитрова она отбирала добровольцев, часто бывала в бригаде, воодушевляла омсбоновцев своими пламенными товарищескими беседами.

Наиболее полные данные об этом полке сохранились благодаря мемуарам выдающегося сына болгарского народа Ивана Цоловича Винарова, ставшего заместителем командира полка, и испанца Серна Роке, бывшего в свое время представителем Испанской коммунистической партии в Народном фронте своей страны, сражавшегося на Мадридском и Каталонском фронтах, бойца ОМСБОНа, воевавшего в Красной армии комиссаром батальона, бригады, дивизии. В последнее время стали известны и некоторые данные о вьетнамцах, сражавшихся также в составе бригады.

Интернациональный полк бригады был непостоянен. Первоначально он насчитывал в своем составе чуть менее тысячи бойцов. Почти треть его были испанские коммунисты, покинувшие свою родину после поражения Испанской республики. Другую часть составили болгары, чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны. Имелось и несколько англичан, членов коммунистической партии, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по партийным делам. Австрийцев также было много, по численности они были вторыми после испанцев. В своем большинстве это были шуцбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 года и второго Венского восстания 1934 года, которые были жестоко подавлены.

Несколько подробнее И. Винаров рассказывает о болгарах. Их было более сотни человек. Это были прежде всего представители тех групп, которые ранее по заданию Компартии Болгарии вели подпольную работу у себя на родине. В Подмосковье и Крыму (до

его оккупации) обучалось еще около шестидесяти болгарских политэмигрантов, которые в любой момент готовы были отправиться с боевым поручением в тыл врага. В интернациональный полк были зачислены пятнадцать политэмигрантов и партийных деятелей, а также сыновья и дочери ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие здесь образование. Это были: Георгий Павлов-Гоню, Легко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Столов, Илия Денев, Иван Крекманов, врач Вера Павлова (дочь старого партийного функционера и крупного философа Тодора Павлова), Вихра Атанасова, Анна Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова — Огнян и Кремен, дочь Георгицы Карастояновой — Лилия, сын Ивана Пашова — Жорж, дочь Георгия Дамянова — Роза и другие.

О самом Иване Цоловиче Винарове можно сказать словами генерала С. М. Штеменко: «Иван Винаров являлся болгарским революционером. В свое время он был вынужден покинуть родину и эмигрировал в СССР, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной армии. Затем последовала работа в аппарате Коминтерна и Заграничного бюро ЦК БРП». В послевоенные годы генерал-лейтенант Иван Винаров стал видным военным деятелем Народной Болгарии.

Испанцы-интернационалисты находились под командованием капитана Перегрина Переса Галарсы, их комиссаром был Сефарико Алварес. Они были разбиты на три взвода. Одним из взводов командовал Серна Роке. Из 125 испанцев было шесть женщин. Среди них особенно выделялись Мария Фернандес, Анхель Санчес и Хуанита Прот.

Заметной фигурой среди интернационалистов-испанцев был и Хосе Виеска. Сын крупного шахтовладельца, граф, юным он вступил в ряды Компартии Испании и был активным участником Астурийского восстания 1934 года. Осужденный на смертную казнь, замененную тридцатью годами тюрьмы, он получил свободу благодаря установлению в Испании республиканской власти. В Испании Виеска был комиссаром батальона, а затем командовал бригадой.

Из шести вьетнамцев-омсбоновцев, упомянутых И. Винаровым, после длительных поисков, в которых участвовали совет ветеранов ОМСБОНа, активисты Центрального совета Общества советско-вьетнамской дружбы, телевидение и ряд газет Москвы (особенно «Правда») и Ханоя («Нянзан»), ныне стали известны их имена: Ли Нам Тхань, выходец из семьи революционера; (Нгуен Шинь Тхань), родом из провинции, где родился Хо Ши Мин; Ли Тухк Тят (Выонг Тхун Тхай), тоже из

семьи революционера; Вьонг Тхун Тинь, вступивший в 1925 году в товарищество революционной молодежи Вьетнама; Ли Ань Тао (Хоанг Ань То), Ли Фу Шан. Мы предполагали использовать их для диверсионных действий в случае нападения Японии. Однако в тяжелой обстановке боев под Москвой ряд этих товарищей был задействован и погиб.

Командиром 2-го полка был майор Сергей Вячеславович Иванов. Трудовую закалку он получил на шахтах Донбасса. Возвратившись после Октября в родной Воронеж, Иванов добровольно вступил в кавалерийский дивизион. А дальше учеба в Московском пехотном училище, преподавательская работа в пограничном училище (преподавал тактику и топографию), во время которой он заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Великая Отечественная война застала его в должности инспектора Главного управления Московской противовоздушной обороны НКВД. И еще один штрих к его биографии. Именно полковнику Иванову после заболевания Дмитрия Медведева было поручено возглавить знаменитый отряд «Победители» на завершающем этапе его боевых действий на Украине.

Комиссаром 2-го полка был назначен Сергей Трофимович Стехов, майор. Его так и звали «наш майор». Как и Гриднев, он стал членом партии большевиков в 1918 году. Тогда же он вступил в Красную армию, был активным участником Гражданской войны. В 1939 году партия направляет его на работу в НКВД. Во 2-м полку и во всей бригаде Сергей Трофимович пользовался большим авторитетом и огромным уважением.

Второй полк состоял в основном из рабочих, спортсменов, студентов и школьников (только что закончивших десятые классы), в основном пришедших по направлению ЦК ВЛКСМ. Формирование полка происходило на стадионе «Динамо». Больше всего данных сохранилось о спортсменах, в числе которых было много известных, прославивших родину на международных соревнованиях. Среди них были: боксеры Николай Королев, Сергей Щербаков, Эдуард Лазовский; легкоатлеты Георгий и Серафим Знаменские, Григорий Ермолаев, Моисей Иванкович, Леонид Митропольский; борцы Григорий Пыльнов, Анатолий Катулин, Леонид Егоров, Шалва Чихладзе; тяжелоатлеты Николай Шатов, Владимир Крылов; гребцы Александр Долгушин, Ипполит Рогачев, Алексей Смирнов, Сергей Шереметьев; велосипедисты Федор Тарачков, Виктор Зайпольд; конькобежцы Константин Кудрявцев, Анатолий Капчинский; лыжница Любовь Кулакова и другие.

Если раньше на стадионах, в плавательных бассейнах и на

стартовых трассах они защищали спортивную честь родины, то сейчас пришли в ОМСБОН, чтобы защитить ее с оружием в руках от фашистских захватчиков. Их влияние в бригаде было очень велико. Они стали наставниками еще не закаленных физически солдат. В дальнейшем в тылу врага спортсмены были всегда одними из первых в тяжелых схватках с врагом.

В полк зачислялись также добровольцы — студенты московских вузов. Около тридцати человек пришли из Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Многие бойцы были вчерашними студентами и аспирантами МГУ, историко-архивного, строительного, горного, кожевенного, станкоинструментального и других столичных вузов. В ОМСБОНе было много рабочих, техников, инженеров с автозавода и других предприятий.

Немного позже ЦК ВЛКСМ своим постановлением от 4 сентября 1941 года «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР» направил в ОМСБОН 800 городских и сельских комсомольцев из четырнадцати областей РСФСР. Туляки, ярославцы, рязанцы, куряне, пензенцы, саратовцы, уральцы и казанцы заполняли казармы бригады. Сюда же добавились и комсомольцы Москвы.

Пополнение личного состава бригады осуществлялось на протяжении всех лет войны. Ее бойцами становились влившиеся в спецотряды партизаны, добровольцы коммунисты и комсомольцы. Общая численность воинов бригады в среднем в годы войны превышала десять тысяч человек. Но при этом ее костяком, наиболее активной и мобильной частью оставались пришедшие первыми в спецназ чекисты, пограничники и добровольцы-спортсмены, рабочие, студенты Москвы, зарубежные интернационалисты.

Парашютно-десантную службу спецназа возглавил видный мастер и организатор парашютного спорта до войны майор А. Фатеев, позднее он был заместителем начальника службы диверсий и разведки МГБ СССР. С ним в бригаду пришли прославленные парашютистки М. Малиновская и Т. Шишмарева и другие.

Минно-подрывное дело и боевые операции по оборудованию заградительных сооружений возглавил как командир сводного отряда ОМСБОН майор М. Шперов, ставший после войны генерал-майором инженерных войск Советской армии.

В ОМСБОН с первых же дней его существования пришла большая группа женщин, в основном радистки и медсестры. Назову имена лишь некоторых из них: Маша Петрушина, Галина Ефимова, Лидия Шерстнева, Людмила Потанина, Зина

Чернышева, Шура Павлюченкова, Оля Михайлова, Дуся Приказчикова, Тося Карасева, Тоня Анисимова, Люба Капитонова.

Во главе медицинской службы полков были поставлены добровольцы, только что сдавшие госэкзамены в мединституте: Альберт Цессарский и Илья Давыдов. Врачом была и Вера Давыдова (Павлова); Виктор Стрельников и Владимир Назаров пришли в бригаду с четвертого курса мединститута. Когда формирование бригады завершилось, а ее состав приобрел опыт боевых действий на фронте и в тылу врага, начался процесс «отдачи» ее бойцов и командиров в отдельные части Красной армии (например, на укомплектование Отдельной, впоследствии 70-й армии, погранчастей, спецшкол и др.). Только с 1941-го по 1944 годы из ОМСБОНа было откомандировано 5074 человека.

По неполным данным, более одной тысячи омсбоновцев защищали Москву. Их вклад в защиту столицы, однако, не исчерпывается этой цифрой. Сравним ее со следующими фактами: если минеры ОМСБОНа под командованием М. Шперова поставили на Западном фронте 40 тысяч мин, то весь Калининский фронт — 4500; особенностью этой работы было то, что исключительно широко была применена новая техника: управляемые фугасы, огневые фугасы противотанкового назначения, мины заграждения, установленные на фронте в глубину до ста километров. По неполным данным на фугасах и минах, установленных сводным отрядом ОМСБОН в Подмосковье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками, много пулеметов, радиоприемников и другого военного имущества.

В течение всей войны и даже в напряженной обстановке 1941 года мы вместе с тем берегли спецназ. Он был задействован в общевойсковых операциях за всю войну только три раза — в боях под Москвой, в битве за Кавказ в 1942 году и в сражении на Курской дуге в составе саперной армии в 1943 году.

В декабре 1941 года, когда возник вопрос о подготовке десантной операции в Крыму — в Керчи и Феодосии, — Берия предложил мне связаться с адмиралом И. Исаковым и подготовить план участия нашего спецназа в морском десанте. Но ОМСБОН в этих боях участия не принял, хотя в Крым в крайне тяжелую оперативную обстановку была выброшена наша группа А. Арапова, в 1945 году направленного по моей линии на оперативную работу в Югославию.

Мы сформировали спецназ в крайне сжатые сроки. Он стал высокобоеспособным соединением и сыграл существенную роль в

развертывании войны в тылу врага. К сожалению, из уроков войны и трагичного лета 1941 года не сделано должных выводов. Спустя год после окончания войны, в условиях напряженной международной обстановки, волны националистического бандитизма в Прибалтике и на Западной Украине спецназ — Отдельный отряд особого назначения МГБ СССР — был расформирован «в связи с исчерпанием функций». Думается, что причиной этого было неприязненное отношение к ОМСБОНу в годы войны ставшего министром госбезопасности в мае 1946 года В. Абакумова.

Спецназ органов госбезопасности всегда оказывался жертвой политических разборок «наверху».

Известно, что он был воссоздан как соединение специального назначения для разведывательно-диверсионных операций лишь в 1981 году. Но мы так и не определились, в отличие от американцев, с концепцией использования войск специального назначения по линии органов безопасности и военной разведки в решении узловых вопросов боевых действий в условиях локальной войны. В особенности это относится к войнам так называемой малой интенсивности.

Применение спецназа, по моему глубокому убеждению, в локальной войне есть проблема, решение которой может быть найдено в контексте его взаимодействия с другими видами вооруженных сил, в тесной связи с мероприятиями по агентурно-оперативному обеспечению его боевой деятельности.

Поэтому правомерно ли говорить об отдельных задачах, выполняемых спецназом, продиктованных политической обстановкой? Использование этой силы в условиях мирного и военного времени, а также в локальных войнах — очень крупная нерешенная проблема. События в Чечне и локальная война в Таджикистане — прекрасные тому подтверждения. Главная причина того, что спецназ Внешней разведки в 1991–1993 годах был расформирован, заключается в том, что при смене руководства органов госбезопасности руководство страны прежде всего спецназу отказывает в политическом доверии, опасаясь за свою власть.

Когда в 1993 году министр госбезопасности Баранников перестал пользоваться доверием президента, это предопределило конец подразделениям спецназа, переданным одно время в структуру министерства.

Однако дело не в том, что «Альфа» и «Вымпел» отказались штурмовать Белый дом в 1993 году. Первопричина заключается в другом — исходном недоверии. Одно было недоверие руководства к Особой группе Серебрянского в 1938 году, другое

— в 1953 году после ареста Берии к Судоплатову, третье — в эпоху Брежнева — в 1967 году к председателю КГБ Семичастному, четвертое — в эпоху так называемого мнимого путча и распада страны — в 1991 году.

Конкретно я могу процитировать ставшие известными мне слова президента России, произнесенные им на расширенном заседании коллегии министерства безопасности в марте 1993 года. Тогда Баранников еще был министром. Но Ельцин в его лояльности сомневался и не хотел, чтобы в его распоряжении находились силы специального назначения.

Президент утверждал, что от него, по проверенным данным, министерство безопасности утаивает определенную информацию. Ему отвечают: вам докладывают только проверенную информацию, уважаемый президент. Нашлись мужественные люди, чтобы так ответить. На это Ельцин отреагировал: «Я вам верю, но не совсем». При такой позиции любой вопрос об особом финансировании, особой поддержке спецназа в условиях войны на Кавказе перерастает в другой вопрос: в чьих руках находится спецназ? В руках министра безопасности Баранникова, который утратил доверие? Это совершенно очевидно. Спецназ госбезопасности в этих условиях не мог быть должным образом задействован в чеченской кампании. А задачи по агентурному обеспечению военной операции в Чечне в 1994 году военная контрразведка просто провалила.

Именно в это время, к сожалению, подразделения спецназа и агентурно-диверсионный аппарат были расформированы и выведены из состава службы внешней разведки. И это в условиях бушующих на территории России и СНГ локальных войн.

Печально, что не только в Чечне, но при проведении спецоперации в Афганистане также проявилось пренебрежение уроками прошедшей войны. За полгода до событий декабря 1979 года в Афганистан прибывают сотрудники 8-го отдела (разведывательно-диверсионного) внешней разведки КГБ. Прорабатываются варианты силового участия наших подразделений в решении выгодных для советского Союза направлений Афганского кризиса. Еще не убит вождь афганской революции Тараки. Но уже вовлеченность нашего разведывательно-диверсионного аппарата в будущие события очевидна. Сейчас много споров на эту тему. Но я хотел бы указать одно обстоятельство. В какой обстановке был предпринят штурм резиденции-дворца президента Амина в пригороде Кабула спецназом КГБ и ГРУ? Была ли нужна эта шумная акция в условиях, когда советские войска входили в Афганистан по просьбе именно этого человека?

На этот вопрос должны ответить те, кто тогда были старшими должностными лицами и представителями КГБ и внешней разведки в Афганистане — генералы Б. Иванов и В. Кирпиченко. Как мне рассказывали участники декабрьских событий в Кабуле, по линии агентурно-оперативных мероприятий к этому времени попытки ликвидации Амина с помощью снайперов, отслеживания его машины результатов не дали. Не оправдалась ставка на использование ядов.

Беседовавшие со мной участники известных событий в Афганистане в декабре 1979 года утверждали, что одним нашим агентом Амин был отравлен, а другим, врачом, — спасен.

Может быть, в Кремле у кого-то сдали нервы. Но зачем нужно было принимать беспрецедентное решение о штурме дворца? Ведь когда советские войска вошли в Афганистан, наши возможности в ликвидации Амина неизмеримо расширились. Его можно было убрать без всяких жертв с нашей стороны на территории нашей воинской части. Ведь спецназ нашей военной разведки, как отметил наш военный атташе в Афганистане, ликвидировал ставленников Амина в генштабе, не понеся потерь.

Спецназ КГБ в Афганистане проявил мужество, стойкость, подлинный героизм, понес чувствительные потери, однако руководство КГБ, бросив его на рискованный штурм укрепленного дворца Амина, допустило, по моему мнению, серьезную, трагическую ошибку. Знаменательно и то, что воссоздание профессионального спецназа — подразделения «Вымпел» — в органах госбезопасности для разведывательно-диверсионных операций произошло лишь спустя почти два года после штурма в Кабуле — 19 августа 1981 года, когда масштаб боевых действий и спецопераций резко расширился.

Склоняя свою голову в память погибших в годы Великой Отечественной войны и при исполнении интернационального долга, следует в нынешних условиях масштабных угроз суверенитету России разработать отвечающую требованиям времени научно обоснованную специальную доктрину сбалансированного использования всех видов спецназа органов госбезопасности и военной разведки. При этом нужно извлечь правильные уроки как из наших успехов, так и из неудач в череде войн и конфликтов XX столетия. В США спецназу в начале девяностых годов в локальных войнах придают исключительно важное значение. Не случайно командующий американским спецназом генерал Д. Шелтон назначается председателем объединенного комитета начальников штабов — американского аналога нашего генштаба вооруженных сил. Следовательно, назрела очевидная необходимость централизованной

координации непрерывного планирования и использования сил специального назначения — важнейшего инструмента обеспечения безопасности нашей страны и неотъемлемого структурного компонента вооруженных сил российского государства.

О генерале армии Д. Павлове

В ошибочных решениях Ставки в июне 1941 года существенную роль сыграли просчеты командующего войсками Западного особого военного округа генерала армии Д. Павлова. Эйтингон, хорошо знавший его по Испании, в первый же день войны говорил, что Павлов проявил себя там «на уровне командира танкового батальона, хотя он был командиром танковой бригады». Павлова теперь все характеризуют как человека с довольно узким военным кругозором, недостаточно представлявшего себе задачи руководства боевыми действиями в условиях современной войны.

Ему противопоставляют новое поколение генералов Красной армии 1942–1945 годов. Однако это не совсем верно, и вина Павлова преувеличивается. Г. Жуков в своих воспоминаниях, которые, честно говоря, иногда вызывают у меня неприятный осадок, по-своему трактует итоги оперативной игры, проходившей в Генштабе зимой 1940–1941 годов.

Он пишет о том, что в командно-штабной игре было множество фактических примеров, которые потом подтвердились трагическими событиями июня 1941 года, когда немцам удалось использовать преимущество ударных группировок, нависающих над Белостокским выступом, и нанести нам поражение.

Игра, как пишет Жуков, изобиловала драматическими моментами, которые Павлов должен был бы учесть в последующих сражениях. Однако, утверждая это, Жуков забывает о различии в характере оперативной игры и ситуации, в которой оказался Павлов. Так вот, когда Павлова после ареста обвинили в том, что он не предусмотрел развитие событий на Западном фронте и соответственно не подготовил войска, Павлов решительно отверг это обвинение. Ведь в игре отрабатывалась наступательная, а не оборонительная операция Красной армии, противник же, в роли которого был Жуков, наносил главный удар из Восточной Пруссии в направлении Каунас — Вильнюс — Минск.

Павлов тогда не справился с задачей нанесения контрудара противнику. Именно в соответствии с опытом этой оперативной

игры Павлов уже в ходе военных действий ошибочно предполагал, что немцы наносят по нему главный удар с северо-запада через Литву, в то время как немцы наступали по двум сходящимся направлениям из районов Сувалок и Бреста.

Но дело не в мемуарах. Дело в том, что постановление на арест Павлова утвердил Жуков, а не Тимошенко. Между Павловым и Жуковым сложились неприязненные отношения. Это один аспект. А другой лучше всего проследить по фактам.

Меня удивляют нынешние историки и военачальники, которые, рассуждая о 1941 годе, пишут «подлинную» историю, не проверяя фактов по этому важному событию.

После сокрушительного поражения Красной армии в Белоруссии возник вопрос о доверии командным кадрам Красной армии. По линии военной контрразведки были подняты компрометирующие материалы на всех командующих фронтами, командующих армиями, корпусами и дивизиями. Все ложные и выбитые показания о мифическом военном заговоре, о якобы причастности к заговорщической группе Тухачевского и других были доложены Сталину и Молотову.

Сталин поручил изучить эти документы секретарю ЦК Г. Маленкову. Однако следует иметь в виду, что справки и заключения, подписанные Михеевым, начальником военной контрразведки, направлялись в ЦК, как это было заведено, без комментариев НКВД. Докладывалось лишь о наличии таких материалов.

Несмотря на компрометирующие данные о причастности к делам мифических групп и военных заговорщиков, по всем лицам, о которых шла речь в этих документах, в июле-августе 1941 года состоялись решения ЦК об утверждении их командующими армиями и соединениями Красной армии. Таким образом, имею смелость утверждать, что Сталин, Молотов, Берия, Маленков уже тогда знали истинную цену так называемых «дел» о военном заговоре.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство. Все командующие армиями и соединениями Красной армии, переформированными после поражений в июне 1941 года, были утверждены в ЦК партии тогда, когда «наверху» принималось решение о характере предъявляемого Павлову обвинения. Его обвинили не в измене Родине, а в воинском должностном преступлении. Но хотелось бы отметить, что статья 193 Уголовного кодекса РСФСР тех времен, которая давала основания для привлечения к ответственности за совершение воинских преступлений, обычно использовалась властями дифференцированно. По ней можно было осудить, приговорить и

к расстрелу, и к лишению свободы. Процесс над Павловым и весь трагизм его положения (дело впоследствии было пересмотрено, и Павлова посмертно реабилитировали) заключался в том, что должностные упущения можно по-разному квалифицировать и оценивать в зависимости от «политической целесообразности». Мне известно, что вопрос о судьбе Павлова решался с колебаниями и сомнениями. Но не в плане: виновен — не виновен, казнить или помиловать. Вносились даже фантастические предложения — приостановить приведение приговора в исполнение, сохранить ему жизнь для использования в качестве подставной фигуры в «мнимой» военной оппозиции, которую можно использовать для оперативной игры с немцами.

С таким предложением выходили Федотов и Михеев. На что Берия отреагировал отрицательно, сославшись на то, что такая значительная фигура, как Павлов, для подключения к играм с легендированием военной оппозиции в комсоставе Красной армии не пройдет и об этом докладывать «наверх» он не будет.

Нельзя забывать еще об одном обстоятельстве. Павлов, будучи командующим фронтом, оказался не на высоте, потерпел полное поражение. Но ему и в голову не пришло сдаться в плен противнику, как это сделал Власов.

Вот две трагические судьбы. Павлов, который до конца был предан советской власти и оставался патриотом Родины, для него было немыслимым в результате военного поражения изменить Родине, — и Власов, разгромленный противником, из-за трусости сдался в плен, став на путь измены и предательства.

Особая группа

Противодействие натиску немцев

Организация Особой группы НКВД СССР заслуживает специального рассмотрения. Дело в том, что в тяжелые дни последней недели июня и начала июля 1941 года не существовало полной ясности относительно ее роли в структуре аппарата органов безопасности и наркомата внутренних дел. Мы вначале ошибочно полагали, что создать разведывательно-диверсионный аппарат можно, опираясь только на кадры разведывательного управления внутренних и пограничных войск.

Еще до того, как создание Особой группы было оформлено приказом, 26 июня 1941 года я и Эйтингон были назначены заместителями начальника штаба НКВД по борьбе с парашютными десантами противника. Имелось в виду сорвать действия диверсионных подразделений абвера, которые были зафиксированы в прифронтовой полосе и в нашем тылу после неудачных сражений в Белоруссии и Прибалтике.

Ввиду этого в очень короткий период мне пришлось уделить главное внимание развертыванию широкой противодиверсионной работы на транспорте и мерам по розыску диверсантов, в особенности на железной дороге и гражданском воздушной флоте. Был организован систематический обход путей и территорий, прилегающих к важнейшим объектам транспорта, предполагалось создать агентурно-осведомительную сеть в населенных пунктах, прилегающих к железным дорогам, аэродромам, речным портам, обеспечить негласную охрану объектов. Эта система впоследствии себя полностью оправдала. Причем основная масса противодесантного и диверсионного осведомления была организована на основе создания специальных резидентур, связи с оперативными службами.

Все это сразу же снизило масштаб диверсий на железнодорожном транспорте даже при благоприятных для немцев условиях быстрого захвата нашей территории летом 1941 года. Ущерб от десантов и диверсий был сведен к минимуму. На органы госбезопасности легла исключительно важная задача — навести порядок в местах массового передвижения пассажиров на железнодорожных путях и вокзалах. Под жесткий, особый контроль руководства НКВД был взят график движения поездов и всех перевозок. Кобулов, будучи заместителем наркома госбезопасности, лично курировал их сопровождение и даже имел

свой кабинет в помещении наркомата путей сообщения. Однако противник действовал очень активно. Несмотря на принятые меры, немцам удалось организовать в общей сложности до сорока крушений на железнодорожном транспорте в летне-осенний период. Но это не повлекло за собой дезорганизацию транспорта.

В начале июля стало совершенно очевидным, что главным театром разведывательно-диверсионных операций против немцев станет захваченная противником территория Белоруссии, Украины и Прибалтики. Там в соответствии с известным выступлением Сталина 3 июля 1941 года было решено создать специальный партизанский фронт, поэтому все функции Особой группы НКВД, создание которой было оформлено специальным приказом 5 июля 1941 года, были подчинены решению этой задачи. Именно на первом трагическом этапе войны органы госбезопасности и внутренних дел сыграли одну из ведущих, а в ряде районов главную роль в развертывании партизанского движения. И это было естественно, поскольку, в отличие от партийно-хозяйственного актива, органы НКВД и их агентурный аппарат уже более двух лет действовали в сложной оперативной обстановке в приграничных территориях, широко используя методы конспиративной работы. Их можно было гораздо быстрее переориентировать на борьбу с противником, сбор разведданных, действия на его коммуникациях, базах и т. п.

Это утверждение ни в коей мере не противоречит и не опровергает укоренившегося тезиса о руководящей роли коммунистической партии в развертывании партизанской войны. В реалиях советских условий 1941–1945 годов иначе и быть не могло. ВКП(б) была не только политической партией, но и главной управляющей структурой в механизме политической и военной власти в стране, осуществляющей руководство и координацию действий частей Красной армии, органов НКВД и партийно-хозяйственного актива, оказавшихся в тылу германских войск.

Вплоть до последнего времени о задачах Особой группы распространяется немало измышлений. Ваксберги, Петровы, Яковлевы, Наумовы, перебежчики, симпатизирующие им некоторые историки советской разведки пытаются манипулировать сфальсифицированными данными, приписывают Особой группе задачи организации террора на оккупированной противником территории как против оккупационной администрации и ее пособников, так и против местного населения. Делается это вполне сознательно, с клеветническими целям. Намеренно не цитируются и искажаются имеющиеся у авторов, зачастую похищенные из архивов ЦК КПСС и КГБ СССР

документы о реальных задачах бойцов и сотрудников Особой группы НКВД.

Особая группа формировалась на базе первого разведывательного управления НКГБ-НКВД. Костяк ее составили оперативные сотрудники, имевшие опыт разведывательной работы за рубежом и партизанских действий во время гражданской войны в Испании. В связи с занятием наших территорий мы превратились не только в орган, оценивающий информацию о ситуации на оккупированной территории, но в подразделение, координирующее деятельность местных органов госбезопасности.

В 1988 году генерал-майор Н. Губернаторов, в прошлом один из помощников Ю. Андропова, передал мне выписки из документов об организации Особой группы. Фактически это был приказ о моем назначении начальником этого подразделения и его задачах. Разумеется, что для меня чрезвычайно важно было получить этот документ, опровергающий клеветнические обвинения меня и Эйтингона, имевший решающее значение для нашей реабилитации.

Перед Особой группой были поставлены задачи о развертывании диверсионной войны на оккупированной территории, в прифронтовой полосе и глубоком тылу противника.

Конкретно это выражалось в выведении из строя важных транспортных узлов, срыве железнодорожных и автоперевозок живой силы и техники противника на фронт, разгроме воинских, жандармских, полицейских гарнизонов, выводе из строя промышленных предприятий, электростанций, средств связи в случае угрозы захвата их противником. Группа должна была воспрепятствовать вывозу в Германию советских граждан, техники, награбленного немцами имущества. Важным направлением нашей работы стало проникновение в специальные службы противника, выявление их агентуры, забрасываемой в наш тыл с целью как сбора разведывательной информации, так и проведения диверсий. Группа должна была также содействовать партийно-советскому активу в развертывании массового партизанского движения и сопротивления в тылу врага.

В наше распоряжение поступили лучшие специалисты по минно-подрывному делу в Советском Союзе, работавшие не только в системе Красной армии, но и наркоматов угольной промышленности, геологии, горных разработок. Среди них помнятся такие блестящие мастера своего дела, как Д. Пономарев, Г. Разживин. Очень кстати оказались выпускники существовавшей в 1937–1938 годах спецшколы при Особой группе

Серебрянского. Благодаря слушателям этой школы подполковнику К. Квашнину и начальнику отделения оперативной техники ИНО полковнику А. Тимашкову наши службы были обеспечены совершенными приборами и техникой, не имевшими аналогов у зарубежных диверсионных спецслужб.

В самые кратчайшие сроки были отработаны основные варианты легендирования нашей агентуры для работы в тылу противника. Мы привлекли лучших наших разведчиков и контрразведчиков. Среди них тепло вспоминаю Е. Мицкевича, П. Журавлева, З. Рыбкину-Воскресенскую, В. Дроздова, Г. Мордвинова, П. Гудимовича, его жену Е. Морджинскую, А. Камаеву, В. Ильина, Я. Яковлева, М. Маклярского, Л. Сташко, Н. Киселева, С. Окуня, А. Крупенникова и некоторых других.

Были разработаны пять основных вариантов внедрения в органы оккупационной администрации, в профашистские «добровольческие» формирования и в немецкие спецслужбы.

Первая легенда. К противнику попадает офицер Красной армии, захваченный в ходе боевых столкновений.

Вторая. Немцы подбирают раненого советского солдата или офицера, которым не была оказана медицинская помощь.

Третья. Офицер или военнослужащий Красной армии — дезертир — сдается немцам на передовой линии фронта.

Четвертая. Парашютист Красной армии, сброшенный в тыл противника, добровольно сдается немецкому военному командованию.

Пятая. Беженец немецкого происхождения, «фольксдойче», перешедший на оккупированную территорию через линию фронта, предлагает немцам свои услуги.

Следует отметить, что легендирование агентуры, которое успешно применялось для борьбы с реальными и потенциальными врагами советской власти, не годилось для борьбы с гитлеровцами. Стало совершенно очевидно, что использовать легенды о каких-либо отщепенцах из внутрипартийной оппозиции нельзя. К тем, кто имел отношение к прошлому руководству, даже из репрессированных, немцы относились с недоверием. Об этом мы узнали из информации, поступившей от нашей опергруппы в сентябре из Киева. Оккупанты, устанавливая новый порядок, ни в одном случае не привлекали в свой актив кого-либо из категории репрессированных, проходивших по политическим делам в качестве троцкистов, левых уклонистов.

Таким образом, можно было широко использовать для борьбы с противником белогвардейское прошлое наших агентов и участие в мнимых националистических организациях. Поэтому из

большого числа оперативных дел были выделены те, которые проходили по националистическому подполью. Именно с этой легендой засылались наши люди в Туркестанский легион. Успех имели и разработки, связанные с «казачьим подпольем». Благодаря этому нам удалось реализовать ряд крупных операций в 1942–1943 годах, в том числе такие как «Басмачи», «Школа», «Монастырь», «Курьеры».

Мы знали, что немцы ищут людей, пострадавших от советской власти, и будут стремиться, опираясь на них, создавать свою агентурную сеть и администрацию. Поэтому мы оставляли на оккупированной территории проверенных людей из этой категории. Они становились приманкой для противника и внедрялись таким образом в спецслужбы и администрацию.

И еще один, пусть небольшой, канал к немецким спецслужбам — это использование не высланной в Сибирь части немецкого населения, так называемых фольксдойче, получивших привилегированное положение на временно оккупированной территории.

Сразу же после создания Особой группы было организовано несколько школ подготовки кадров. Одна школа индивидуальной подготовки разместилась на базе нашего дома отдыха в Кратово, другая — в разведывательной школе — ШОН в Балашихе.

Для нас также немаловажно было использовать политэмигрантов по линии Коминтерна. В связи с этим я неоднократно ездил к Димитрову, Долорес Ибаррури. Подготовкой этих кадров руководил товарищ «Фердинанд», бывший начальник контрразведки республиканской Испании из Барселоны. Он отбирал людей, которые проходили специальную тренировку в районе «Озеры» на Калужском шоссе, бывшей даче Ягоды, ставшей впоследствии Домом отдыха ЦК КПСС.

Несколько слов о структуре Особой группы, преобразованной 3 октября 1941 года во 2-й самостоятельный отдел НКВД СССР, который стал оперативным подразделением, координирующим деятельность всех остальных служб органов госбезопасности. Подчинялась Особая группа непосредственно наркому внутренних дел Берии.

26 августа 1941 года оперативные группы местных органов госбезопасности, занимавшиеся организацией борьбы с противником в прифронтовой полосе, были преобразованы в 4-е отделы НКВД-УНКВД республик, прифронтовых краев и областей и перешли в подчинение Особой группы. В их обязанность входили:

повседневный контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп,

руководство по согласованию с Центром их боевой деятельностью;

налаживание связей с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника;

организация агентурной и войсковой разведки в районах действий партизанских отрядов и диверсионных групп;

разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов;

обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением.

Директивой НКВД на 4-е отделы также возлагалась обязанность допроса пленных, перебежчиков, парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и войсками Красной армии.

В связи с расширением объема работы после реорганизации Особая группа состояла из секретариата и 16 отделений и вошедших в его оперативное подчинение отделов территориальных НКВД-УНКВД. 14 отделений центрального аппарата являлись оперативными региональными подразделениями. Они занимались организацией разведывательно-диверсионной работы на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, а также за рубежом и в районах возможного нападения противника — в Японии, Турции, Скандинавии, Иране. Для активного противодействия подрывной деятельности спецслужб фашистской Германии во 2-м отделе было создано специальное отделение для работы в прифронтовой зоне. И, что особенно важно, оно координировало свою деятельность с аппаратом военной контрразведки — особыми отделами Красной армии. Положение о нашей деятельности было утверждено руководством НКВД. Вот задачи, которые ставились перед нами:

формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними;

восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории;

внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные и административные органы;

подбор и переброска квалифицированных агентов на

оккупированную территорию в целях их дальнейшего проникновения в Германию и другие европейские страны;

направление в оккупированные районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными заданиями;

подготовка и переброска в тыл врага специальных разведывательно-диверсионных групп, подчиненных Центру, для выполнения заданий особой важности, обеспечение надежной связи с ними;

минирование по приказу Ставки и ГКО промышленных предприятий и стратегических объектов с целью вывода их из строя в районах, находящихся под угрозой вторжения противника;

организация в этих районах резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе сотрудников;

обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров вооружением, боеприпасами, продовольствием, средствами техники и связи и соответствующими документами прикрытия.

В этой связи надо отметить, что войска Особой группы НКВД, получившие в октябре 1941 года название Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), входили в октябре — декабре 1941 года в состав действующей Красной армии, то есть были не только в подчинении Особой группы, руководства НКВД, но и находились как спецназ особого назначения в ведении Генштаба Красной армии и, следовательно, Верховного командования.

26 августа 1941 года, то есть спустя полтора месяца после создания Особой группы, приказом по наркомату был определен порядок взаимодействия с ней оперативных, технических и войсковых подразделений и соединений органов госбезопасности и внутренних дел. К этому следует добавить, что Особая группа — 2-й отдел НКВД — был единственным подразделением, не эвакуированным из Москвы в Куйбышев в связи с передислокацией аппарата госбезопасности в октябре 1941 года. Наши сотрудники и бойцы ОМСБОНа были полностью развернуты и целиком задействованы в дни решающих событий битвы под Москвой.

В период битвы под Москвой были окончательно определены конкретные боевые задачи, поставленные перед нами Верховным командованием и руководством НКВД.

Сосредоточиться на сборе и передаче командованию Красной армии по линии НКВД разведданных:

о дислокации, численном составе и вооружении войсковых соединений и частей противника;

о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ;

о строительстве оборонительных сооружений;

о режиме политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной администрации.

В области диверсионной деятельности:

нарушение работы железнодорожного и автомобильного транспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага;

вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и прочего имущества;

нарушение линии связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектах.

По линии контрразведывательной работы (совместно с особыми отделами Красной армии):

установить места дислокации разведывательно-диверсионных и карательных органов немецких спецслужб, школ подготовки агентуры, их структуру, численный состав, системы обучения агентов, пути проникновения в части и соединения Красной армии, партизанские отряды и советский тыл;

выявлять вражеских агентов, подготовленных к заброске или заброшенных в советский тыл, а также оставленных в тылу советских войск после отступления немецкой армии;

установить способы связи агентуры противника с его разведцентрами;

проводить систематическую работу по разложению частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих Красной армии, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий;

ограждать партизанские отряды от проникновения в них вражеской агентуры, проводить ликвидацию наиболее опасных пособников врага и по возможности представителей оккупационной администрации, ответственных за карательные действия (фашистских властей и военного командования) по отношению к партизанам и местному населению.

Начало создания резидентур и боевых групп на оккупированной территории

Будучи вместе с Н. Эйтингоном, Н. Мельниковым, В. Гридневым, М. Орловым, В. Дроздовым, М. Маклярским,

Я. Серебрянским, Л. Сташко руководителями организации боевой работы в тылу противника в начале войны, мы действовали слаженным коллективом. Руководство конкретными операциями и наша инициатива проявлялись в рамках задач, ставившихся перед нами наркомом внутренних дел Берией. Не могу не отметить, что с его стороны поступали четкие и высококомпетентные указания. Однако связано это было не с тем, что он обладал фантастическим особым даром предвидения. Берия был, безусловно, крупной, незаурядной личностью. Важно и другое: как член ГКО он имел доступ к всеобъемлющей военной информации. От него, например, мы получили ценное распоряжение при создании подпольных групп на оккупированной территории — резко усилить разведывательную работу на южном направлении. Берия исходил из того, что немцы обязательно будут пытаться использовать Одессу, Николаев и другие крупные портовые города как транзитные пункты для вывоза сырья в Турцию, особенно в случае успешного развития их операций на Ближнем Востоке.

Тогда в спешном порядке мы укомплектовывали резидентуры в Одессе, Николаеве и затем в Киеве. Они должны были отслеживать, как используются порты, водный транспорт, выводить из строя судоверфи, сделать все, чтобы захваченное противником зерно не шло через эти порты для нужд немецкой армии.

В. Молодцов (Бадаев), возглавлявший резидентуру в Одессе, должен был оставить в городе две-три группы наиболее проверенных и надежных людей для выполнения специальных диверсионных операций, а также для ликвидации видных представителей немецкой администрации, предателей, сотрудничавших с немцами. Выбор Молодцова, несмотря на его недостаточный опыт работы во внешней разведке, был в целом оправдан. Накануне войны он был куратором «румынского» направления в ее центральном аппарате. Нашим специальным указанием предписывалось ни в коем случае не расшифровывать этих людей ни перед кем. Агентам запрещалось связываться с работниками УНКВД, то есть местными органами, остающимися в тылу немцев. В их обязанность входило также еще раз проверить агентуру, оставляемую на случай отхода, особенно немцев, даже работающих с нами в течение многих лет. Я категорически возражал против связей с агентурой из числа немцев, которые не были высланы в первые дни войны. Мы не могли допустить, чтобы многочисленные немецкие колонии стали опорой для оккупационной администрации. Кроме того, было много неясностей с использованием агентуры из бывшей Республики

немцев Поволжья. В любом случае ожесточенность войны и оккупация диктовала нам возможность использования агентов немецкой национальности в исключительных случаях. Не могло быть и речи о массовом использовании этих людей.

Вопрос о взаимодействии Особой группы с территориальными органами встал очень остро. Помню, мной было подписано специальное указание, адресованное в управление НКВД по Одесской области, в котором говорилось о необходимости децентрализовать специальные резидентуры и группы, оставленные для подпольной работы. Из докладной записки, которую мы получили, прочитывалось, что при создании агентурного аппарата для подполья была допущена совершенно нежелательная централизация, которая могла привести к провалам.

Группой в Николаеве руководил бывший заместитель начальника англо-американского отдела и научно-технической разведки НКВД В. Лягин, будущий Герой Советского Союза. В тыл противника он отправился по собственной инициативе. Поскольку до этого Лягин работал в США, достаточного опыта контрразведывательной работы у него не было, но он горел желанием отличиться на войне. Его вело бесстрашие.

Он оставил семью, все свои привилегии руководящего работника, даже личную автомашину, что было в то время большой редкостью, которую он привез из-за границы. Несмотря на мои возражения, добился приема у Берии и лично подписал рапорт у руководства наркомата внутренних дел о направлении его резидентом в Николаев накануне оккупации города. Обосновывал Лягин свое решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была. Однако мы категорически возражали против этого, зная, что он был довольно обстоятельно осведомлен о работе нашей разведки за кордоном. И назначение такого человека на рискованное дело противоречило нашим основным принципам и правилам использования кадров.

Иные цели стояли перед группой И. Кудри (Максим), который был оставлен в качестве нашего нелегального резидента в Киеве. Группа должна была проникнуть в украинское националистическое подполье, на которое немецкое командование делало серьезную ставку. Последние годы после окончания пограничной школы Кудря боролся с украинскими националистами и хорошо знал особенности и специфику этого движения. Имея опыт работы в составе нашей оперативной

группы во Львове, он занимался разработкой связей украинских националистов с немецкими разведывательными органами. Это был молодой, способный, энергичный работник. К тому же, что очень важно, Кудря не был известен широким кругам украинского партийно-советского актива, так как работать на руководящей должности ему в НКВД не пришлось.

Судьба столкнула его с чрезвычайным случаем, который впоследствии позаимствовали авторы известного фильма «Подвиг разведчика». В нем есть эпизод, когда у кинотеатра «Арс» советский разведчик встречается с сотрудником немецкой разведки «Штюбингом», которому удалось бежать. В октябре 1941 года Кудря столкнулся на Крещатике с видным деятелем подпольной украинской организации, которой он занимался еще до войны. Этому агенту-двойнику, завербованному Максимом, удалось уйти в 1940 году из-под нашего контроля, а когда началась война, он рассчитывал, что в связи с быстрым продвижением германских армий его звезда взойдет. Но, столкнувшись на улице с Максимом, агент очень перепугался. Он мог, конечно, организовать ликвидацию Кудри, но тогда к этому пришлось бы подключать своих немецких хозяев. И он, опасаясь разоблачения, вынужден был вновь пойти на сотрудничество с нами. Впоследствии он вывел Максима на конспиративные квартиры абвера в Киеве.

К сожалению, Кудря стал жертвой подставы и героически погиб в 1942 году, никого не выдав. В 1965 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Настало время рассказать и о предательстве его агента, некоего В. Карташова, он же А. Коваленко. Он был юрист, в 1937 году его осудили за халатность и подлог на пять лет лишения свободы. В 1939 году он был освобожден, стал сотрудничать с НКВД Украины. В связи с оккупацией Киева был оставлен в тылу врага для выполнения спецзаданий под видом владельца комиссионного магазина и ресторана. Немецкая контрразведка вскоре арестовала и перевербовала его. Он выдал группу подпольщиков. После войны в мае 1945 года в ходе проверки были вскрыты конкретные факты и обстоятельства его предательства. Он был арестован и осужден к 25 годам лишения свободы за предательское сотрудничество с врагом.

Позднее наш известный писатель В. Катаев в романе «За власть Советов» использовал ряд моментов из биографии Коваленко в образе владельца комиссионного магазина в оккупированной Одессе М. Колесничука — сотрудника резидентуры Молодцова — «Бадаева». В романе Катаев дал ему фамилию Дружинин.

Неудачно закончилась для нас первая попытка создать крупную резидентуру в Западной Украине, в Житомире. Туда был направлен И. Каминский, опытнейший оперативный работник, нелегал ИНО в тридцатые годы, освобожденный по моему настоянию из тюрьмы после начала войны. Летел он на связь с нашим агентом — местным священником. Но сразу же после приземления попал в засаду. Священника к этому времени перевербовала немецкая контрразведка. Каминский застрелился, поняв, что он попал в ловушку. Судьба Каминского особо волнует меня и сейчас. Он был моим личным другом. Обойдя меня, добился так же, как Лягин, разрешения Меркулова десантироваться в тыл врага. Его, к сожалению, некомпетентные люди путают с Яном Каминским — бойцом оперативной группы нашего легендарного разведчика-боевика Н. Кузнецова, который погиб вместе с ним в 1944 году от руки оуновских бандитов. У меня же не может не вызвать недоумение просочившаяся с ведома ряда консультантов-историков нашей разведки ложная версия о том, что Иван Николаевич Каминский «погиб в бою с партизанами». Тем самым циничные авторы его подправленной биографии закрывают вопрос о посмертном награждении этого героя тайной войны, несправедливо репрессированного в 1938 году.

Все названные мной четыре резидентуры первого периода войны трагически погибли. Наши люди, участвовавшие в разведывательно-диверсионной борьбе с врагом, продержались в целом около года. Это, к сожалению, в городских условиях средний срок действия в тылу противника агентурно-оперативно-диверсионной группы. Легендарный Н. Кузнецов действовал почти два года, но он опирался на мощную поддержку и содействие партизанского отряда и всей оперативной группы Д. Медведева, успешно используя сеть ее агентуры.

Среди неизвестных погибших героев тайной войны в тылу врага следует назвать заместителя Лягина по диверсионной работе, сотрудника НКВД Украины Н. Сидорчука. Он лично и организовал, и провел диверсию на немецком аэродроме, в результате которой было уничтожено 24 самолета противника. Сидорчук заслужил звание Героя Советского Союза, но, к сожалению, мое представление на этот счет не было поддержано. После окончания войны он был посмертно награжден лишь орденом Красного Знамени. Объясняется это тем, что по таким эпизодам, участником которого оказался Сидорчук, представления о награждении принимались только после проверки специальной следственной группой реальных обстоятельств гибели наших людей.

Надо сказать, что среди тех, кого отправляли в тыл противника, были и такие, кто уклонялся от этого. Так, например, выпуск Школы особого назначения был полностью передан в мое распоряжение. Но ряд людей, пользуясь поддержкой своих родственников, находившихся на руководящей работе в ЦК ВКП(б) и в Совнаркоме, в частности Н. А. Егурнов, отказались возглавлять опергруппы, направляемые в район Смоленска. Причем свой отказ они мотивировали тем, что лететь в тыл врага — дело добровольное. А за спиной говорили, что людей «бросают в огонь без всякой страховки». Но таких было немного.

То, что идет ожесточенная война, требовавшая колоссального самопожертвования, было ясно всем. Но у одних находилось мужество идти в тыл противника и, возможно, на смерть, у других его не хватало.

Среди тех, кто в 1941 году принял на себя тяжелые обязанности по развертыванию агентурной работы в тылу немцев, был Л. Сташко, ветеран нашей разведки, имевший опыт работы в Испании и в Западной Европе. Какое-то время он занимался подготовкой документов, связанных с поручениями маршала Жукова по налетам на немецкие коммуникации в октябре — декабре 1941 года. Потом Сташко стал руководителем организации диверсионной работы на Украине.

Следует отметить, что в работу Особой группы — 2-го отдела активно включились люди и младшего поколения, оказавшиеся в центральном аппарате в июле — октябре 1941 года, такие как Г. Рогатнев, С. Волокитин, Ф. Бакин. И наконец, большую и интересную работу выполнили выпускники Школы особого назначения на случай необходимости в создании московского подполья. Это В. Иванов, И. Щорс, П. Масся, А. Шитов (Алексеев), впоследствии наш первый посол на Кубе.

Надо выделить еще одну группу, подключенную нам в помощь. В ней следует отметить А. Свердлова, сына первого председателя ВЦИК, который какое-то время руководил группой негласного штата нашего аппарата. Им был привлечен и принят в негласный штат НКВД спецагент А. Грановский, сын крупного руководителя Совнаркома, репрессированного в 1937 году. Его отозвали из МПВО и планировали использовать как спецагента в Польше, поскольку он владел иностранными языками. Грановский, неплохо действовавший в годы войны, в 1947 году, находясь по линии 2-го управления МГБ в зарубежной командировке в Швеции, бежал к англичанам.

В соответствии с приказом нам оказало большую помощь секретно-политическое управление Н. Горлинского в использовании агентуры против немцев из числа детей и

родственников репрессированных в 1937–1938 годах. Работая с этой категорией, мы призвали на службу в Особую группу значительное количество людей. При этом я встретил полное понимание со стороны руководства, несмотря на то что получить санкцию на это дело было непросто, ведь фактически мы шли на риск, и в немалой степени это было экзаменом работы контрразведки. Первые дети репрессированных пришли к нам на стадии формирования войск Особой группы на стадионе «Динамо».

В октябре 1941 года в рамках 2-го отдела было создано специальное отделение по негласному штату. Возглавил его вначале М. Маклярский, позднее Д. Медведев. Отделение непосредственно руководило спецагентами, которые проходили строго индивидуальную подготовку. Нужно было поднять их уровень, превратить из информаторов в оперативных сотрудников. Со временем они получили офицерские звания, стали обладателями новых биографий, которые был пригодны только в чрезвычайных обстоятельствах развертывания военных действий. Разумеется, в мирное время использование такого аппарата строго регламентировано и подчинено решению других задач.

Мы также пытались привлечь к нашей работе детей репрессированных чекистов. Один из наших оперативников, Сергей Самойлович Деноткин, был сыном начальника управления НКВД по Республике немцев Поволжья, впоследствии он стал помощником начальника отдела центрального аппарата НКВД СССР. Молох репрессий в свое время наиболее беспощадно уничтожал чекистские кадры: мать и отец его были расстреляны. Деноткин возглавил одну из наших оперативных боевых групп в оккупированном Борисове. Я очень удачно подобрал ему оперативную жену, и они успешно действовали в тылу противника более двух лет. Бесспорно, эта работа была связана с большим риском. И надо отдать должное Берии, Меркулову и Кобулову, санкционировавших использование подобных людей, которые внесли заметный вклад в Победу. Благодаря им мы получили большую возможность для выявления агентов, методов и способов работы немецкой разведки. Имея на руках соответствующие документы, они являлись в местную немецкую администрацию, в комендатуру и, естественно, втирались в доверие к немецким властям.

Другой пример — героический боевой путь в тылу врага бойца нашей опергруппы В. Горшкова, чей отец — видный военный работник — был репрессирован и расстрелян в 1937 году.

При комплектовании разведывательно-диверсионных и оперативных групп я старался отбирать тех, кто умел работать с агентурой. Здесь, конечно, неоценимой была роль опытнейших специалистов в нашем деле, призванных из запаса и возвращенных после репрессии, таких, как бывший начальник Восточного отделения ИНО, освобожденный по нашей с Эйтингоном инициативе М. Яриков, П. Зубов, Я. Серебрянский, нелегал Ф. Парпаров. И, конечно, в первых рядах стояли Маклярский, Сташко и П. Гудимович.

Но надо отметить и другое важное обстоятельство. Война — это, конечно, испытание, тяжелое испытание кровью, с большими жертвами и потерями. Но вместе с тем война, и особенно первый ее год, был периодом исключительного патриотического порыва, и сомневаться в искренности людей, преданности нашему делу, не приходилось. Однако, так сказать, обобщенная, короткая аттестация: делу Коммунистической партии Ленина — Сталина предан, советской Родине предан, — применительно для агентов была, безусловно, недостаточной. Нам необходимо было иметь более четкую развернутую аттестацию сильных и слабых сторон агента, чтобы определить его возможности, в каком направлении он мог быть эффективно использован.

Что касается оперативных групп, заброшенных в тыл врага, надо сказать, что уже в августе мы ставили цель — создание очагов сопротивления, на базе которых шло бы налаживание агентурно-оперативной работы и разведывательно-диверсионной деятельности. В связи с этим необходимо отметить очень удачно выполненную работу оперативной группой П. Флегонтова, которая подготовила прочную и расширенную базу для первого рейда отряда Медведева в Клетнянские леса под Брянском для создания там небольшого базового партизанского района. Этот опыт нам очень пригодился.

Второй момент, связанный с деятельность оперативной группы Флегонтова — подготовка базового партизанского района на территории Смоленской области. Оперативная группа, действуя с августа по октябрь 1941 года, смогла эффективно справиться с поставленной задачей, еще и потому, что командир ее имел большой опыт как участник партизанского движения на Дальнем Востоке. Флегонтовым была апробирована тактика действия в засадах, проведения нескольких диверсий. Все это было востребовано при создании в Туле мощного центра подготовки кадров для партизанского движения.

Заслуживает внимания еще одно важное направление нашей работы — это изучение территорий, прилегающих непосредственно к военным действиям, и в частности засылка

нашей оперативной группы во главе с И. Радойновым в Болгарию. Одну часть группы переправили на подводной лодке, другая была сброшена с парашютами. Планы были очень большие, и мы их обсуждали с Димитровым. Имелось в виду сочетание легальных и нелегальных форм борьбы в Болгарии, с учетом того, что у нашей разведки были там довольно прочные позиции и даже выходы на правительственные круги. Причем не только у военной, а и у внешней разведки НКВД.

Радойнов должен был стать координатором этих действий. Но, к сожалению, мы переоценили свои возможности и не учли активность контрразведывательных служб Болгарии, поддерживаемых немцами. Группа Радойнова очень скоро была выявлена. Противник целенаправленно вел ее поиск, зная, что охотится за связными, заброшенными из Москвы. Идея Димитрова о том, чтобы поставить во главе подполья человека, прошедшего обучение в нашей военной академии, имевшего опыт разведывательной работы, в принципе была верной. Но, к сожалению, обстоятельства сложились не в нашу пользу, и эта группа героически погибла, став известным символом стойкости в борьбе с фашизмом, но существенной информации о ситуации в Болгарии не было получено. Кроме того, группа не смогла повлиять на политическую обстановку.

Как ни печально, но приходится признать, что попытки как в Берлине, так и в Софии активизировать подполье по линии военной разведки и НКВД путем засылки связных провалились, закончились трагически.

Осенью 1941 года мы упорядочили информационно-аналитическую работу Особой группы — 2-го отдела. Это направление возглавили ветеран ИНО Д. Федичкин и Е. Морджинская. Я подписал специальное указание территориальным и прифронтовым органам госбезопасности, уточняющее, какого характера должна быть разведывательная информация, представляемая в Центр. Практически это было дополнение к инструкции, появившейся еще в апреле 1941 года. Разведке на местах предписывалось более точно излагать данные о наличии и состоянии в тылу немцев железнодорожных сооружений, их технические параметры и конструктивные особенности, описание складов, мест их расположения увязывать с количеством хранящихся в них материалов, боеприпасов, горючего. Обращалось особое внимание на необходимость получения сведений о восстанавливаемых немцами мастерских, заводах, аэродромах, телеграфно-телефонных линиях, военных сооружениях, возведении новых укреплений и обо всех строительных работах на занятых ими территориях. В указании

была поставлена также задача — выяснить, разрушают ли немцы наши старые укрепрайоны или приспосабливают их для боев и каким образом они это делают. Последний пункт был внесен по настоянию Разведупра Генштаба.

Август и осень 1941 года знаменательны тем, что был получен первый опыт борьбы в тылу противника. Завершил свое формирование спецназ НКВД, о чем речь пойдет ниже. Успешные результаты в оборонительном сражении за Москву позволили нам быстро выработать четкую концепцию мер по развитию партизанского движения и организации разведывательно-диверсионной деятельности. В ноябре 1941 года стало совершенно очевидным, что благодаря массовому сопротивлению в тылу противника складывается благоприятная основа для борьбы на его коммуникациях и срыва операций немецкой разведки против Красной армии.

Начало партизанской войны на коммуникациях немцев

Осознание необходимости партизанских действий

18 июля 1941 года было принято постановление ЦК партии «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск». В связи с подготовкой этого решения меня как начальника Особой группы при наркоме внутренних дел вызвали на совещание в ЦК партии. В нем под председательством Маленкова участвовали Берия, Меркулов, Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, а также представители ЦК Компартий Латвии, Литвы и Эстонии.

Пономаренко сразу же задал тон и поднял вопрос не только об организации партизанского движения, но и о том, чтобы вывести из-под контроля противника всю оккупированную им территорию и таким образом дезорганизовать его тыл.

В постановлении ЦК ВКП(б) было записано, что органы госбезопасности играют важную роль в обеспечении широкого развития партизанского движения, в организации боевых дружин, диверсионных групп, которые должны организовываться из числа участников гражданской войны, тех, кто уже проявил себя в истребительных батальонах.

Руководство ими возлагалось на органы НКВД и НКГБ. В эти же группы должны были войти коммунисты, комсомольцы, которые не используются для работы в партийно-комсомольских ячейках. В постановлении, подготовленном с нашим участием, шла речь о том, что для организации подпольных коммунистических ячеек руководством партизанского движения и диверсионной работой в районы, захваченные противником, направлялись наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские кадры, преданные советской власти, советские беспартийные товарищи, знакомые с условиями местностей, где им предстояло работать. Имелось в виду, что аппарат райкомов партии, НКВД и НКГБ был единственным, кто знал обстановку и кадры.

На этом совещании я настоял на том, чтобы в постановлении было отмечено, что засылка в оккупированные районы должна быть тщательно подготовленной, законспирированной, причем чтобы каждая группа не превышала пяти человек. Засылаемые люди могли быть связаны только с одним определенным лицом и

ни в коем случае не контактировать друг с другом.

Подбор кадров для подпольного аппарата определялся тесным взаимодействием партийных органов и оперативных работников НКВД. Остро встал вопрос об использовании участников гражданской войны, тех, кто проявил себя в истребительных батальонах и в только что созданных, главным образом в Белоруссии, партизанских отрядах.

Из запаса органов НКВД были призваны опытные кадры, такие как будущий почетный сотрудник госбезопасности, один из начальников отдела службы диверсий и разведки Г. Мордвинов, лично знавший многих участников партизанского движения в годы гражданской войны, особенно на Дальнем Востоке. Появилась реальная возможность подтянуть кадры, абсолютно неизвестные противнику, что было очень важно, ибо мы знали, что абвер и гестапо располагают информацией о нашем партийном активе. Так, один из секретарей Николаевского обкома КП(б)У Яров, имея при себе списки некоторых подпольных организаций, был захвачен абверкомандой в тот момент, когда решался вопрос о создании нашей резидентуры на юге Украины. В результате партийный актив и подполье с самого начала в большинстве своем оказались в руках гитлеровцев. Поэтому мы постоянно напоминали руководителям всех резидентур о необходимости крайне осторожно опираться на местный актив, оставшийся в зоне немецко-румынской оккупации.

Хотелось бы отметить еще один момент в постановлении ЦК ВКП(б) по организации партизанского движения. В этом документе подчеркивалось, что вербовочная работа в партизанские отряды целиком передается в распоряжение и под ответственность органов НКВД.

Необходимо внести ясность и еще в один принципиальный вопрос. Речь идет о якобы широкой подготовке к партизанской войне по линии партийных органов в пограничных районах Советского Союза в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Действительно, подготовительные меры для организации партизанской войны на западе страны осуществлялись в этот период. Однако тогда просчитывались варианты ведения диверсионной работы в связи с возможным осложнением социально-политической обстановки в Польше, Румынии, прибалтийских государствах, но никак не ведение ее на нашей территории. Генштаб и командование Красной армии (об этом, кстати, говорится в записках на имя М. Тухачевского) отдавали распоряжения закладывать в тайники оружие и боеприпасы для успешного ведения партизанских действий, имея в виду, что

главным противником на Западном фронте будет Польша, к которой, возможно, присоединится Германия. Для складирования запасов в расчет брался опыт партизанского движения и диверсионных операций, проводимых в двадцатые годы на территории Восточной Польши.

Когда в 1941 году мы с участием ветеранов этих партизанских действий, будущих Героев Советского Союза С. Ваупшасова, Н. Прокопюка, К. Орловского проанализировали эти планы, то оказалось, что они были совершенно неадекватными обстановке, которая сложилась к тому времени. Изменилась конфигурация границ. И самое, пожалуй, главное — в районах Западной Белоруссии, Прибалтики и на бывших территориях Польши, отошедших к нам, сложилась неблагоприятная социально-политическая обстановка. Здесь сильны были антисоветские настроения и оппозиция.

Как известно, примером массового мужества и героизма стало партизанское движение в Белоруссии, которое с самого начала войны возглавил первый секретарь ЦК ВКБ(б) Белоруссии П. Пономаренко (кстати, единственный из первых секретарей ЦК компартий союзных республик). Пономаренко понимал, что создание агентурно-оперативного аппарата является важнейшим условием, обеспечивающим масштабность партизанского движения.

Уже в июле 1941 года в Белоруссии активно действовал в тылу противника партизанский отряд под командованием заместителя начальника 1-го отдела секретно-политического управления НКГБ Белоруссии Н. Морозкина, который имел полную информацию обо всем, что происходит на оккупированных территориях. Отряд длительное время находился в районе Бобруйска. В основном это были оперативники НКГБ, сотрудники НКВД и милиции. 22 июля 1941 года сообщалось, что в отряде 74 человека, в том числе много сотрудников Бобруйского горотдела НКВД, под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Залогина, того самого Залогина, который совершил первые диверсионные операции: подорвал мосты под Гомелем и на Слуцком шоссе. Сотрудник этой оперативной группы П. Филимонов, прошедший довольно унизительную процедуру спецпроверок, после выхода из тыла противника стал одним из направленцев нашей службы по работе в тылу противника.

К нам поступали данные о том, что под Бобруйском успешные действия партизан на коммуникациях немцев привели к значительным их потерям. Взрывы мостов, железнодорожных путей — все это сбивало наступление гитлеровцев, значительно

затрудняло их продвижение. Это подтверждало правильность наших предположений относительно диверсий на их коммуникациях. Выигрыш времени тогда имел первостепенное значение.

К 8 июля было сформировано 15 партизанских отрядов в Пинской области. Их возглавили советские руководители и чекисты. Один из них — Корж — стал Героем Советского Союза. 12 отрядами командовали работники НКВД — начальники райотделов и их заместители, начальник паспортного отделения милиции, оперработники НКВД. Эти люди прекрасно знали местную обстановку, кадры агентуры, хорошо представляли себе антисоветский элемент, ставший на путь сотрудничества с врагом.

Как уже говорилось, при отборе на должность командиров партизанских отрядов прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт. Н. Прокопюк, А. Рабцевич, С. Ваупшасов, К. Орловский — все они не только участвовали в партизанской войне против белополяков в двадцатые годы, но и сражались в Испании. В резерве была большая группа, воевавшая на Дальнем Востоке. Практически репрессии конца тридцатых годов не коснулись специалистов по диверсионной технике и приборам. Все они активно были задействованы.

Что касается обстановки на Украине, то она складывалась не совсем удачно. С. Ковпак и Н. Федоров, создавшие в лесах на базе советско-партийного актива крупные партизанские соединения, представляли собой изолированные очаги сопротивления. Массовое партизанское движение на Украине развернулось лишь в 1942 году.

На начальном этапе войны организация партизанского движения задумывалась как создание второго фронта, действующего в тылу у немцев. Его главной задачей было сбить темп наступления и продвижения фашистских войск. Поучителен в этой связи опыт руководства партизанским движением в Белоруссии. Первая директива ЦК Компартии Белоруссии о развертывании партизанского движения в тылу противника появилось 1 июля 1941 года, еще до принятия постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск». А записка первого секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии Пономаренко в августе 1941 года на имя Сталина характеризовала его как широкомыслящего человека, умеющего ставить серьезнейшие задачи. Пономаренко ссылался на положительный опыт нападения на тылы противника, подчеркивая, например, что при перевозке эшелоном танков,

которые представляют для нас грозное оружие, их могут вывести из строя в результате успешной диверсии на железной дороге два-три подрывника.

Пономаренко принадлежит идея создания системы обучения и подготовки кадров, привлечения наиболее квалифицированных людей для проведения спецопераций на коммуникациях противника.

В записке Пономаренко названы меры, которые стали очень эффективными в партизанском движении, правда, не в форме его организации, а в современном для того времени оснащении средствами минно-диверсионной войны. Пономаренко писал, что выявились очень умелые и знающие хорошо диверсионное ремесло руководители, которых он лично видел в деле. Дивизионный комиссар Туманьян, полковник Мамсуров. Назван был еще капитан Потрохальцев, один из будущих руководителей Разведупра Генштаба Красной армии, и организатор диверсионной школы ЦК ВКП(б) Белоруссии полковник И. Старинов.

Пономаренко предлагал создать 12–15 диверсионных школ с десятидневным курсом практического обучения, где в мастерских изготовлялась бы взрывная техника. В каждой школе планировалось обучать 500 человек. Ежедневно одну школу заканчивали бы 50 человек. Из выпускников можно было бы укомплектовать свыше сотни диверсионных групп. Для начала, писал Пономаренко, это было бы очень кстати. «Прошу обратить внимание на это дело и помочь ему, — писал Пономаренко Сталину, — результаты превзойдут все ожидания».

Школу ЦК ВКП(б) Белоруссии, находившуюся в городе Орле, как накопившую опыт, Пономаренко предлагал сделать центральной по подготовке инструкторов-диверсантов и передать Брянскому фронту. Подготавливать диверсантов необходимо не только для направления в тыл, но и для работы в прифронтовых районах в зоне 100–150 километров от фронта. Пономаренко доказывал, что подготовленные школой диверсанты действуют наиболее надежно, процент выполнения ими боевых заданий колеблется от 50 до 60 процентов. Кроме того, для этого вида работы, по его мнению, очень подходят девушки, женщины и подростки, пожилые люди, то есть группы местного населения, на которые противник не обращает особого внимания.

Любопытно, что вначале диверсионные операции предполагалось осуществлять с помощью сигнальщиков, которых решено было направлять в тыл к немцам. Уже в июле появилась специальная директива народного комиссара госбезопасности о том, что из числа проверенных, лояльно настроенных к нам лиц, а

также из числа агентов, которые не могут быть использованы для более активных целей, следует организовать кадры сигнальщиков. Оставаясь на территории противника, они должны были всеми доступными им способами — ракетами, кострами, включением света ночью — во время налетов нашей авиации подавать световые сигналы, указывая тем самым места расположения особо важных объектов противника.

В этот же период была издана директива о специальных акциях на аэродромах противника. В ней говорилось, что быстрое наступление немецких войск неизбежно повлечет за собой перебазирование самолетов. Известные нам аэродромы становились объектом диверсионной работы.

В сентябре-октябре 1941 года стало очевидным, что нахождение в тылу противника партизанских соединений чрезвычайно эффективно, поскольку они и диверсионные группы отвлекают на себя крупные воинские соединения. Поэтому в Генштабе и в НКВД склонялись к тому, что складывающееся движение сопротивления в тылу противника по состоянию к осени 1941 года следует рассматривать как особый фронт борьбы на коммуникациях немецко-фашистских войск. Этот очень важный вывод сделал заместитель начальника оперативного управления Генштаба, в то время генерал-майор А. Василевский. Тогда Пономаренко и Берия поставили вопрос перед Сталиным о взаимодействии операций партизанских отрядов с обороняющейся и контратакующей Красной армией.

В то время мы такие вопросы обсуждали уже на уровне Генштаба и НКВД, Попова и Маленкова в ЦК ВКП(б), которым Сталин поручил этим заниматься.

Партизанское движение было сильно не только тем, что носило народный характер, но и своей организованностью. Немцам, несмотря на предпринимаемые карательные операции, не удалось подавить его. Они не смогли нанести удар по самой сердцевине сопротивления. Без ликвидации организационной основы партизанского движения, его штабов, руководства наших оперативных групп, отдельных видных руководителей нельзя было рассчитывать на успех в подавлении партизанских отрядов.

Как известно, сопротивление националистов в Прибалтике и Западной Украине после Великой Отечественной войны прекратилось только тогда, когда были ликвидированы и разгромлены их штабы. Сделать это мы смогли с помощью агентурного проникновения в их руководящие организации, благодаря разжиганию внутренних противоречий. Кроме того, нам удалось взять под контроль основные линии связей националистического подполья с зарубежными центрами,

поддерживавшими его идеологически и материально. Без этого не могло идти и речи о стабилизации обстановки и мирной жизни в Западной Украине и Прибалтике.

Трудные задачи организации борьбы в тылу врага

Организация разведывательно-диверсионной деятельности в связи с быстрым продвижением противника требовала прежде всего взвешенного подхода, хотя делать это необходимо было в крайне сжатые сроки. Обнаружилось явное несоответствие в разграничении функций между органами военной контрразведки и нами. Военная контрразведка способствовала заброске разведывательно-диверсионных групп в прифронтовую полосу. Для этого она имела большие возможности. Но вся тяжесть работы по организации партизанского движения и разведывательно-диверсионной деятельности на базе периферийных служб НКВД и агентуры, которая осталась на оккупированной территории, легла на плечи аппарата Особой группы — 2-го отдела НКВД.

Прежде всего нужно было наладить использование агентуры в тылу противника, чтобы установить, какие зоны из занятых им территорий находятся под его контролем.

К этому времени нами и военной разведкой был окончательно вскрыт замысел противника на «молниеносную войну». Очень остро встал вопрос, как воспользоваться провалом гитлеровских планов для нанесения противнику максимального ущерба. Из материалов, поступающих из областных управлений, райгораппаратов НКВД, сложилась довольно неожиданная картина. Мы также проанализировали ту информацию, которую получили от соединений и частей, выходивших из окружения. Наше общение с ними было исключительно важным. Мы не только фильтровали этих людей, отсекая враждебную агентуру, но и узнавали об обстановке в оккупированной местности. Выяснилось, часть районов, занятых противником, фактически не находилась под его временным или постоянным контролем. В связи с этим Эйтингон внес важное предложение, которое активно поддержал Генштаб, — подготовить специальную карту занятых противником территорий для руководства НКВД и Верховного командования, которая давала бы представление о реально складывавшейся там оперативной обстановке.

Наши офицеры совместно с направленцами Генштаба выделили три группы районов, занятых врагом. В первую попали места, где размещались центры коммуникаций и снабжения

наступающей немецкой армии. Они находились под неполным контролем противника и представляли собой весьма уязвимую цель, так как коммуникации были растянуты. Немцы не могли обеспечить охрану при передвижении грузов на всем протяжении железных дорог, особенно в колоннах с танками или бронемашинами. Не везде был введен комендантский час.

Вторая категория — глубинные районы сельской местности, которые вообще находились вне зоны контроля противника. Они были удалены от основных дорог и коммуникаций, что создавало благоприятную ситуацию для развертывания широкого партизанского движения. Но самое главное — в перспективе они представляли собой прекрасную базу для организации снабжения партизанских соединений, а также складирования вооружения и боеприпасов.

Третья группа — главным образом крупные населенные пункты — находилась под пристальным контролем немецких войск. В этих районах были введены жесткий контрразведывательный режим, постоянное наблюдение за местным населением. Немецкие военнослужащие не появлялись на улицах в одиночку. Хотя машины с руководящим составом двигались, как правило, без охраны.

С учетом этих условий мы должны были определить основные цели для нанесения ударов, а также те районы, где можно было организовать проверку и переподготовку нашей агентуры.

Нам удалось вскрыть ряд особенностей в действиях противника. Например, немецким командованием были допущены серьезные просчеты. Их войска двигались вдоль основных дорог, не контролируя при этом боковые. Неумело выбирались позиции при пересечении лесистой и заболоченной местностей.

Постепенно нам становилось ясно, каким образом можно создать противнику невыносимый режим, не давать ему ни днем, ни ночью покоя. Было решено, что предпочтительнее проводить налеты на вражеские соединения после 18–19 часов вечера, перед тем как стемнеет, выходить с поля боя под покровом ночи, активно использовать минирование и завалы при отходах, приспосабливать наши действия в зависимости от времен года, особенно приближающейся зимы.

Мы сделали выводы о характере партизанских действий на территории Белоруссии. Лесистая местность очень благоприятствовала разведке. Белоруссия и Смоленское направление стали основным полигоном для развертывания разведывательно-диверсионной работы. И не случайно. Решалась

судьба Москвы — главной цели гитлеровского блицкрига.

Август и сентябрь 1941 года можно назвать переломным этапом в формировании партизанского движения. Дело в том, что Пономаренко, правильно поставивший вопрос об организации диверсионной работы в тылу врага, благодаря которому в полную мощь был использован потенциал разведывательного управления Генштаба и НКВД, к сожалению, заблуждался относительно того, что в тылу противника возможно формирование массовых партизанских армий.

Я принимал участие в нескольких совещаниях по этому поводу и в ЦК, и в Генштабе, и у Берии в НКВД. Рассуждения о формировании в тылу противника массовых партизанских армий произвели на меня удручающее впечатление. Наше военное командование, особенно ветераны гражданской войны, не представляли себе всех преимуществ в оснащении немецкой армии, возможностей ее авиации по сравнению с партизанами, вооруженными лишь легким стрелковым оружием. Вести речь о создании массовых партизанских армий, которые не имели бы даже артиллерийской поддержки, соответствующих технических средств для ведения войны, было по меньшей мере несерьезно.

Важной проблемой для нас стало обеспечение партизан вооружением. Мы потеряли на территории, оккупированной противником, большое количество складов с боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Значительное количество их мы вынуждены были при отступлении подорвать, так как вывезти не было возможности.

Тем не менее в тылу противника постепенно складывался организованный фронт вооруженной борьбы. Нами по линии НКВД с большим напряжением сил постепенно отрабатывалась система взаимодействия поддержки и организации партизанского движения как с органами фронтового управления, так и с разведывательным управлением Генштаба.

Уже к осени 1941 года в тылах немцев сложилась реальная угроза нарушения их главных коммуникаций. Партизаны западных областей РСФСР совместно с оперативными группами НКВД и Разведупра Красной армии удерживали, например, на Смоленщине районные центры Батурино, Всходы, Глинки, Дорогобуж, Угра, Холм, Жирки, Понизовье, Свобода. На Орловщине — пять районных центров. Брянские партизаны успешно громили немецкие гарнизоны. Все это создавало, естественно, нервозную обстановку в немецких штабах и не могло не влиять на развитие событий на фронтах.

В этой связи заслуживает внимания документ, который перехватила группа В. Зуенко, свидетельствующий об оценке

немцами масштабов войны в их тылах. Немецкое командование еще в августе издало приказ о том, что оно рассматривает даже местное население в трудоспособном возрасте как потенциальных военнопленных. Этот приказ в значительной мере, мне кажется, приоткрывает вопрос относительно подсчета военнопленных Красной армии. Цифра взятых в плен военнослужащих Красной армии, безусловно, завышена, ведь немцы рассматривали в качестве военнопленных не только военнослужащих, а всех военнообязанных лиц, находящихся на занятой ими территории. В приказе гитлеровского командования было записано, что «отношение к местному населению должно быть как к военнопленным». Такие действия, безусловно, предопределили ожесточенное отношение со стороны немецких захватчиков к советским людям и соответствующую ответную их реакцию. Думаю, что цифры относительно советских военнопленных нуждаются в тщательной корректировке. Материалы архивов НКВД могут помочь в этом деле.

Поскольку это важный вопрос, подчеркну, что мое мнение основывается на приказе от 24 сентября 1941 года командира 40-й немецкой пехотной дивизии Рендулича, перехваченном оперативной группой В. Зуенко, где говорится: «Чтобы покончить со всеми сомнениями, еще раз приказываю: всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке превращать в пленных, подозрительные элементы уничтожать».

Август и сентябрь 1941 года — это период, когда нам удалось не только правильно сформулировать задачи разведывательно-диверсионной борьбы в тылу противника, но и определить места проведения операций в связи с планами советского Верховного командования. Эти два аспекта борьбы в тылу врага — массовое партизанское движение и разведывательная диверсионная деятельность — были тесно связаны друг с другом.

Среди поставленных перед нами главных задач были сбор и поступление непрерывной информации о дислокации и перемещениях немецко-фашистских войск, их численном составе, боеспособности и уязвимых местах, что давало возможность четко спланировать подготовку и организацию боевых действий по линии нашего спецназа — отрядов войск Особой группы для диверсий на коммуникациях противника.

В связи с развитием массового партизанского движения перед нашим спецназом ставились задачи содействовать захвату и удержанию важных административных стратегических пунктов в тылу немецко-фашистских войск, что создавало бы для них нервозную обстановку. Предполагалось развернуть группы

специального назначения в местах расположения немецких штабов, на территориях, имеющих для нас важное политическое значение.

Учитывая, что противник уже использовал против партизан и местного населения как специальные карательные отряды, так и вспомогательные воинские части, спецназ НКВД должен был быть готовым вести бои за удержание партизанских баз и базовых районов, заманивать противника в засады, заблаговременно подготавливать районы и опорные пункты партизанского движения.

Очень важное значение приобретало минирование объектов противника и отработка тактики непосредственного боевого соприкосновения с врагом. Необходимо было разработать тактические наставления, как действовать малыми боевыми группами, отходить на заранее оборудованные и пристрелянные позиции. Наши люди должны были знать местные условия, чтобы иметь возможность осуществлять эффективный маневр на местности. Особое внимание в связи с подготовкой кадров для спецназа уделялось оснащению его подразделений снайперами, специалистами-саперами.

Мы столкнулись с огромными трудностями — нехваткой личного состава и технических средств. Непривычным и незнакомым для нас было блокирование немцами транспортных маршрутов на оккупированной территории, создание блокпостов, введение контроля над дорогами и, наконец, полное господство в воздухе, что, как подчеркивали специалисты, имевшие опыт войны в Испании, сильнейшим образом затрудняет развертывание партизанского движения в тылу противника, сковывает подвижность партизанских соединений, подставляет под удар их базы снабжения.

Несмотря на эти трудности, размах диверсий на тыловых коммуникациях врага непрерывно возрастал. В период с начала войны по 16 сентября 1941 года в тылу немецко-фашистских войск было разрушено 447 железнодорожных мостов, в том числе в тылу группы армий «Центр» — 117, группы армий «Юг» — 141 мост. Удары по немецким коммуникациям, нанесенные нашими диверсионными группами и партизанами, сбивали темп немецкого наступления. Противник вынужден был выделить до 300 тысяч солдат для охраны важных объектов в тылу.

Вместе с тем фронт боевых действий осенью 1941 года неумолимо приближался к Москве. Задействование спецназа и оперативных групп НКВД для противостояния врагу непосредственно на фронте, а также в его ближних и дальних тылах стало первейшей задачей в нашей повестке дня.

Предстояло в тяжелых боевых условиях сражения за Москву провести тщательную проверку боеспособности разведывательно-диверсионных подразделений советских органов госбезопасности.

Бакинские нефтепромыслы под прицелом

Бакинские нефтепромыслы (ставшие составной частью Закавказского театра военных действий после вступления наших войск в Иран) всегда были в центре стратегических разработок советского военного командования и объектом деятельности как центрального аппарата нашей разведки, так и периферийных органов госбезопасности.

Известно, что еще перед завершением советско-финской войны англичане и французы разработали план их авиационных бомбардировок. Соответствующие документы четко говорили о цели этой операции — лишить СССР и Германию источников кавказской нефти. О планируемых ударах по нефтепромыслам Баку руководители страны знали из донесений разведок — военной и НКВД. Однако, к сожалению, наша разведка не сумела добыть точных данных о сроках бомбардировок Баку: назывались и февраль, и начало марта 1940 года. Но прошел февраль, наступил март — ударов не было. Слухи о готовящихся налетах и диверсиях вызывали большое напряжение наверху, вследствие чего группировка наших войск в Закавказье была утроена.

Хотел бы остановиться подробнее на работе советской разведки по кавказскому направлению. Большое внимание, которое стало уделяться ему, было связано прежде всего с успешной деятельностью двух наших крупных агентов, находившихся во враждебной нам среде кавказской эмиграции: Омери и 59-го — видного деятеля грузинской эмиграции Гигелия. С ним непосредственно работали наши резиденты в Париже в 1939–1941 и 1944–1946 годах (Василевский и Гузовский).

Особое значение кавказским вопросам стали придавать накануне войны: были усилены наши резидентуры во Франции и Турции. Кавказское направление являлось настолько важным, что материалы о деятельности грузинской эмиграции регулярно докладывались лично Сталину как до начала, так и в течение всей войны.

Работой по кавказской линии занималась в Париже Вардо Максимилашвили, которая до окончания разведшколы в 1940 году (под руководством Е. Зарубиной) некоторое время работала секретарем Берии. В этом же направлении действовал и Г. Гукасов, взявший для командировки в Париж фамилию Кобахадзе (по аналогии с партийным псевдонимом Сталина — Коба), хотя и был армянином. Им помогал Дмитрий Пожидаев,

наш молодой сотрудник. Он, кстати, совершил ряд ошибок в контактах с агентом Нормой (получившей позднее псевдоним Ада) — первой женой знаменитого члена Кембриджской пятерки Д. Маклейна — Кэтрин Гаррисон (Китти Харрис). Пожидаев, видимо, неважно владел английским языком, из-за чего, вероятно, возникло в отношениях с ней недопонимание. Ее вынужден был принять на связь лично резидент Василевский. И когда МИД попросил откомандировать Пожидаева в его полное распоряжение, руководство разведки не стало возражать.

«Разработка» меньшевиков — членов грузинского правительства в эмиграции продолжалась и во время войны. Связи и контакты с агентами были исключительно важны для отслеживания грузинских меньшевиков, участвовавших в антисоветском движении. В Париж после окончания войны для переговоров с меньшевиками выехал доверенное лицо Берии и Сталина Петр Афанасьевич Шария — профессор, академик, который готовил предложения по возвращению грузинских эмигрантов. Это был философ, крупный ученый, позволявший себе даже спорить со Сталиным. Случалось, на даче их «растаскивали» во время дискуссий по вопросам философии; профессору, бывало, под столом давили на ногу, чтобы успокоить и охладить его страсти.

Ранее Шария все время был помощником Берии по пропаганде. Когда же его назначили руководителем секретариата НКВД (при переезде Берии в Москву), дела в секретариате пришли в полный беспорядок. Шарию пришлось передвинуть на научно-методическую работу: он возглавил особое бюро при наркоме, связанное с обработкой документации, анализом предложений по опыту разведывательной и контрразведывательной работы, хотя в этой области, вообще говоря, не очень разбирался. Потом читал лекции, а в годы войны оказался заместителем начальника разведки. В 1951 году Шария был арестован по мегрельскому делу, поскольку вел переговоры с грузинскими меньшевиками (в основном с большой группой мегрелов в Париже). Зная, что один из лидеров меньшевиков, грузин Гегечкори, был родственником Берии, через него хотели выйти на Берию. Нужных показаний у Шарии не выбили.

Грузинские меньшевики в 1939–1940 годах пытались нелегально засылать своих эмиссаров в Грузию для контактов с Берией. Об этом мы были проинформированы агентурой заблаговременно. В связи с чем из Москвы в Грузию направили начальника отделения секретно-политического отдела контрразведки В. Ильина, который в 1939 году не только вел кавказское направление, но и отвечал за «разработку»

меньшевиков. Естественно, что именно ему поручили прием агента, прибывшего на нашу территорию нелегально. Берия затем допрашивал его в Москве, поскольку предполагалось использовать этого человека в дальнейшем в оперативной игре с противником. Вскоре его приговорили к двадцатилетнему заключению, и он полностью отбыл свой срок. В 1953 году его безуспешно пытались использовать в показаниях против Берии как «агента империалистических кругов и меньшевизма».

Наши агентурные позиции среди кавказской эмиграции были исключительно сильными не только во Франции, но и в Турции. Еще в начале тридцатых годов П. Зубов и Л. Василевский успешно работали с уже упомянутым Гигелией. Удалось даже предотвратить планировавшееся грузинскими меньшевиками покушение на Сталина. Омери ценился тем, что был активным членом меньшевистской партии Грузии с 1918 года. В 1922 году за антисоветскую деятельность он был арестован ГПУ и более года содержался под стражей. По инициативе Берии его освободили и направили в эмиграцию. В сентябре 1939 года по поручению загранбюро меньшевиков и лично лидера грузинских меньшевиков Н. Жордании (члена РСДРП в 1907–1912 годах, депутата 1-й Государственной думы) Омери вел переговоры с представителями французского, английского и польского военного командования. Встречался со знаменитым Б. Савинковым, а также руководителем польской разведки полковником Новачеком.

59-й — Гигелия, ведя по нашему поручению политическую разведку против меньшевиков в Грузии, имея манифест Н. Жордании, выезжал на Ближний Восток, встречался в Бейруте с Главнокомандующим французскими силами генералом Вейганом. В Турции общался с представителями военного командования и французским военным атташе в Анкаре. Через 59-го мы узнали подробности плана интервенции англичан и французов против СССР в случае затягивания нашей войны с Финляндией в начале 1940 года и о выжидательной позиции Турции по этому вопросу.

В 1939–1940 годах руководство Турции клялось в дружбе Сталину, вело с ним переговоры о нормализации отношений, а накануне войны тайно действовало против нас вместе с французами и немцами. Именно турки в декабре 1939 года сформировали так называемый Стамбульский совет конфедерации Кавказа. В него от грузинских меньшевиков вошли Омери и Александр Гозани, от азербайджанских мусаватистов — Хасромбек Султанов и Мустафа Викилов, от горцев Северного Кавказа и чеченской диаспоры — Мамед Гирей, Джабагиев и др. Имелся и парижский штаб этого движения, который

координировал деятельность всех националистических элементов против советской власти в Закавказье, составивших позднее костяк созданного немцами мусульманского батальона.

В 1940 году Совет конфедерации Кавказа распался, так как его члены разъехались по разным странам: Чхенкели и Якубов, насколько я помню, остались в Париже, Менгеришвили выехал в Лондон, другие — в Румынию и Турцию.

Несмотря на военный разгром Польши, против нас в 1940 году в Закавказье пыталась действовать и польская разведка. Советник посольства Польши в Турции Залесский передал нашему агенту Султанову, что из Лондона от польского правительства было получено письмо с просьбой, чтобы стамбульский филиал взял на себя функции Совета конфедерации Кавказа как координатора вооруженной борьбы против СССР.

Кавказская эмиграция при жизни Сталина всегда стремилась играть важную политическую роль. Она пыталась использовать своих родственников в Советской Грузии для выхода на лиц из окружения Сталина и Берии. Так, стремились подобрать ключи к В. Кавтарадзе — будущему заместителю наркома иностранных дел в годы войны, послу СССР в Румынии. Он был арестован в тридцатые годы «за участие в заговоре меньшевиков», но затем освобожден Сталиным. Не исключалось его участие в оперативной игре. Все эти люди оказались в центре политических интриг в борьбе за власть в Грузии и в той чистке, которую затеял Сталин против мегрелов в 1951 году. Не случайно же Гигелия был арестован именно в этом году, хотя вернулся из эмиграции в Грузию в 1946 году.

Знаменательно, что на совещании в Кремле, когда рассматривался в январе 1953 года вопрос о реорганизации разведки и создании Главного разведывательного управления МГБ СССР, Сталин вспомнил об Омери, внедренном в среду меньшевиков, и отметил, что правильная работа через эмиграцию позволяет вовремя вскрывать внешнеполитические замыслы противника.

Проблема бакинских нефтепромыслов беспокоила английские правящие круги в течение всей войны. Беспокоила с точки зрения восстановления влияния Англии на Кавказе и в Иране в районах крупных месторождений нефти. Казалось бы, план бомбардировок Баку в 1940 году, связанный с началом немецкого наступления на Западе и оккупацией Франции, должен был стать ненужным в 1941 году в связи с нападением Германии на СССР. Однако английская разведка все же пыталась реализовать положения этого плана, формально названные как

лишение немцев источников советской нефти. Для достижения этой цели она стремилась добиться своего присутствия на Кавказе с самого начала Великой Отечественной войны.

Уже в августе 1941 года в Тбилиси прибыла английская военная миссия связи во главе с полковником Г. Веем. Она состояла из пяти офицеров связи и пяти технических сотрудников. Среди офицеров капитан и командир эскадрильи Лоренс Локхард были русского происхождения из семей выходцев из России. Их родственники участвовали в Первой мировой войне на Кавказе. По Вею у нас была ориентировка, говорящая о том, что он является сотрудником СОУ — Специального оперативного управления Британской разведки, созданного для осуществления активных мероприятий. Но формально полковник Вей числился в штатах английской армии в Индии. О Локхарде мы тоже имели некоторые данные — он проходил по нашим «учетам»: был известным исследователем, занимающимся проблемами в Персии, и еще в Первую мировую войну сотрудничал с английской разведкой, затем служил в разведке штаба английских ВВС.

Миссия приехала в Тбилиси через Мосул в Ираке. У нас это вызвало большую настороженность — мы связали приезд английских разведчиков туда не только с проблемой взаимодействия спецслужб накануне вступления нашей армии в Иран. Нас насторожило, что в миссию включены специалисты по нефти и эксперты по Советскому Союзу — фактически речь шла о подготовке специальной операции по минированию англичанами нефтепромыслов в Баку. Главной задачей англичан было не подпустить немцев к нашей нефти. Интересы же Советского Союза в снабжении страны и армии нефтепродуктами имели для англичан второстепенное значение. Английская разведка настойчиво стремилась создать надежную базу для диверсионных операций в Закавказье. Поэтому с июля-августа 1941 года их разведчики значительно активизировали свои контакты с националистическими элементами. Они стремились попасть в районы Грозного, Майкопа, где была опасная оперативная обстановка в связи с оживлением бандитизма, усиленно изучали Закавказский театр военных действий. Полученные из Англии материалы об этой миссии указывали на ее роль в сотрудничестве с нами при проведении совместной советско-английской операции по занятию Ирана и искоренению там немецкого влияния. Однако то обстоятельство, что англичане с новой энергией приступили к проработке старого плана по выводу из строя наших нефтепромыслов, вроде бы уже сданного в архив и пылящегося на полках с 1940 года, заранее обрекло их усилия на

неудачу. Ведь мы были осведомлены еще за год до начала войны об основных направлениях английских усилий, и это облегчило соответствующие меры противодействия по линии советской разведки и контрразведки.

Мы, занимавшиеся Закавказским направлением, помнили, как резко реагировал Сталин в 1940 году на данные нашей разведки о возможных бомбардировках бакинских промыслов, хотя наша группировка в Закавказье в конце финской войны была усилена. События получили новый разворот. После анализа этой информации в Центре приняли решение значительно усилить аппарат НКГБ Грузии, Армении и Азербайджана, поручив ему «разрабатывать» английскую миссию, принимая необходимые меры на месте. Сложность заключалась в том, что, с одной стороны, этим должен заниматься аппарат НКГБ Грузии, а с другой — военная контрразведка Закавказского округа. Но опыта в подобных мероприятиях у них было мало. Тогда из центрального аппарата контрразведки в Тбилиси командировали начальника отделения по работе против англичан и американцев Нормана Михайловича Бородина. Это был интереснейший человек, который работал нелегалом в США, американец по происхождению, родившийся за границей. У него был псевдоним «Гранит». Он являлся крупным нашим нелегалом-разведчиком (помощником Ахмерова), о котором в очерках внешней разведки написано крайне мало. Бородина по приезде вместе с Ахмеровым в 1939 году из США (в отличие от Ахмерова, который остался в резерве 1-го управления, в связи с предстоящими крупными событиями, а также переоценкой тех материалов, которые у нас имелись по английскому и американскому посольствам) было решено использовать как организатора работы против английской и американской разведок в Москве. Он показал себя как очень результативный работник: ему принадлежит личная заслуга в перевербовке ряда американских, английских журналистов и дипломатов.

По линии 2-го отдела НКВД в мероприятиях англичан и грузинских националистов в Закавказье участвовали С. Волокитин и Г. Рогатнев. Последний провел успешную операцию по внедрению агента «Шаховского» в грузинский профашистский националистический легион, эффективно действовавший в глубоком немецком тылу и в Италии вплоть до 1945 года.

Надо пояснить, что в работе англичан и американцев в СССР накануне войны можно выделить две линии. Одна связана с политической разведкой. В Англии этим занимался Форин-офис, у американцев — Госдепартамент, а также дипломаты и

журналисты. Мы об этом хорошо знали, поскольку нам в конце концов удалось подобрать ключи к шифропереписке американского и английского посольств. Мы были в курсе почти всех действий против нас. Прямой разведывательной деятельностью занимался военный атташат Англии в СССР. Сотрудники его аппарата активно вели визуальную разведку советских военных объектов. Однако и у англичан, и у американцев была одинаковая слабость — любовь к русскому балету, а вернее, к балеринам Большого театра. Поклонниками их таланта стали молодой неженатый сотрудник американского посольства Л. Томпсон, военный атташе Д. Файмонвил, военно-морской атташе Д. Берил и др. Позднее, уже после войны, Л. Томпсон, приехав в СССР послом, будучи женатым человеком, регулярно приглашал к себе в посольство на ланч своих знакомых балерин Большого театра. Надо сказать, что послы США и Англии в Москве до войны (Буллит и Криппс) тоже являлись большими поклонниками русского балета.

Норман Бородин был послан в Тбилиси начальником сводной оперативной группы для того, чтобы должным образом наладить порядок в обслуживании английской миссии, чтобы там не были трафаретно использованы наружное наблюдение, подставы агентуры, и главное для нас тогда — выявить практическую конспиративную деятельность англичан. Бородин решил эту задачу: связи англичан были установлены. Член миссии Локхард, который являлся специалистом по иранской и кавказской нефти и мог реально оценить наши топливные возможности, по нашему представлению был отозван из СССР. Англичане не были заинтересованы в обострении отношений.

В годы войны на Кавказе ни одна диверсионная операция, задуманная при поддержке англичан, а затем немцами, не завершилась успехом. Хотя противник настойчиво искал наши наиболее уязвимые места.

Усилия советской разведки и контрразведки в Закавказье и Иране в значительной мере обеспечили устойчивое снабжение горючим частей Красной армии и стабильную работу бакинских нефтепромыслов.

Немцы также считали Кавказское направление наиболее уязвимым с точки зрения диверсионной работы против нас. Противник опирался на широкую агентуру из местного населения, проживающего на сопредельной территории. Поэтому немцами при составлении планов диверсионной работы всегда учитывалась объективная база проведения такого рода операций. Немцы имели также сильные позиции и в Иране, и в Турции. Кстати сказать, в то время четко прослеживалась связь чеченских

бандформирований с турецкими спецслужбами. Но Турция в силу ряда причин вела себя осторожно — для нее чеченская, кавказская карта была разменной монетой. Она находилась в хороших экономических отношениях с СССР и не хотела их портить. А советско-германский пакт о ненападении означал для турок, что немцы не будут их поддерживать в спорах с Советским Союзом, так как они были заняты войной с Англией и Францией. Перспективы занятия черноморских проливов или англичанами, или французами, или нами в результате каких-либо договоренностей делали позицию Турции особенно уязвимой. И поэтому речь могла идти о диверсионных операциях против Советского Союза не со стороны Турции, а с иранской территории. А турки предпочитали в этот период не ввязываться в обострение отношений с нами, хотя, конечно, подкармливали националистические эмигрантские организации, но сотрудничество с ними осуществлялось всегда на уровне спецслужб.

Немецкое командование в июле-августе 1941 года по линии абвера приступило к практической подготовке нападения на бакинские нефтепромыслы. Противник, однако, преследовал еще одну цель — спровоцировать волнения среди мусульманского населения на Кавказе. В этом деле немцы не могли не опираться на мусульманские националистические элементы, на сотрудничавших с ними деятелей грузинской и армянской эмиграции.

Озабоченное серьезной угрозой нарушения стабильной работы бакинских нефтепромыслов, а также стремясь улучшить наше стратегическое положение в Закавказье в связи с прорывом немцами нашего Южного фронта, советское руководство, как известно, договорилось с Англией о занятии Ирана войсками Красной армии и британскими силами.

Советская разведка сыграла существенную роль в осуществлении этой операции. По линии нашей резидентуры из Турции были получены достоверные данные о нейтралитете турецких сил и о невмешательстве Турции в англо-советские действия. Турецкое и иранское направления деятельности нашей разведки были укреплены опытными руководящими кадрами. На работу в Турцию и Иран направили таких людей, как Н. Эйтингон, начальника немецкого отдела разведки П. Журавлева, известных работников Л. Василевского, И. Агаянца и др. О них уже написано и сказано. Но следует упомянуть и других. В Иран были направлены и молодые сотрудники разведки, пришедшие к нам в 1939 году из Ленинградского университета, — С. Тихвинский (будущий академик, видный

историк) и М. Ушомирский. Ушомирский сыграл важную роль в совместных операциях советских и английских спецслужб в Иране и, в частности, в быстром и бескровном захвате контролировавшейся немецкой разведкой радиостанции иранской армии в Мешхеде. Наконец, поздней осенью 1941 года мы начали важную операцию в Иране по установлению контактов с курдскими племенами. Этому вопросу придавалось исключительно важное значение. Курдов стремились использовать против нас как диверсантов и англичане, и немцы. Мы остро нуждались в специалистах по арабским делам. В связи с этим в аппарат службы в мое прямое подчинение был направлен призванный из запаса опытный сотрудник Н. Белкин. Он имел большой опыт агентурной работы на Ближнем Востоке, в Германии и Испании. В 1937–1938 годах он был помощником нашего резидента в Испании, скрывшегося впоследствии на Западе Орлова-Никольского. В 1938 году из-за подозрений в связях с Никольским его уволили из разведки, но как ценного опытного работника с возможным вариантом использования по линии негласного штата направили начальником бюро информации во Всесоюзный радиокомитет. Война востребовала его, и по личному приказанию Берии он в ноябре 1941 года был послан в Закавказье и Иран для тщательного изучения курдского вопроса и проведения мероприятий по этой линии.

Своевременные оперативные заготовки и наработки нашей разведки и контрразведки в Закавказье, Иране и Турции осенью и в декабре 1941 года позволили нам не только нейтрализовать усилия английской агентуры по созданию диверсионного аппарата против Советского Союза, но и успешно отразить акции немецко-фашистских спецслужб в критическом 1942 году, когда вермахту удалось прорваться на Кавказ. Тогда бакинские нефтепромыслы оказались под прицелом врага и стали объектами реальных бомбардировок авиации немцев.

Начало разведывательных операций по атомной проблеме

Сегодня много пересудов о роли разведки и органов безопасности в создании советской атомной бомбы. Один из создателей нашей научно-технической разведки Л. Квасников в одном из своих интервью прямо отметил, что «инициативные материалы» НКВД в 1942 году обусловили начало широких работ отечественных ученых по созданию ядерного оружия. Как же обстояло дело в действительности?

В Советском Союзе в целом на том же уровне, а иногда и с опережением работ зарубежных физиков в 1930–1940-е годы был успешно выполнен ряд важных исследований по урановой проблеме. Известно, что в Академии наук действовала специальная комиссия по этому вопросу. Хотя в начале 1941 года эта комиссия возлагала мало надежд на получение изолированного изотопа урана-235 или обогащенной им смеси в значительных количествах. Надо также отметить, что в Москве еще в конце 1940 года была проведена научная конференция, в которой приняли участие видные физики страны, отметившие важное военное значение решения урановой проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что миф о собственной инициативе разведки НКВД в получении из США, Англии, Германии упреждающей информации о развитии военно-технических исследований по проблеме урана-235, хотя имеет устойчивое хождение, не подтверждается документами. Дело в том, что по времени записка урановой комиссии в Президиум АН СССР о значении атомной проблемы и оперативное письмо руководства советской разведки резиденту НКВД в Нью-Йорке Г. Овакимяну об изучении проблемы урана в связи с публикациями в американской и китайской прессе совпадают. Оба документа, как мне помнится, появились в самом начале 1941 года.

Такое совпадение не случайно. Ибо ориентировки о необходимости разведки тех или иных технических секретов за рубежом по линии органов безопасности и Разведупра Красной армии в сороковые годы всегда оформлялись после того, как руководство или Академии наук, или ряда промышленных ведомств сообщало руководителям НКВД, дипломатической, внешнеторговой службы, наркомата обороны о заинтересованности в получении дополнительной закрытой информации по какой-либо научно-технической проблеме по специальным каналам советской разведки.

Некоторые наши историки разведки, в частности О. Царев и В. Чиков, пишут, что в архивах разведки и НКВД отсутствуют первичные материалы о начальном этапе работы разведки по атомной бомбе. Возможно, они и правы, так как часть материалов была передана в 1946 году в распоряжение Специального комитета правительства по атомной проблеме, но важные первичные материалы под этим предлогом, к сожалению, порой искажаются. Между тем начальник советской разведки П. Фитин направил в январе 1941 года подготовленное Л. Квасниковым специальное письмо Г. Овакимяну не о том, что прекратились публикации по проблеме урана в научных изданиях, а наоборот, что в открытой печати летом 1940 года помещены важные сведения об исследованиях по проблеме урана, проводимых на физическом отделении Колумбийского университета в Нью-Йорке. В письме указывалось об интересе советских физиков к решению этой «очевидно реальной проблемы получения нового вещества, обладающего громадной энергией».

Г. Овакимян (Геннадий) подключил к изучению этого вопроса талантливого молодого сотрудника резидентуры С. Семенова (Твена). Ему удалось получить важные сведения из Колумбийского университета. Весной 1941 года «Геннадий» сообщил в Центр о том, что работам по урану уделяется существенное внимание и что научная общественность США со ссылкой на информацию от немецких ученых-физиков, спасшихся в Америке, Англии и Швеции от фашизма, опасается, что Гитлер прилагает серьезные усилия по созданию «урановой бомбы».

Однако работы по атомному оружию тогда только начинались. Причем начинались даже не как экспериментальные исследования, а как научное обобщение теоретических взглядов на эту проблему. Еще оставалось полтора года до знаменитого эксперимента Э. Ферми, создавшего и запустившего в действие первый в мире атомный реактор.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз руководители Академии наук неоднократно обращали внимание советского руководства на возможное создание противником оружия массового поражения нового поколения, основанного на принципах использования внутриатомной энергии. Наибольшую активность проявили тогда академики П. Капица и А. Иоффе. Именно Капица на антифашистском митинге ученых осенью 1941 года первым гениально предсказал, что в развернувшейся мировой войне атомная бомба даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью может уничтожить столичный город с несколькими миллионами населения.

Поэтому именно до сведения П. Капицы и А. Иоффе в начале

1942 года в строго конфиденциальном порядке руководство НКВД довело в самом общем виде поступившие из Англии материалы о работах об использовании атомной энергии за рубежом.

Нельзя не отметить, что руководство разведки НКВД осенью 1941 года не было в курсе того, что по линии военной разведки от немецкого физика, эмигрировавшего в Англию, К. Фукса через спецагента С. Кучинскую были также получены важные материалы о начале там работ по созданию атомной бомбы. Об этих материалах руководство военной разведки в специальном порядке проинформировано Академию наук СССР лишь весной 1942 года.

Стремясь преувеличить свою роль в инициировании научных исследований по атомному оружию внутри страны и в проведении разведывательной работы по атомной проблеме, ряд ветеранов и историков разведки в угоду конъюнктуре распространяют миф, что разведывательная работа по атомной проблеме развернулась силами рядовых молодых сотрудников и начальника отделения Л. Квасникова вопреки противодействию тогдашнего наркома внутренних дел, руководившего всей разведывательной работой в стране, Л. Берии.

А. Яцков писал, будто бы Берия сказал Л. Квасникову, что «немцы под Москвой, и не подсовывайте мне дезинформацию». Сомневаюсь в реальности этого разговора, потому что в октябре 1941 года, когда поступили материалы из Лондона, Берия находился в Москве, а аппарат внешней разведки в основном и отделение научно-технической разведки в частности были эвакуированы в Куйбышев. Очень сомнительно, что Квасников, который в это время находился в Куйбышеве, мог прийти с докладом к Берии.

Кроме того, несмотря на исключительно тяжелую военную обстановку, поступившее 4 октября 1941 года сообщение резидента НКВД в Англии об использовании атомной энергии в военных целях было исключительно оперативно рассмотрено и оценено работниками 4-го спецотдела оперативной техники НКВД. Его начальник В. Кравченко докладывал Берии 10 октября 1941 года, то есть спустя менее недели, о том, что:

«1. Материалы представляют безусловный интерес как свидетельство большой работы, проводимой в Англии в области использования атомной энергии урана для военных целей.

2. Наличие только имеющихся материалов не позволяет сделать заключение о том, насколько практически реальны и осуществимы различные способы использования атомной энергии, о которых сообщается в материалах».

Знаменательно, что именно отдел оперативной техники

НКВД, признавая исключительное значение решения «урановой проблемы», 10 октября 1941 года сформулировал первые предложения о необходимости информирования руководства страны о перспективах использования атомной энергии для военных целей. Именно тогда наряду с предложением поручить заграничной агентуре внешней разведки НКВД собрать конкретные проверенные материалы о постройке опытного завода по производству урановых бомб впервые вносилось предложение «создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых, работающих в области расщепления атомного ядра, с целью выработки предложений о проведении в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей». Предлагалось также ознакомить с этими материалами академиков Капицу и Скобельцына.

Капица, ознакомленный с этими данными, предложил связаться с рядом видных английских ученых, начавших заниматься этой проблемой. Один из этих специалистов, ученый, работавший с Нильсом Бором в Копенгагене в тридцатые годы, потом сотрудник английской научно-технической разведки В. Манн в беседах с нашим работником в Лондоне осенью 1941 года подтвердил начало работ по «урановой проблеме» в Англии.

От В. Манна (Малона), ставшего после войны представителем английской научно-технической разведки в США, были получены впоследствии ценные данные о планах атомной войны против СССР в начале 1950 года.

Интересно, что Манн находился в неприязненных отношениях с главным представителем английской разведки в Вашингтоне К. Филби.

Другим источником первичной информации о начале работ по атомной бомбе в Англии был выходец из Риги, сотрудничавший с концерном «Империал кемикел индастриз» Р. Берман.

Только узкий круг специалистов отдает должное первоначальной большой инициирующей роли Капицы в налаживании первых контактов с зарубежными учеными, начавшими работать по «урановой проблеме». Ведь англичане, не уверенные в своих возможностях, стремились через дипломатические и агентурные каналы в конце 1941-го и начале 1942 года связаться с Капицей для возможного подключения наших авторитетнейших ученых к совместной работе над атомной бомбой, поскольку ошибочно считалось, что немцы опережают антигитлеровскую коалицию в работах по созданию этого нового вида оружия.

На основе подтверждения заинтересованности англичан в

работах по атомному оружию по данным военной разведки и НКВД мы дополнительно ориентировали в начале 1942 года наши резидентуры в США и Англии по проблеме урана-235 и задачах научно-технической разведки в этой области.

Справедливым будет отметить, что в то время главной задачей научно-технической разведки считалось добывание документальных данных о работах в сферах радиолокации, военной химии, бактериологического оружия, самолетостроения. Кстати, в США и Англии, хотя работы по «урановой проблеме» были засекречены, тоже полагали, что создание атомной бомбы — дело не ближайшего будущего.

Поэтому пока к чисто теоретическим работам в данной области там были допущены ученые иностранного происхождения и политические эмигранты — беженцы из Германии.

Контрразведка США и Англии в 1941–1942 годах не препятствовала использованию этих людей «в чисто теоретических исследованиях», зная об их связях с Коминтерном. Вместе с тем блокировался допуск таких людей к работам, имевшим практическое немедленное значение для совершенствования военной техники. Контрразведывательный режим в США и Англии был гораздо более жестким на авиационных, артиллерийских предприятиях и в лабораториях по производству радиолокационных приборов. Это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в том, что уже на начальной стадии исследований по атомной бомбе в научных центрах США и Англии оказались люди, симпатизирующие нам, близкие к руководству компартий этих стран.

Например, Роберт Оппенгеймер с 1938 года поддерживал тесные отношения с нелегальным резидентом Коминтерна в Калифорнии — И. Волковым (Дядей). Он также регулярно платил, вплоть до начала 1942 года, членские взносы в компартию США, состоя в ее негласном штате.

В Калифорнии с середины тридцатых годов по инерции продолжала действовать объединенная резидентура военной разведки и НКВД, опиравшаяся первоначально на кадры Коминтерна. С ними поддерживали активную связь нелегальный резидент военной разведки в США Томас Адамс (Ахилл) и Григорий Хейфец (Харон) по линии НКВД. Оппенгеймер был близок к ним через своих друзей, в частности крупного ученого-химика Мартина Кеймана, и проходил в переписке под псевдонимом «Честер», поскольку проживал тогда в пригороде Сан-Франциско на улице под названием Честер-роуд.

В декабре 1941 года Хейфец, как временно уполномоченный

исполкома Коминтерна, сообщил о начале работ по атомной бомбе, а также что профессор Оппенгеймер и другие активисты негласного аппарата компартии не могут продолжать активную партийную работу в связи с привлечением к научным исследованиям специального характера и что они в 1942 году будут связаны обязательствами по неразглашению результатов этих работ. Поэтому в Центре было принято решение выделить для связи с Оппенгеймером спецагента-нелегала Кэтрин Харрисон (Гаррисон) — Аду в переписке, хорошо себя зарекомендовавшую в Западной Европе в работе с супругами Зарубиными. Именно они возглавили аппарат советской разведки в США в декабре 1941 года. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что «Ада» была хорошо известна членам нелегального аппарата и руководству компартии США.

Помимо подтверждающих данных из Колумбийского университета о начале работ по атомной бомбе и об успехах германских физиков мы располагали также серьезными материалами о внимании к этому вопросу американского правительства. Об этом сообщил через нелегальные каналы спецкружка компартии США Н. Сильвермастера другой видный американский физик Э. Кондон, ставший затем начальником бюро стандартов США. С ним неоднократно встречался наш групповод Звук — Я. Голос. Надо сказать, что этот человек вообще был осведомлен о масштабе всех работ по атомной бомбе. Он занимал довольно видное положение в американском обществе.

С ним произошла интереснейшая история. Американская контрразведка, видимо, активно разрабатывала его. Э. Кондон, Э. Ферми и другие видные американские ученые получили приглашения на 225-летний юбилей Академии наук СССР летом 1945 года (до взрыва атомных бомб над Японией). Мы активно готовились к их приему по своей линии. Был составлен совместный план мероприятий разведки и контрразведки. От внешней разведки за него отвечал С. Семенов, от контрразведывательного управления — Норман Бородин.

Но вот что интересно, Ферми в СССР не пустили, Кондона же в последний момент американские спецслужбы сняли с самолета, уже выруливающего на взлетную полосу. Несмотря на его протесты, власти отменили его вылет в Советский Союз в составе официальной делегации. Я думаю, что поскольку (это был июль 1945 года) уже начинались разоблачения нашей агентуры, американская контрразведка шла по их следам. Конечно, кроме всего, они не могли пройти мимо той ситуации, что один из руководящих работников правительственного аппарата, да еще в

силу обстоятельств работающий в атомном центре Лос-Аламосе, в ядерной лаборатории Беркли в Калифорнии, где разрабатывалось атомное оружие, начальник бюро стандартов США, посещавший кружок компартии, хранитель важных секретов, мог вылететь в Советский Союз.

Эпизод с Кондоном имел интересное продолжение. В декабре 1945 года в Москву на совещание министров иностранных дел прибыла представительная американская делегация, в состав которой входил один из руководителей американского атомного проекта Д. Конант.

Американская сторона обратилась к нам с просьбой организовать встречу и переговоры с академиком П. Капицей, которого английские и американские спецслужбы считали научным руководителем советских работ по атомному оружию и консультантом советской разведки.

Госсекретарь О. Бирнс, посол А. Гарриман и Д. Конант предложили советской стороне — Сталину и Молотову — сотрудничество в области атомной энергии, ознакомление нас с секретами атомной бомбы в обмен на отказ СССР от ее производства. Эти условия американцы выдвигали в том случае, если они будут вести научно-технические переговоры при участии П. Капицы и академика А. Иоффе.

Я не участвовал в переговорах, хотя «числился» помощником Молотова.

Контактов Капицы и Иоффе с американцами не было допущено, но 22 декабря, на обеде в честь американской делегации в Кремле, произошел знаковый разговор, известный мне как одному из очевидцев, участвовавших в оформлении его записи, в подробностях. Молотов, комментируя замечания Бирнса и Конанта о возможном графике передачи СССР данных об американской атомной бомбе, пошутил: «Уж не хотите ли вы извлечь нам для ознакомления привезенные в Москву чертежи атомной бомбы из жилетного кармана?».

Сталин резко оборвал Молотова. Я даже поразился его грубости по отношению к своему соратнику в присутствии американцев. Навсегда запомнил его слова: «Атомная энергия и бомба — достояние всего человечества, это не предмет для шуток. Я поднимаю тост за великих американских физиков, совершивших это выдающееся открытие».

Хочу ответить тем, кто продолжает утверждать, якобы с моих слов, что Оппенгеймер и другие ученые были завербованными «агентами советской разведки». Ничего подобного! Они были нашими «источниками», связанными с проверенной агентурой, доверенными лицами и оперативными работниками.

Прием Сталиным и Молотовым американской делегации окончательно убедил нас, что после наших контактов в ноябре 1945 года с Н. Бором американцы хотят использовать авторитет А. Эйнштейна, Р. Оппенгеймера для установления контактов с нашими физиками, чтобы определить наш уровень работ по атомной бомбе. Поэтому я вместе с руководителем Спецуправления правительства СССР по атомной бомбе Б. Ванниковым подписал тогда же заключение о нецелесообразности участия советских специалистов в совместной книге с американцами по проблеме урана.

Именно в грозном 1941 году наши талантливые оперативные работники Г. Овакимян, А. Горский, С. Семенов, Г. Хейфец заложили основы работы с прогрессивными кругами научной интеллигенции на Западе — сделать это было весьма непросто. Надо было обладать высокой культурой поведения, большим оперативным опытом, свободно владеть несколькими иностранными языками, беречь свои связи, не подставлять друзей, доверявших тебе важную информацию, под удар. Эти люди, как магнит, притягивали к себе выдающихся представителей научной мысли стран Запада. Например, один из близких Оппенгеймеру ученых Кейман был крупным специалистом в области химии, соавтором открытия углерода-14, разработал пионерный метод получения облегченного железа в циклотроне.

Кейман не как агент, а как член Американо-советского научного общества, Объединенного комитета помощи беженцам-антифашистам, Американской лиги борьбы с фашизмом, Общества помощи России в войне проинформировал Хейфеца об участии Нильса Бора в атомном проекте и запуске в эксплуатацию первых ядерных реакторов. Американская контрразведка, следя за коммунистами, зафиксировала его встречи с Хейфецем. Однако здесь прежде всего следует сказать о том, что именно Григорий Хейфец — один из ближайших друзей знаменитого писателя Лиона Фейхтвангера — был человеком такого масштаба и эрудиции, который мог свободно разговаривать с крупными учеными. До работы по линии научно-технической разведки он в 1929–1930 годах работал в качестве ответственного редактора журнала «Изобретатель». Интересно, что в самом начале своей трудовой деятельности, после участия в гражданской войне, Г. Хейфец в 1921–1922 годах был секретарем жены Ленина Н. Крупской.

Сегодня, к сожалению, ряд историков внешней разведки пренебрежительно относятся к памяти этого человека. Оперируют подтасованными, сфальсифицированными материалами о якобы

его нерезультативной работе за границей. Это утверждение протащено в закрытый учебник по истории внешней разведки, с которым меня познакомили в 1991 году и который перебежчик из СВР О. Васильев переправил в США в 1994 году. Мои возражения по оценке работы Хейфеца игнорируются до сих пор. Против Хейфеца настроены, по-моему, в силу антисемитских настроений и по причине того, что он стал жертвой политических репрессий и чисток. К нему всегда были недружелюбно настроены люди в аппарате, которые уступали ему и по знанию языка, общей эрудиции, сами не занимавшиеся непосредственной работой по вербовке агентуры и установлению доверительных связей.

Я не случайно привел пример Кеймана. Хейфец сохранил этого человека: американская контрразведка не смогла засудить его. Кейман продолжал работать в науке, правда, ему препятствовали в выездах за границу, но присудили в 1994 году престижнейшую в США научную премию имени Энрико Ферми.

Документы КГБ, представленные в ЦК КПСС по делу реабилитации на уволенного из внешней разведки в 1938 году, восстановленного в НКВД в 1941 году и осужденного в 1952 году по делу Еврейского антифашистского комитета и по делу о «сионистском заговоре в МГБ» Г. Хейфеца, говорят о больших заслугах этого человека и вопиющей несправедливости к нему. За успешную и результативную работу за границей в 1944–1945 годах Г. Хейфец был награжден по представлению внешней разведки боевым орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Боевые ордена работникам разведки в США, Англии в годы войны давали редко.

1 декабря 1944 года начальник внешней разведки П. Фитин утвердил следующую аттестацию Г. Хейфеца: «Имеет большой опыт разведывательной работы, особенно в нелегальных условиях. Имеет достаточно высокий общекультурный уровень. Успешно работал в кругах научно-технической и творческой интеллигенции за рубежом. Работает над повышением своей чекистской квалификации. В быту скромен, знает английский и немецкий языки, слабее владеет французским и итальянским».

В 1945 году подполковник госбезопасности Г. Хейфец стал заместителем начальника отделения внешней разведки. С мая 1946 года назначен начальником американского отделения отдела «С» МГБ СССР по работе с материалами по атомной бомбе.

6 марта 1947 года при переаттестации и чистке центрального аппарата органов госбезопасности управление кадров МГБ дало по Г. Хейфецу следующее заключение в партийные органы: «Учитывая, что Хейфец Г. М. по работе в органах характеризуется положительно и имеет большой опыт закордонной работы,

полагали бы подполковника Хейфеца Г. М. на работе в МГБ оставить». Однако 15 апреля 1947 года, когда начал формироваться новый орган внешней разведки — Комитет информации, — министр госбезопасности В. Абакумов наложил на этом документе исчерпывающую и краткую резолюцию: «Уволить».

Вместе с другими ветеранами разведки Г. Хейфец был уволен из кадров госбезопасности с передачей на общевоинский учет. В том же году — 17 июля — он был утвержден ЦК ВКП(б) заместителем ответственного секретаря и членом президиума Еврейского антифашистского комитета.

Несмотря на реабилитацию в 1954 году, Хейфец не получал пенсии КГБ по выслуге лет. Лишь по представлению ЦК КПСС ему была назначена персональная пенсия как члену партии с 1919 года и ветерану разведки Коминтерна в Германии, Латвии, Турции, Китае с 1922 года. Хейфец перешел на работу в закордонную разведку ОГПУ с 1931 года.

Таким образом, следует признать, что решающий вклад в приобретение необходимых агентурных и доверительных связей для развертывания разведывательной работы по атомной бомбе внесли кадровые разведчики и спецагенты НКВД и военной разведки старшего поколения. Именно от них приняли на связь ценнейших «источников» по «урановой проблеме» в США и Англии те, кто возглавил научно-техническую разведку КГБ в 1950–1960-е годы.

Конечно, не все было гладким на этом трудном этапе работы. Дело в том, что разведка НКВД, военная разведка и Коминтерн несогласованно взаимодействовали с нелегальным аппаратом американской компартии. И эта несогласованность привела к тому, что, скажем, нам в НКВД и в Разведупр Красной армии информация поступала иногда одновременно и параллельно. Причем зачастую из одного и того же источника.

Достаточно сказать, что Луиза Бранстон — сотрудница резидентуры Григория Хейфеца, с которой он поддерживал личные отношения, — передавала ему информацию, а затем в 1944 году по собственной инициативе переключилась через старые каналы уже распущенного к тому времени Коминтерна на контакты с военной разведкой — Адамсом (Ахиллом). В частности, она передала ему информацию о ядерных исследованиях из лабораторий в Беркли (Калифорния). Это, конечно, создавало непростые проблемы.

Позднее в отношениях с Коминтерном возникла необходимость приведения в порядок всего агентурного аппарата. Следует признать, что в этом деле были допущены серьезные

ошибки. Руководство НКВД поставило вопрос перед ЦК партии, перед Сталиным и Димитровым, чтобы активисты американской компартии отошли от активной деятельности и непосредственных связей с учеными, работавшими по атомному проекту. Пришлось даже прекратить использовать в качестве источника информации племянника генерального секретаря Компартии США Браудера, которого Оппенгеймер взял по просьбе компартии на работу в Лос-Аламос. С этим были связаны большие неприятности. И нарком госбезопасности В. Меркулов, насколько я помню, писал по этому поводу объяснительную записку в ЦК ВКП(б).

Битва за Москву

Спецназ занимает оборону

О возможном скором наступлении немцев на Москву разведка предупреждала уже в двадцатых числах сентября 1941 года (сразу же после захвата немцами Киева). Оставалось десять дней до начала немецкого «решительного броска». Вопросы обороны столицы были под особым контролем руководства советских органов госбезопасности. При этом в самом начале войны мы переоценивали угрозу выброски противником десантных подразделений для проведения диверсий и дезорганизации положения в городе.

Надо сказать, что уже 24 июня 1941 года по линии НКГБ СССР рассматривались вопросы борьбы с возможными парашютными десантами противника. В частности, речь шла об использовании для этого оперативных войск НКВД.

2 августа 1941 года по линии НКВД был отдан приказ внутренним войскам о создании секторов обороны под Москвой. В нем указывалось, что для борьбы с авиадесантами противника в Москве и Московской области необходимо создать два боевых участка — Западный и Восточный. Граница первого — Ленинградское шоссе, по Хорошево-Мневники, река Москва до Звенигорода, Осташево, Новоалександровка. (Основные направления прикрывались войсками НКВД на Солнечногорск и Новопетровское.) Граница второго участка — левый сектор Черемушек, шоссе на Калугу, станция Серпухов и опорный пункт, создаваемый в 23 километрах южнее Малоярославца.

6 августа 1941 года последовал очередной приказ НКВД войскам Западного и Восточного боевых участков о мерах по дальнейшему обеспечению обороны на дальних подступах к Москве. Передовые отряды высылались на Лопасню, Кадынку, Кубинку. Войсками НКВД и опергруппами местных органов велось активное изучение местности будущих боевых действий.

7 августа исполняющий обязанности начальника оперативных войск НКВД СССР генерал-майор, а позднее генерал-полковник А. Аполлонов подписал специальный приказ об использовании частей внутренних войск для борьбы с десантами противника.

Приказом командующего Московским военным округом Москва и районы области (еще до начала немецкого наступления) в радиусе 150 километров вокруг столицы разбивались на

сектора. Начальники секторов для ликвидации десантов должны были использовать специально выделенные для этого воинские части Красной армии и внутренние войска НКВД. Необходимо было обеспечить их правильное взаимодействие: командирам частей НКВД, находящихся в 150-километровой зоне, в соответствии с указанным приказом дать распоряжение об установлении связи с начальниками секторов, руководящим составом местных органов безопасности.

Эти меры себя полностью оправдали, сыграв важную роль в критические дни октября 1941 года.

Сложившаяся под Москвой в октябре-ноябре 1941 года обстановка достаточно хорошо описана в многочисленной мемуарной литературе. Мне хотелось бы добавить несколько слов о принятом Верховным командованием принципиальном решении: по приказу Ставки спецназ НКВД СССР — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) — был передан в состав действующей армии. Это важнейшее решение предопределило правильное использование сил и средств спецназа в критические моменты битвы под Москвой.

В октябре 1941 года в составе ОМСБОН было более пяти тысяч человек. Бригада состояла из двух мотострелковых полков четырехбатальонного и трехбатальонного состава, саперно-подрывной роты, групп спецназначения, парашютно-десантной службы, школы младшего начсостава и специалистов.

По инициативе майора Г. Шперова саперно-подрывная рота была срочно развернута в сводный отряд инженерных войск специального назначения в количестве 770 человек, которому были приданы боевые ротные группы из первого и второго мотострелковых полков бригады.

Этот отряд влился в группу инженерных войск фронта (которыми командовал генерал-майор А. Галицкий) и активно использовался для противодействия прорыву немецких танковых подразделений к Москве. Он действовал на главных считавшихся командованием Западного фронта и Генштабом танкоопасными направлениях.

Подразделения ОМСБОН минировали шоссейные грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва — Волга, вдоль реки Сетунь и близ Переделкина, западнее Чертаново, на Киевском, Пятницком, Рогачевском и Дмитровском шоссе.

В ноябре 1941 года мы дополнительно выделили в распоряжение Ставки еще 300 подрывников. С 23 октября по 2 декабря 1941 года отряды бригады установили более 11 тысяч противотанковых, семи тысяч противопехотных мин, более 160

мощных фугасов, подготовили к взрывам 15 мостов и два трубопровода. Отряд ОМСБОН уничтожил 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанес противнику большие потери в живой силе.

Спецназ действовал самоотверженно. Когда противник прорвался к Яхроме и начал переправлять танки на восточный берег, а разведывательно-диверсионные подразделения абвера (переодетые в красноармейскую форму, хорошо знавшие русский язык) захватили мосты, ситуацию удалось исправить только с помощью бойцов спецназа, которых бросили в бой у Дмитрова при поддержке бронепоезда № 73 войск НКВД. Спецназ отбил мосты у противника, подорвал их и тем самым заблокировал движение немецкой танковой колонны.

В это тяжелое время (помимо данных воздушной разведки) по линии НКВД в Ставку поступала самая проверенная информация о реальном положении дел на фронте под Москвой. Сейчас, читая приказы того времени, можно оценить значение совершенного подвига воинами-чекистами дивизии особого назначения имени Дзержинского и ОМСБОН в битве под Москвой.

Вот, к примеру, строки из боевого приказа от 15 октября 1941 года. «Противник на подступах к Москве занял города Калинин, Можайск, Малоярославец, впереди действуют части РККА. Задача оперативных войск НКВД — не допустить прорыва противника в Москву».

Москва была разбита на секторы обороны. Какие участки предписывалось защищать войскам НКВД?

Это северное и северо-западное направления. Граница справа — Ярославское шоссе, слева — Можайское шоссе. Части войск НКВД прикрывали Ленинградское шоссе, военно-учебные части — район Ржевского вокзала. Прикрытие направления Мытищ обеспечивалось противотанковой обороной северо-западнее станции Лосиноостровская. Разведку предполагалось вести в районах Мытищи — Пушкино.

Части дивизии имени Дзержинского заняли позицию у стадиона «Динамо»: перед ними стояла задача прикрыть направление Ленинградского шоссе. На платформе Первомайская была выставлена противотанковая оборона, второй ее рубеж проходил в районе Спасской школы. Необходимо было находиться в постоянной готовности выступить на окраины города. Разведку планировалось проводить в направлении Ржевки.

Другие части дивизии имени Дзержинского сосредоточилась в районе Ваганьковского кладбища. Они прикрывали направление Тушино — Серебряный бор. Противотанковая оборона

оборудовалась на рубеже Рублево.

В самом центре Москвы — в районе площадей Маяковского и Пушкина к 8 часам утра 16 октября 1941 года был расположен резерв войск НКВД — Отдельная бригада особого назначения.

А вот другой приказ, звучавший тогда еще более грозно. Он был отдан 16 октября 1941 года в 16:55. Подразделениям дивизии имени Дзержинского и ОМСБОН предписывалось не допустить прорыва мотомехчастей противника в Москву. Дивизия и бригада преграждали им путь к городу в направлении площади Восстания — Кунцево.

Было приказано организовать беспрерывное наблюдение, выдвинуть артиллерийские батареи в район Смоленской площади и развернуть их на Можайском шоссе, Бережковской набережной, Новодевичьем кладбище, улице Усачева.

Резерв дислоцировался в Кисельном переулке, в доме 11 (в помещении Высшей школы НКВД). Бригада спецназа, оставаясь в резерве командира второй мотострелковой дивизии войск НКВД, должна была подготовить к обороне район площади Свердлова, Красной площади, площадей Маяковского и Пушкина. Стояла цель — не пропустить противника через Садовое кольцо и одновременно быть готовым к действиям в направлении — Ржевский вокзал, Ленинградское шоссе, Волоколамское шоссе. Спецназ также должен был поддерживать общественный порядок на прилегающих улицах.

Именно в эти дни отряды ОМСБОН по приказу Ставки Верховного Главнокомандования ставили минно-взрывные заграждения на северных подступах к Москве, на рубежах, где оборонялись 10-я, 16-я и 30-я армии. В ноябре-декабре 1941 года сводный отряд ОМСБОН численностью 230 человек в боевых условиях проводил минно-подрывные работы от Солнечногорска до Химок.

В критический момент в битве за Москву я оценил правильность принятого руководством НКВД решения воздержаться в сентябре 1941 года от массовой засылки разведывательно-диверсионных групп нашего спецназа в тыл противника на западном направлении.

В сентябре я несколько раз пытался получить санкцию руководства НКВД на то, чтобы рейды наших спецгрупп в тыл противника носили постоянный характер. Однако массовые рейды спецназа были запрещены. Кроме групп Медведева и Флегонтова, я от руководства никаких санкций на регулярный «выброс» других оперативных групп не получил. Колебания относительно их использования, видимо, были связаны с тем, что Берия и Меркулов чувствовали приближение грозовой обстановки

и потому весь спецназ предпочитали иметь в своем распоряжении на случай чрезвычайного обострения ситуации на Западном фронте.

Берия и Меркулов, очевидно, располагали информацией также и по линии военной разведки о готовящемся немцами наступлении на Москву. Необходимо в этой связи подробнее остановиться на вопросах работы нашей и немецкой разведок.

Немцы не располагали достоверной информацией о силах, средствах и, главное, резервах Красной армии. В директиве Главного командования вермахта № 35 от 6 сентября 1941 года ставилась цель решающей операции против «группы армий Тимошенко». Но Тимошенко, как известно, не командовал Западным фронтом в это время. Из этого нетрудно сделать вывод, что противник не знал советского командования, которое ему противостояло.

Мы были лучше проинформированы о замыслах противника. Генштабу и НКВД удалось систематизировать получаемую информации об обстановке в прифронтовой полосе и о подготовке немецких войск к наступлению. Эти сведения нашей агентуры в сочетании с разведданными воздушной разведки были своевременно доложены в Ставку. 27 сентября 1941 года Ставка приказала войскам перейти к жесткой и упорной обороне и предупредила о готовящемся немцами наступлении.

К концу сентября нами были вскрыты намерения противника. Несмотря на то что директивой Ставки было приказано командующему Западным фронтом генерал-полковнику И. Коневу обратить особое внимание на прикрытие направления на Вязьму, командующему Резервным фронтом С. Буденному прикрыть рославльское направление, командующему Брянским фронтом А. Еременко указано на опасность наступления противника на брянско-орловском направлении, должных мер по координации действий фронтов принято не было. Ожидаемый удар противника не был отражен.

Известно, что немцы сосредоточили против нас мощную ударную группировку, которая насчитывала около миллиона человек — 77 дивизий, до двух тысяч танков. Из-под Ленинграда Гитлер перебросил фактически дополнительную танковую армию. Но это превосходство противника не было подавляющим. Мы тоже имели немалые силы — 800 тысяч человек, свыше 6800 орудий и минометов, 780 танков, до 550 самолетов. С моей точки зрения, их было достаточно, чтобы активно обороняться, не допустить катастрофического прорыва фронта. Однако мы не смогли отразить наступление противника, не имея согласованного плана действий фронтов по противодействию

немецкому наступлению. Вместе с тем бойцы Западного и Брянского фронтов совершили подвиг. В окружении, своей упорной обороной они сковали 28 немецких дивизий, рвавшихся на Москву. Противник вынужден был до трети своих сил, в том числе основные соединения пехоты, бросить на борьбу с окруженными частями Красной армии.

Это не вписывалось ни в какие планы немецкого командования, не предполагавшего наличия серьезных проблем, связанных с уничтожением окруженных группировок Красной армии. Немцы рассчитывали, что сразу начнется массовая сдача в плен. Но люди героически сражались и погибли, оттянув на себя колоссальные силы противника. Тем самым было выиграно время. Немецкие танки без сопровождения пехоты, связанной боями с окруженными частями Красной армии, приостановили свой бросок к Москве. Мы должны склонить головы перед памятью погибших в этом героическом и трагическом сражении.

Горжусь достойным вкладом в защиту столицы ОМСБОНа и наших рейдовых партизанских диверсионных соединений. Они сыграли важную роль в срыве операции вермахта «Тайфун» по окружению, захвату и затоплению Москвы. Читаю о признании роли чекистских диверсионных операций в дневниковых записях командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока, рвавшегося к Москве: «Использование победы под Вязьмой более уже невозможно, налицо недооценка силы сопротивления врага, его людских и материальных резервов… русские сумели настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого для жизни и борьбы… в ошеломляюще короткий срок русские снова поставили на ноги разгромленные дивизии, бросили на фронт новые силы из Сибири, Ирана и Кавказа… потери офицерского и унтер-офицерского состава пугающе велики… стремление коротким штурмом разгромить русских было заблуждением».

Немецкие бомбы падают на ложные цели

Хотелось бы сказать еще об одном аспекте в битве под Москвой. Столицу обороняла 90-тысячная трудовая армия москвичей. Ополченцами и мирным населением осенью 1941 года оборудовалось более 5,5 тысячи огневых сооружений, строились противотанковые рвы и эскарпы на протяжении 1350 километров. Было выбрано 80 миллионов кубометров грунта, уложено 25

тысяч тонн цемента, 52 тысячи тонн щебня и гравия, израсходовано около 60 тысяч кубометров леса, большое количество арматурной стали и колючей проволоки.

Надо сказать, что еще в июле-августе 1941 года командование Московского военного округа, предвидя возможные ожесточенные бои на подступах к столице, создавало систему тыловых оборонительных рубежей, включая Вяземскую, Можайскую линию и Московскую зону обороны. Вяземская линия, оборудовавшаяся в 50–80 километрах от переднего края обороны войск Западного фронта, состояла из двух оборонительных полос. Можайская линия строилась с целью прикрытия дальних подступов к Москве, на Волоколамском, Можайском, Малоярославецком направлениях. Кроме того, на этих важнейших направлениях оборудовалось девять промежуточных рубежей. Создавались также укрепленные районы полевого типа. Заранее подготовленные оборонительные позиции позволяли эффективно использовать сравнительно малочисленные резервы, сдерживая натиск немцев.

Следует также подчеркнуть, что в ноябре 1941 года, и в особенности в кульминационный период битвы, к началу декабря, противник стал утрачивать превосходство в воздухе. Под Москву были переброшены наши дополнительные авиационные части, оснащенные новыми бомбардировщиками «Пе-2», штурмовиками «Ил-2», истребителями «МиГ-2», вооруженными реактивными снарядами. Мы в самый критический период битвы под Москвой вводили в бой свежие резервы и не устаревшую, а новую боевую технику.

Не могу не указать еще на одну роль войск НКВД в битве под Москвой. В связи с быстрым продвижением противника громадное значение приобретала оперативная информация и использование ВЧ-связи. Эта связь находилась целиком в руках органов НКВД. Понятно, что оперативная информация с использованием ВЧ-связи играла колоссальную роль в принятии правильных военных решений. Ставка, Сталин могли по ВЧ надежно управлять ситуацией и контролировать боевые действия. Работа войск ВЧ-связи в этот тяжелый период заслуживает восхищения: в отдельных случаях ВЧ-связь проводилась непосредственно даже в боевые порядки батальонов и полков, которые вели на передовой тяжелые оборонительные бои.

Несмотря на то что Москва была прифронтовым городом, ощутимого ущерба немецкие бомбардировки ей не нанесли. Существенных разрушений не было. Это стало возможным благодаря многоярусной системе противовоздушной обороны столицы, созданной еще в июле-августе. То, что в Москве почти

не было разрушений от бомбежек, сильно действовало на западных дипломатов и специалистов, которые до приезда к нам были знакомы с разрушительными действиями немецкой авиации в Польше, Франции, Голландии и Бельгии. Знаменательно, что неизмеримо большими по сравнению с Москвой (прифронтовым городом в октябре 1941-го — январе 1942 года) были разрушения Лондона и других английских городов, подвергнутых ожесточенным налетам немецкой авиации. Всех иностранных представителей, которые оказывались в Москве, поражала атмосфера спокойствия, выдержанности и четкой дисциплины. Сейчас совершенно очевидно, что созданная из десяти поясов противовоздушная оборона показала свою высшую для того времени эффективность.

Особо следует подчеркнуть, что с помощью чекистских органов с 30 июля по 28 ноября 1941 года в разных местах Москвы и Московской области были осуществлены крупнейшие за всю историю войны операции по дезинформации противника путем создания ложных целей для бомбардировок немецкой авиации. Было построено семь макетов заводских корпусов, два макета элеваторов со всеми службами, макет нефтебазы, ложный военный лагерь, девять ложных аэродромов с макетами самолетов. Все это очень сильно ввело в заблуждение ВВС противника.

Из официальных сводок известно, что на Москву немцы совершили 141 налет, сбросили 1610 фугасных бомб. В результате было убито 2200 и ранено около 6000 жителей Москвы, разрушено 167 и повреждено 276 жилых домов. Было также повреждено 115 промышленных предприятий.

Однако почти одну треть — 585 фугасных бомб противник сбросил на ложные объекты. На них же немецкие летчики сбросили и 158 осветительных бомб. Таков довольно существенный вклад в защиту столицы органов НКВД, в структуре которых действовали подразделения местной противовоздушной обороны (ПВО).

Партизаны-чекисты в Подмосковье, организация агентурного подполья в столице

В срыве планов противника по захвату Москвы существенную роль сыграли успешные контрнаступательные операции Красной армии на юге в районе Ростова и под Тихвином. В эти дни мы тоже делали все для того, чтобы осложнить работу немецких штабов под Москвой. Большую роль в этом сыграли рейдовые

партизанские соединения московского управления НКВД, которые сформировали в короткий срок на базе истребительных батальонов. Разведывательно-рейдовые партизанские отряды под командованием В. Карасева, М. Филоненко, И. Солнцева и Д. Каверзнева разгромили штаб немецкого корпуса под Москвой, своими беспокоящими налетами нервировали противника в самый ответственный момент битвы за столицу. Преимущество этих отрядов заключалось в том, что комплектовались они из советских, партийных и оперативных работников, прекрасно знавших местность и обстановку в Московской области. Случались оперативные удачи. Например, наша оперативная группа захватила в районе Жиздры сына председателя временного комитета Государственной думы царской России князя Львова, который считался потенциальным претендентом в руководящие кадры администрации на оккупированной немцами территории и который мог быть ими использован в случае формирования каких-либо политических групп и движений. Он был отправлен в Москву.

На занятой противником территории эффективно действовали созданные по линии московского областного управления НКВД пять подпольных оперативных групп и резидентур в районе Солнечногорска, Рузы, Можайска и других мест.

Обстановка диктовала и необходимость проработки решений, связанных с созданием московского подполья на случай занятия столицы противником. Важным направлением нашей работы становилась подготовка соответствующих легенд для возможного развертывания нелегальных резидентур в Москве. Мы исходили из того, что «легендирование» следует строить на наличии «антисоветских групп» в командном составе Красной армии и остатков контрреволюционных монархических организаций, услугами которых, безусловно, захотят воспользоваться немецкие спецслужбы.

Организация агентурного подполья в Москве имела свои принципиальные отличия. Намечалось создать два агентурных аппарата. Один — на базе связей и контактов людей из партийно-советского актива. Другой аппарат должен был подбираться из людей, совершенно не контактировавших с этим активом в прошлом. Двум независимым друг от друга резидентурам предписывалось оперативные и боевые задачи решать самостоятельно. Меркулов предложил вначале, чтобы я стал главным нелегальным резидентом НКВД по Москве в случае занятия ее немцами. Я дал согласие, однако Берия аргументированно возразил Меркулову. Было принято (не

оформленное приказом по наркомату) решение назначить на эту работу начальника центрального аппарата контрразведки П. Федотова с подчинением ему всех резидентур, которые создавались по линии НКВД и партийно-советского актива. (Это решение сейчас кажется спорным. Ведь ни в коем случае не следовало давать какую-либо, даже минимальную возможность немецким спецслужбам захватить фигуру такого уровня.) Берия обосновал это назначение тем, что Федотов лично хорошо знал партийно-советский актив столицы и большую часть агентуры НКВД, намечаемой оставить на подпольной работе. Это обстоятельство, конечно, позволяло бы Федотову в экстремальной обстановке принимать решения об использовании оперсостава и агентуры с учетом лично ему известных деловых качеств людей.

Вообще, в боевой обстановке успешно руководить оперсоставом и агентурой можно лишь в том случае, если ты лично знаешь возможности своих подчиненных. Поэтому я категорически против создания временных сводных оперативных групп для решения контрразведывательных задач в боевой обстановке и тем более для разведывательно-диверсионных операций.

Очень важно, что, несмотря на тяжелое положение, сложившееся на фронтах, на то, что вражеское кольцо вокруг Москвы неумолимо сжималось, мы ни на минуту не забывали о борьбе со спецслужбами врага. Именно в октябре 1941 года мы начали отзывать с фронта нашу агентуру, которая оказалась призванной в ряды Красной армии. Делалось это для того, чтобы подготовить людей для работы против спецслужб противника и использовать их в глубоко легендированных операциях для проникновения в штаб-квартиры абвера и гестапо.

При колоссальной потребности в людях мы очень взвешенно и бережно использовали ценную агентуру из числа иностранцев и политэмигрантов. Я категорически выступил против немедленной заброски в тыл противника ценных агентов — немцев, австрийцев, венгров, поляков, кто мог работать в экстремальных условиях и хорошо знал обстановку в странах Европы, оккупированных немцами. Неразумно было ими распоряжаться для затыкания дыр. Поэтому в составе нашего спецназа они всегда держались в особом резерве, на самый крайний случай. (Только испанцы приняли участие в составе ОМСБОН в боях под Москвой.) Интернациональную часть спецназа мы «приберегали» и потому, что приходилось считаться с возможностью развязывания против нас военных действий с территорий стран, поддерживающих фашистскую Германию, которые еще не были вовлечены в войну.

Поскольку я возражал против участия воинов-интернационалистов в тяжелых боях, у меня было много конфликтов с активистами Коминтерна. Испанская, венгерская и итальянская боевые группы буквально рвались в бой, обращаясь по этому поводу в нарушение субординации (они состояли в штате ОМСБОН, то есть войск НКВД) к руководству Коминтерна и к Сталину.

Надо отметить еще один важный момент. Речь о неспокойной обстановке, складывавшейся в Турции, в Иране, в Афганистане и в Маньчжурии на нашей границе с Японией. В связи с обострением угрозы войны, возможными непредвиденными обстоятельствами мы предпринимали меры предосторожности, усиливали агентурно-оперативную работу на границе с этими странами. И не случайно, что в этот период руководство органов безопасности пошло на значительное усиление нашего разведывательно-диверсионного агентурного аппарата в этих районах. Квалифицированные, опытнейшие кадры — Н. Эйтингон, Л. Василевский, Г. Мордвинов, И. Агаянц, М. Алахвердов, Н. Белкин, М. Фридгут — были направлены в Турцию, Иран и Афганистан, туда, где существовала потенциальная опасность развязывания новой вспышки военных действий, где начала складываться уникальная возможность военно-технического, политического и разведывательного сотрудничества с нашими союзниками в тайной войне против Германии и Японии. Но это особая тема.

Помнится, 5 октября меня вызвал к себе Меркулов. От него мы прошли в кабинет Берии, который проинформировал нас о том, что положение на Западном фронте резко ухудшилось. Он сказал, что противник перешел в наступление, по-видимому, цель у него одна — выйти к столице. Исходя из этого, нам предстояло готовиться к худшему. К этому времени мы уже находились на казарменном положении.

В связи с наступлением немцев встал вопрос об эвакуации подразделений центрального аппарата НКВД и о взаимодействии с подразделениями Московского управления НКВД. Тогда же была поставлена задача по подготовке московского подполья. Всего предполагалось создать 12 нелегальных резидентур, пять из которых должны были быть задействованы вне столицы, на занятой врагом территории. Они комплектовались сотрудниками аппарата райгоротделений НКВД. Мы тесно взаимодействовали и с партийными органами, которых, правда, интересовала в основном пропагандистская работа. Но без партийных органов решить вопрос о создании массового подполья и эффективной подпольной сети было невозможно, ибо в партаппарате был

централизованный учет всех коммунистов, на которых можно было опереться.

Для обеспечения подполья предстояло вблизи Москвы и в городе скрытно заложить около ста продовольственных баз и складов оружия. Необходимо было подготовить так называемую маршрутную агентуру с целью регулярной передачи сведений о движении вражеских частей под Москвой.

Было создано в кратчайший срок специально на случай непредвиденных обстоятельств три радиоцентра, один из которых, в Кучино, должен был дублировать связь с нелегальными резидентурами в Москве. Интересно, что одна из наших подпольных радиостанций была развернута в подвале кукольного театра Сергея Владимировича Образцова, который тогда находился на площади Маяковского.

Для координации деятельности советско-партийного подполья от ЦК ВКП(б) предполагалось оставить сравнительно малоизвестного человека — заведующую отделом школ ЦК ВКП(б) Варвару Пивоварову. Намечалось также задействовать бывших секретарей райкомов партии, в частности секретаря Москворецкого райкома партии Олимпиаду Козлову (впоследствии стала ректором Инженерно-экономического института и основателем Академии управления, прообраза ныне существующей Академии управления), а также Нину Попову (ставшую позднее председателем Комитета советских женщин).

По Москве главным координатором подполья должен был стать начальник контрразведывательного отдела Московского НКВД Сергей Федосеев. Особую резидентуру предполагалось создать во главе с майором госбезопасности (позднее генерал-майором) Виктором Дроздовым. Он имел большой опыт борьбы с бандформированиями и националистическим подпольем на Украине. Незадолго до войны его назначили заместителем начальника московской милиции. Одну из резидентур должен был возглавить Павел Мешик, бывший нарком госбезопасности Украины. Ему поручалась организация диверсий на транспортных магистралях Москвы.

В кратчайшие сроки была проведена колоссальная работа по отбору людей для подполья. Она была очень трудоемкая, требовавшая большого внимания и терпения. Нужно было выписать паспорта, создать легенды на остававшихся в Москве людей. Больше всего мы ломали голову над тем, каким должен был быть правдоподобный ответ на неизбежный вопрос: почему человек остался в Москве?

Возникла потребность в специальном изготовлении писем от родственников. Содержание их определялось с учетом

разработанных нашими специалистами биографий. Переписка с мнимыми родственниками легендировалась по всем правилам почтовых отправлений.

В связи с подготовкой подполья нами была предпринята и другая специальная акция. Были изъяты, уничтожены или переписаны книги прописки и регистрации. Вся эта работа осуществлялась в очень сложной обстановке и в самые кратчайшие сроки. О ходе подготовки спецмероприятий регулярно докладывалось руководству НКВД.

Помимо меня, Мельникова, Эйтингона этой напряженной работой круглосуточно занимались М. Маклярский, Л. Сташко как руководители направлений разведки, командиры ОМСБОН М. Орлов, В. Гриднев, С. Иванов, С. Волокитин, А. Авдеев, оперработники П. Масся, А. Шитов (Алексеев).

Мы также готовили для противника «приманку». Предположительно ей мог стать Лев Константинович Книппер, композитор, немец по происхождению, проживавший вместе с женой Маргаритой на Гоголевском бульваре. Задачи, поставленные перед группой Книппера, были особыми. Он стал спецагентом-групповодом и должен был действовать в Москве по разнарядке «Д», то есть для осуществления диверсионных актов, операций и акций личного возмездия против руководителей германского рейха, если бы они появились в захваченной столице.

Особая роль отводилась молодой сотруднице первого (разведывательного) управления НКВД, его особой группы, младшему лейтенанту А. Камаевой-Филоненко, которая под видом активистки баптистской общины координировала бы использование установленных закамуфлированных взрывных устройств. Ей одной было поручено привести в действие по особому сигналу мощные взрывные устройства, которые предполагалось заложить в местах появления главарей гитлеровского режима или командования вермахта.

В качестве приманки для немецких спецслужб должен был с большим риском действовать еще один человек. Его преимущество заключалось в том, что он был известен немецкой разведке еще в годы Первой мировой войны, находясь в Германии на стажировке еще до 1914 года. Был известен в искусствоведческих кругах Берлина и Лейпцига. С 1920-х годов Алексей Алексеевич Сидоров, для нас источник «Старый», активно помогал органам ОГПУ-НКВД в борьбе не с мнимым, а реальным немецким шпионажем. (Сидоров — видный советский историк искусства, книговед и библиофил, член-корреспондент АН СССР, профессор МГУ с 1916-го по 1950 год.) Осенью 1941

года он должен был прикрывать в Москве наших боевиков. Позднее сыграл важную роль в подстраховочных мероприятиях по обеспечению радиоигры с немецкой разведкой в 1942–1945 годах по широко известному теперь делу «Монастырь».

Москву немцы не взяли, но мы отметили боевыми медалями за большую работу по подготовке подполья А. Сидорова, Л. Книппера и его жену. В Москве до сих пор здравствует другой участник подготовки нелегального боевого аппарата в грозную осень 1941 года полковник в отставке И. Щорс. Он, кстати, и вручал медаль «За оборону Москвы» Алексею Алексеевичу Сидорову.

Эти люди были подлинными патриотами нашей Родины, преданными ей до последнего вздоха, несмотря на то, что их ближайшие родственники были репрессированы и трагически погибли. Я хотел вытащить их близких из лагерей в 1941 году, но было уже поздно — никого в живых не осталось. Но мы прямо сказали Алексею Алексеевичу и Маргарите Гариковне Книппер об этом. Хитрить с людьми, готовыми к самопожертвованию, было невозможно. Несмотря на тяжелую и горестную весть, эти люди ни разу не усомнились в правоте и справедливости выбранного ими тяжелого пути борьбы со злейшими врагами нашей Родины.

К возмездию против немецкого командования под руководством М. Маклярского мы готовили и актерский ансамбль во главе со «Свистуном» — Николаем Хохловым, позднее ставшим перебежчиком. Планировалось, что Хохлов вместе с группой акробатов, выступая перед немецкими высшими офицерами, во время эстрадного номера — жонглирования — должны были забросать их гранатами.

Для проведения разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника нами было переведено по городу Москве на нелегальное положение 43 работника центрального аппарата НКВД, 28 работников управления НКВД по Москве и Московской области. 11 оперработников должны были осуществить руководство 85 агентурными группами, охватывающими 400 человек агентурно-осведомительной сети. Каждый оперативник имел на связи двух-трех групповодов, которые в свою очередь выходили на двух-четырех агентов или осведомителей. Для особого резерва вне Москвы и области нами было дополнительно создано 28 резидентур с охватом 87 человек агентурно-осведомительной сети.

Основное внимание предполагалось уделить сбору разведывательной информации. На это нацеливались основные силы из агентуры. Для совершения диверсионных актов нами было запланировано привлечь 200 человек. 101 человека

подобрали для осуществления акций специального возмездия в отношении членов гитлеровского руководства.

Большей части наших агентов и осведомителей нами поручалось проведение специальной дезинформационной работы. На эти цели мы бросили агентурно-осведомительную сеть Московского управления НКВД и специальную резидентуру, которая передавалась в подчинение В. Дроздову. Ему поручалось, выступая в качестве заместителя управляющего аптечным хозяйством Москвы, войти в доверие к немцам. Для установления с ними хороших отношений он должен был отдать в их распоряжение некоторое количество медикаментов. Для дезинформации и распространения листовок предполагалось использовать более 160 человек из партийно-советского подпольного аппарата.

Оперсостав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры были обеспечены запасами продовольствия на два-три месяца. Для осуществления с ними связи мы разработали соответствующие пароли.

20 октября 1941 года был издан приказ, касающийся минирования важнейших объектов столицы. Он носил предварительный характер. Взорвать эти объекты можно было только по особому приказу, а ряд объектов, представляющих историческую ценность, скажем, Колонный зал Дома союзов (бывшее Дворянское собрание), Большой театр и другие столь же известные и ценные в историческом плане здания можно было взорвать только в случае, если бы они использовались для размещения высшего немецкого руководства (появление которого нами, как это теперь видно, ошибочно предполагалось в столице).

В распоряжение НКВД СССР была передана большая группа специалистов по геологоразведочным и взрывным работам. Особое внимание уделялось минированию Гознака. Мы не могли допустить, чтобы в руки немцев попали какие-либо наши официальные бланки.

Были и недочеты в этой работе. Так, подготовка к уничтожению важнейших объектов шла и по Московской области. Серьезный инцидент произошел на Мытищинском заводе наркомата вооружений, который считался ведущим в отрасли и фигурировал в списке ГКО. Его эвакуацией в глубь страны руководил лично Борис Львович Ванников, ставший позднее народным комиссаром боеприпасов. Уникальное оборудование завода укрыли в контейнеры в октябре 1941 года и должны были отправить на Восток. Заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать и свои семейства со всем скарбом. Для этого

был задействован весь легковой транспорт предприятия. Эвакуация происходила на глазах значительной части рабочих. Это вызвало их возмущение и послужило причиной стихийно организованного митинга. На завод направили зам. наркома внутренних дел И. Серова. Оборудование было эвакуировано. Руководство предприятия и участников митинга протеста репрессировали и реабилитировали лишь после смерти Сталина.

НКВД берет Москву под особую охрану

12 октября 1941 года появилось совершенно секретное постановление ГКО под № 765 «Об охране Московской зоны». В нем, в частности, говорилось:

«В связи с приближением линии фронта к Москве и необходимостью наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Поручить НКВД СССР взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве с запада и юга и по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна, Кашира. Указанную зону разбить на семь секторов: Калининский, Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, Серпуховской, Коломенский, Каширский.

2. Начальником охраны Московской зоны обороны назначить заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комиссара госбезопасности III ранга тов. Серова.

3. Организовать при НКВД СССР штаб охраны Московской зоны, подчинив ему в оперативном отношении расположенные в зоне войска НКВД — 6 тысяч человек по особому расчету, милицию, районные организации НКВД, истребительные батальоны и заградотряды.

4. Установить, что дорожно-эксплуатационные полки, автодорожное управление НКО в оперативных вопросах организации регулирования движения и установления порядка на важнейших магистралях, ведущих к Москве, обязаны безоговорочно выполнять указания начальников соответствующих секторов штаба охраны Московской зоны НКВД СССР».

Это постановление подписал Сталин. Оно — свидетельство того, что, во-первых, порядок в тыловых районах, прилегающих к зоне боевых действий, был установлен, а во-вторых, оно говорило об исключительной роли, которую сыграли органы НКВД в битве за Москву.

После эвакуации основных оперативных управлений, архива и других подразделений в Куйбышев и Горький руководство

НКВД, включая Л. Берию, В. Меркулова, Б. Кобулова, И. Серова, В. Чернышева, разместилось в Высшей школе пожарной охраны, находящейся недалеко от ВДНХ. Сейчас там также располагается Высшая школа пожарной охраны МВД. Там тогда находился кабинет Берии. В общем кабинете по соседству — в большой учебной аудитории — расположились Кобулов, Серов, Чернышев и я.

В эти дни мы пережили несколько стрессовых и драматических моментов. Например, 15-го и 16 октября, когда обострилась обстановка, среди беженцев на шоссе Энтузиастов появились панические слухи, которые распространялись с быстротой молнии. Но благодаря своевременно предпринятым мерам и грамотным действиям работников НКВД никакого существенного ущерба элементы паники не нанесли.

16 октября неожиданно были выведены из строя передающая радиостанция наркомата морского флота в Томилино и приемная радиостанция этого же наркомата в Вешняках, кроме того, разрушены радиобюро и автоматическая телефонная станция, размещенная в наркомате морского флота. В результате этого лишились радиосвязи пароходства в Ленинграде, Мурманске, Архангельске, Астрахани, Махачкале. Все это нервировало руководство и, естественно, были приняты самые строгие меры в отношении начальника центрального узла связи наркомата морского флота Березина. Как выяснилось, именно он отдал распоряжение о разрушении станции и передавал его по прямому телефону начальникам радиостанций, находившихся в Томилино и в Вешняках. Этими действиями был нанесен большой ущерб и было временно потеряно управление морским транспортом.

Интересно, что наши действия по созданию московского подполья не прошли мимо противника. В отчете штаба немецкой полиции безопасности (СД) о положении в СССР за февраль 1942 года, который оказался у нас в 1944 году, фигурировали планы создания «специальных боевых большевистских организаций НКВД в Москве». Указывалось на то, что в Москве существенную угрозу представляет нелегальная боевая организация НКВД. Говорилось также и о том, что она была создана на случай оккупации Москвы немецкими войсками, отмечалось, что главным для русских было проведение акций против немецких войск, организация саботажа и террора.

В боях под Москвой ОМСБОН понес первые серьезные потери — погибли первый комиссар бригады, одно время секретарь парткома разведывательного управления НКВД, капитан госбезопасности А. Максимов и заместитель командира бригады полковник И. Третьяков. Более 50 спецназовцев погибли в боях на

ближних подступах к столице. Однако приближение переломного момента в битве за Москву в нашу пользу ощущалось все более явно. Меня особенно восхищал высокий уровень боевого мастерства бойцов и офицеров А. Авдеева, В. Токарева, Э. Соломона, А. Саховалера, М. Бреусова, Д. Гудкова, П. Дмитриева, М. Егорцева, А. Шестакова, М. Петрушиной и многих других. 75 спецназовцев, отличившихся в битве под Москвой, «за образцовое выполнение заданий командования и нанесение тяжелого урона противнику» были награждены высокими правительственными наградами.

Именно в боях под Москвой прошли боевое крещение в тылу врага и в минно-подрывной войне будущие руководители прославленных партизанских соединений Герои Советского Союза Д. Медведев, Е. Мирковский, М. Прудников, В. Карасев, Б. Галушкин.

Еще несколько штрихов к Московской битве. Должен сказать, что наступление наших войск под Москвой в полном масштабе держалось в строжайшем секрете. И даже несмотря на то, что я возглавлял фактически самостоятельную разведывательную службу, остававшуюся в Москве, меня только проинформировали о том, что мы «воспользуемся, — я цитирую слова Берии, — благоприятно складывающейся для нас обстановкой в декабре, когда немецкие войска утратят свои наступательные возможности». Интересно, что и мы в НКВД, по данным от наших партизанских групп в тылу немцев, и военные в Генеральном штабе пришли в конце ноября 1941 года к общему выводу, что противник выдохся и остановлен Красной армией. По линии НКВД мы руководствовались тогда не спецсообщениями, а просто опросами наших командиров партизанских диверсионных соединений, действовавших в тылу противника. Не могу не вспомнить в этой связи одного из руководителей таких отрядов Д. Каверзнева и героически погибшего сотрудника райотдела НКВД И. Солнцева, ставшего одним из первых чекистов — Героев Советского Союза.

Переход Красной армии в масштабное контрнаступление 5 декабря был для меня приятной неожиданностью. Я понимал, что события на фронте меняются в лучшую для нас сторону. Уже в ноябре чувствовалась нарастающая уверенность нашего командования в исходе сражения. В Ставке, в военном руководстве столицы установился режим напряженного спокойствия. Кризис в битве под Москвой после ноябрьских праздников 1941 года миновал.

Кардинальное изменение обстановки под Москвой в нашу пользу поставило перед органами НКВД новые задачи. Его

спецназ, несмотря на понесенные потери, по-прежнему был высокобоеспособной ударной силой, способной действовать теперь на коммуникациях отступающего противника. Особенно обернулось колоссальным плюсом то, что мы не растеряли наши кадры подрывников и диверсантов в горниле Московской битвы. Ведь именно они позднее проявили себя блестяще и в партизанской войне.

Урок битвы под Москвой заключается и в том, что спецназ госбезопасности в критический момент сражения являлся резервом особого назначения Ставки.

20 декабря по случаю годовщины ЧК никаких торжественных собраний не было, никаких торжественных речей не произносилось. Берия собрал в этот день оперативное совещание руководящего состава. На нем, по поручению Сталина, он поставил передо мной ответственные задачи по развертыванию зафронтовой работы в тесном взаимодействии с командованием Красной армии. Придавалось исключительно важное значение перенесению акцента наших усилий, в соответствии с поручением Жукова, на разрушение коммуникаций отступающих немецких войск. Ответственными за исполнение плана действий наших спецотрядов зимой 1941–1942 годов были мой новый заместитель В. Какучая и мой связник в подполье во Франции в 1937 году Л. Сташко.

На этом же совещании рассматривался и вопрос об уроках борьбы с немецко-фашистской агентурой, действовавшей в нашем тылу. В выступлении Берии сквозила озабоченность тем потенциалом, каким обладают немецко-фашистские спецслужбы и их сателлиты для ведения тайной войны против советского государства после поражения под Москвой. Вызывало беспокойство, что вся масса недовольных людей, связанных с остатками антисоветского подполья, будет использована немцами вместе с большим количеством военнопленных и дезертиров, оказавшихся на оккупированной врагом территории. Мы уже имели сведения о формировании оккупантами местных администраций, вспомогательной полиции, и это, конечно, не могло нас не настораживать.

Берия также поставил задачу: перенести усилия в контрразведывательных операциях на внедрение нашей особо проверенной агентуры в немецко-фашистские службы и оккупационную администрацию. Это задание рассматривалось в качестве важнейшего направления зафронтовой работы НКВД.

На этом же оперативном совещании (где были вновь приступивший к своим обязанностям начальника контрразведки Федотов, начальник транспортного управления Мильштейн,

возглавлявший военную контрразведку Абакумов) Берия подчеркнул, что наступает новый период неизбежно затяжной войны с фашистской Германией, когда нам придется вести ее длительно без поддержки второго фронта союзников. И поэтому, помимо зафронтовой работы в тылу врага, в этих условиях следует значительно расширить сбор информации, позволяющей оценить, насколько наша армия, наши ресурсы и резервы отвечают требованиям такой войны.

Были даны конкретные приказания по агентурному освещению и контролю за ходом строительства и соблюдением (установленных лично Сталиным) сроков ввода в эксплуатацию всех главных предприятий оборонной промышленности и машиностроения, эвакуированных на Восток летом и осенью 1941 года. Под тщательный контроль органов НКВД переходило также отслеживание соблюдения графиков железнодорожных перевозок и разнарядок на распределение продовольственных ресурсов на фронте и в тылу, наблюдение за состоянием санэпидемиологического надзора с целью иметь упреждающую информацию для противодействия вспышке массовых тифозных заболеваний в тылу Красной армии.

На этом совещании мною были доложены первые итоги деятельности наших резидентур и партизанских отрядов в тылу врага. Заработали радиостанции оперативных групп в Николаеве, Одессе, Киеве, Харькове и Ворошиловграде, постепенно наладился поток информации об обстановке на оккупированной территории.

Надо сказать, что руководство советских органов госбезопасности в экстремальной обстановке 1941 года успешно решило важнейшую организационную проблему: была создана система эффективного взаимодействия органов разведки и контрразведки, определены эффективные формы использования соединений пограничных, внутренних войск и спецназа. Это обеспечивало бесперебойную, слаженную и результативную работу наших спецслужб в критический и, по сути, решающий период (так неудачно для нас начавшейся) Отечественной войны.

Следует сказать и о наших ошибках в оценке ситуации в конце 1941 года. Это особая тема. Оптимизм доминировал во всех выводах и прогнозах развития обстановки на фронтах после поражения немцев под Москвой, Ростовом и Тихвином. Мне лично известно, что в этот период Сталин находился в отличном настроении: для него была очевидной неизбежность поражения Германии в длительной затяжной войне с нами, США и Англией. Встречаясь с Иденом в Москве в 1941 году, он был полностью осведомлен по агентурным каналам о планах наших союзников.

Стало ясно, что они увязли в войне с Японией, и ситуация на дальневосточном театре не представляла уже для нас смертельной угрозы в ходе нашей войны с Германией. Это тоже настраивало нас на оптимистический лад. Но вместе с тем я хотел бы отметить, что тогда наши иллюзии были связаны также с недостаточным пониманием характера и тактики вооруженной борьбы с германским фашизмом.

Нам казалось — зима сломает сама по себе немецкие коммуникации, думали — германская армия побежит, не приспособленная воевать зимой. Предполагалось, что вот-вот повторятся события 1812 года.

Все это базировалось и на полученных из Берлина и Брюсселя разведывательных донесениях от «Красной капеллы» об истощении запасов бензина, боеприпасов, об износе немецкой техники в боях на Восточном фронте.

Я, воодушевленный победой, писал почти ежедневно открытки и письма семье, эвакуированной в Уфу, о близком и полном разгроме врага. Хотя должен отметить, что, несмотря на перелом в битве под Москвой, центральный аппарат и все службы в полном объеме вернулись в Москву и заработали на полный режим лишь весной 1942 года.

Конечно, успокаивающим нас фактором было снижение активности немецкой авиации. Редкие налеты на Москву в декабре 1941 года также указывали на кардинальный перелом в военных действиях в нашу пользу.

Интересно, что в оценках перспектив развития обстановки на советско-германском фронте ошибались не только мы, но и разведка союзников и аналитики финской военной разведки. Гитлеру после поражения под Москвой предсказывали на Западе решительное поражение в зимней кампании 1942 года. Французские и финские эксперты ошибочно полагали, что немецкому командованию ничего не остается, кроме как попытаться пойти на отчаянный бросок к Москве летом 1942 года, чтобы решить исход войны в свою пользу.

В январе 1942 года, когда немцев уже отбросили от Москвы, мы заполучили важный документ — разведдонесение Генштаба вооруженных сил Франции о положении германских войск на Восточном фронте. Он был датирован 3 января 1942 года. В нем констатировались серьезные разногласия в германской военной верхушке, в частности, факт увольнения Гитлером фельдмаршала Браухича, командовавшего сухопутными войсками. Из донесения следовало, что главные силы бронетанковых войск в Германии, все отборные дивизии, почти вся авиация были брошены на штурм Москвы. Указывалось на итоги боев: три четверти дивизий

и бронетанковых сил немцев, участвовавших в сражениях, были полностью истощены материально, физически и морально.

К сожалению, в этом разведдонесении делался совершенно неверный вывод. Говорилось, что если русское наступление продолжится после 15 января 1942 года с той же интенсивностью, то немцы, вынужденные укреплять фронт и делать постоянные замены, не смогут получить необходимую передышку для реорганизации своих соединений и подготовить новое большое наступление в России, планируемое к весне. Любопытно, что французские аналитики считали, что новое немецкое наступление сможет состояться, но не принесет Гитлеру нужных результатов. Информатор французов считал, что даже если не принимать во внимание «англосаксонский фактор», немцам, чтобы покончить с Россией, будет необходим 1942, 1943 и даже 1944 год, ибо Германия полностью завязла в России.

К донесению был прикреплен листок со сведениями об источнике сообщения. Им являлся офицер высокого ранга, бывший начальник разведбюро эстонской армии. После присоединения Эстонии к СССР перешел на службу в финскую армию. В то время он служил офицером связи финского Генштаба при командующем немецкой группы армий «Север». Интересно, что он всегда восхищался Германией, твердо верил в ее победу, которая могла бы, по его мнению, способствовать восстановлению независимости прибалтийских государств.

Наши разведчики Зоя и Борис Рыбкины, добывшие этот документ в Стокгольме, конечно, совершили большое дело. Но анализ, имевшийся в нем, был в высшей степени субъективным. Давалась явно завышенная оценка нашим возможностям развить успешно начатое в декабре контрнаступление под Москвой.

Но вот что интересно: Сталин на совещании в Ставке почти слово в слово повторил то, что содержалось в этом разведсообщении, предложив Генштабу разработать мероприятия по широкому зимнему наступлению Красной армии против немцев на всех фронтах.

В период битвы под Москвой оттачивалась индивидуальная подготовка двух наиболее результативных спецагентов НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны — А. Демьянова (Гейне) и Н. Кузнецова (Колониста). Оба уже имели за плечами большой опыт агентурной работы. Однако теперь следовало перенацелить их на активную боевую «разработку» немецких спецслужб, выпестовать из них нелегалов-боевиков. Демьянов и Кузнецов в силу своих биографических данных и по своим способностям могли быть эффективно использованы в разных ролях.

Почему Кузнецов стал именно нелегалом-боевиком, успешно действовавшим в тылу противника? Дело в том, что для работы в этом качестве он соответствовал гораздо больше, чем Демьянов. Демьянов был безусловным авторитетом в эмиграции и проходил по учетам немецких спецслужб под своим реальным именем, так как происходил из известного в стране и за границей рода казачьего атамана Головатова. Кузнецов же никогда не находился за границей и потому не мог быть подставлен противнику в качестве офицера немецкой армии на условиях длительного пребывания или прохождения службы в его разведорганах, поскольку сразу же любая проверка, если бы он зачислялся на постоянную должность в штаб немецких спецслужб или комендантских подразделений, предполагала его провал. Мы планировали его использовать и в московском подполье не как офицера вермахта, а как обрусевшего немца Шмидта.

Он больше подходил для того, чтобы эпизодически появляться в форме немецкого офицера в тыловых учреждениях вермахта, в местах дислокации временного оккупационного персонала, где немецким контрразведывательным органам нет необходимости проводить спецпроверку на временно прикомандированного офицера, если он не допущен к секретным работам и документам.

Кузнецов, несмотря на существенный пробел в своей оперативной биографии — он не использовался как агент нашей внешней разведки внутри страны и за границей, не имел реального представления о жизни на Западе, — произвел на меня сильное впечатление своей сосредоточенностью и целеустремленностью. Он обладал мгновенной реакций на собеседника, буквально подчинял его себе. Все говорило о том, что он владеет каким-то секретом подхода к людям, умеет их расположить к себе, влюбить в себя. Тогда у меня и возникла мысль о том, что его целесообразнее подготавливать как спецагента-боевика. Такой человек мог своим внешним видом, уверенной манерой поведения проложить себе дорогу к видному представителю немецкой администрации, добиться личного приема. У меня сразу сложилось впечатление о громадном потенциале этой личности, о человеке, который может эффективно внедряться в стан противника. И тут интуиция меня не подвела.

Способности и громадный потенциал Кузнецова в полной мере правильно оценил позднее Д. Медведев (Тимофей), назначенный в начале 1942 года начальником отделения негласного штата нашей службы. Он остановил на нем выбор как на перспективном спецагенте-боевике для своей оперативной

группы «Победители» в тылу врага.

В чем состояла особенность подготовки Кузнецова? Прежде всего, его обучали технике выхода на влиятельных людей среди офицеров вермахта и оккупационной администрации. Мы нацеливали его на изучение мельчайших деталей в поведении человека — объекта его индивидуальной разработки. «Колониста» тренировали по непредвиденным обстоятельствам, которые могут возникнуть, например, он разрабатывается противником или находится в поле зрения наружного наблюдения. Учили его действовать в районах, где введено чрезвычайное положение по контролю всех транспортных средств, то есть ему создавались реальные оперативные ситуации в тылу противника. С. Окунь, Л. Сташко, Н. Крупенников и Ф. Бакин обучали его навыкам самостоятельно принимать решение в сложной оперативной обстановке. Причем главным в его тренировке была многовариантность ухода и отрыва от противника. Анализировались ситуации потенциального провала, захват противником радиста его оперативной группы, правила работы нелегальной резидентуры и т. д. Такая подготовка себя полностью оправдала. Кузнецов был отправлен в тыл врага настоящим специалистом, готовым к боевой работе в экстремальных ситуациях.

Но надо отметить, что спецагентов типа Кузнецова у нас было мало. Мы имели, правда, существенный спецрезерв из числа австрийских и немецких эмигрантов-антифашистов, среди которых блестяще проявил себя Ф. Кляйнинг и был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако Кузнецов был человеком выдающимся, по своему уровню мышления и кругозору он значительно превосходил другие заметные фигуры в нашем агентурном аппарате. Это тем более удивительно, что высшего образования у него не было. Личная жизнь его не сложилась, но он прожил короткую, яркую, хотя и тяжелую, неровную жизнь. В наградном листе на присвоение посмертно звания Героя Советского Союза за моей подписью символично было указано, с одной стороны, отсутствие специального офицерского звания, с другой — указано и подчеркнуто его постоянное место работы и адрес — НКГБ СССР.

Мы до сих пор должны гордиться тем, что в Великой Отечественной войне немецкие спецслужбы и их пособники оказались не в состоянии противопоставить нам агентов и офицеров калибра «Гейне» и «Колониста», таких разных, крупных выдающихся личностей в истории советской разведки.

О запасном помещении Ставки Сталина в Москве

В июне 1992 года мы встретились в госпитале с моим старым знакомым, одним из руководителей охраны Сталина генерал-майором Д. Шадриным. Прогуливаясь в парке, мы как бы перенеслись с ним в события лета — осени 1941 года. За год до войны Шадрин был назначен начальником третьего спецотдела НКВД СССР.

Сразу после начала войны Берия перед ним поставил задачу: подобрать в Москве место, где Ставка могла бы, укрывшись от бомбежек, постоянно работать. Курировал этот вопрос И. Серов как заместитель наркома. Для запасного помещения Ставки Шадрин присмотрел на улице Кирова небольшое здание, теперь там находится приемная министра обороны. Шадрин еще раньше хотел его занять под специальную резидентуру. Несколько раз по этому поводу звонили наркому здравоохранения Митерёву, в чьем ведении находился особняк. Но тот не уступал. Когда Шадрин вместе с Серовым пришли в очередной раз осматривать здание, они натолкнулись на коменданта, саркастически встретившего их: «Опять приехали!». Тем не менее они прошли внутрь, осмотрели все помещения.

Почему выбор пал на этот особняк? Мы знали, что прямо под ним был прорыт туннель с выходом на перрон станции метро «Кировская». Тогда его проход был завален какими-то мешками и ящиками. Здесь хранились запасы медикаментов. Дали команду за четыре часа все освободить. По тревоге подняли инженерные подразделения Московского военного округа и саперов. Доложить о работе нужно было немедленно. Серов отправился к Берии, но на месте того не оказалось. Он был у Сталина. Серов и Шадрин поехали в Кремль. Сталин, естественно, по такому мелкому вопросу их не принял, поручил все Поскребышеву.

Вопрос о здании Наркомздрава, который долгое время не сдвигался с места, немедленно был решен. Поскребышев позвонил Митерёву и подтвердил, что по приказу Сталина необходимо немедленно освободить помещение к 4 часам дня 23 июня, а аппарат Красного Креста, там работавший, переселить в любой санаторий под Москвой. «Какой вам понравится, хоть из управления делами Совнаркома», — заключил Поскребышев.

К сроку все было готово — помещения освобождены, туннель расчищен. Шадрин доложил Берии: «Можно посмотреть, все подготовлено». И вот все члены политбюро, кроме Сталина, Калинина и еще кого-то, приехали на улицу Кирова. Сначала их завели в особняк, потом на грузовом лифте члены политбюро спустились в метро. Поезда на станции «Кировская» уже не останавливались. Всем место запасной Ставки понравилось. Можно было хорошо организовать работу. «Вот здесь между

столбами, — указал рукой Берия на две колонны, — сделать кабинет Сталина и приемную». Распорядился, как лучше сделать.

Потом поднялись наверх, снова зашли в особняк. Берия, обращаясь к Шадрину, сказал: «Вот здесь будет второй кабинет Сталина, здесь кабинет Молотова, здесь мой, а здесь расположится приемная человек на 50. Поставишь столы. Срок — четыре дня». Шадрин взмолился: «Товарищ нарком, ну как можно успеть все это сделать за четыре дня? Уже один день прошел. Осталось три». Но Берия был непреклонен.

Четверо суток Шадрин не спал. В 16:00 26 июня доложил Берии: «Товарищ нарком внутренних дел, можно приехать». И опять приехали все члены политбюро, кроме Сталина. «Молодец!» — сказал Берия после осмотра.

Под вечер, часов в шесть Берия позвонил Сталину: «Товарищ Сталин, помещение можно посмотреть». Сталин спросил: «Где?». Берия ответил: «Охрана знает». Приехал Сталин. Опять всех всюду провел Шадрин. Всем понравилось.

Внизу была кухня, там тоже все отремонтировали и там же приготовили ужин. Шадрин в этот день ничего не ел. Поэтому он обратился к Власику, начальнику охраны Сталина, с предложением спуститься на кухню и перекусить. Только сели за стол, бежит офицер из охраны: «Вызывает Сталин».

В особняке вдоль коридора, там, где была приемная, накрыли столы, и руководство после ознакомления с помещениями направилось туда. Сюда поднялся и Шадрин: «Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл». Сталин спросил: «Вы здесь руководите?» — «Так точно!» — последовал ответ. Берия: «Налить ему стакан коньяка!». Шадрин взмолился: «Товарищ Сталин, я целый день не ел и всю ночь не спал! И вообще я не пью, почти совсем не пью». Сталин налил себе рюмку коньяку, подошел к Шадрину и протянул ему наполненный стакан: «Благодарю за хорошую работу, за изготовленное укрытие. За твое здоровье!». Шадрин снова: «Товарищ Сталин, я не могу выпить, ничего не ел». Сталин: «Твое здоровье и благодарю за хорошую работу». Выпил и снова обратился к Шадрину: «Не хочешь выпить?». Тот выпил. Дальше он ничего не помнил: и как привезли в кабинет, и как полтора суток проспал. Когда проснулся, вызвал секретаря отдела. «Сколько времени? — спросил его. — Почему не разбудил?» В ответ услышал: «Мне было приказано вас не будить».

Потом, в конце 1941 года, начали делать бомбоубежище для Сталина в Кремле. По окончании его строительства Сталин в запасной Ставке на «Кировской» больше не бывал. Здание на улице Кирова, где было первоначальное убежище Сталина, до сих

пор стоит, его только несколько перестроили.

Торжественное заседание на «Маяковской»

О торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, которое состоялось 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская», написано довольно много. Я хотел бы остановиться только на ряде моментов, меня взволновавших и запомнившихся на всю жизнь.

Я узнал о заседании, которое должно было открыться в восемь часов вечера, лишь за три часа до его начала. Позднее мне стало известно, что накануне проводилась большая работа по его подготовке. 5 ноября станцию метро посетили Берия, Маленков и Микоян. В тот день она была закрыта для движения поездов и использования в качестве бомбоубежища.

Колоссальная работа была проведена по оборудованию станции. Этим занималось не только управление охраны НКВД, но и работники метрополитена. Станция превратилась в прекрасный зал. С той стороны, где сейчас медпункт, построили сцену. Ее увешали бархатом. Поставили бюст Ленина. В самом зале были расставлены стулья, пол устлали коврами. Внизу над эскалатором висело красное полотнище с надписью: «Да здравствует XXIV годовщина Октябрьской революции!».

6 ноября немецкая авиация осуществляла свой очередной налет на Москву. По этому поводу была объявлена воздушная тревога. Отбой ее дали без четверти семь. До открытия торжественного заседания оставалось считанное время.

Тогда я пользовался большим доверием руководства и мне было выделено место в третьем ряду, близко от президиума и установленной трибуны. Одновременно в секретариате НКВД я получил и именной пропуск на парад на Красной площади, который должен был состояться на следующий день. Пропуск на парад был не заполнен, и я сам вписал в него свою фамилию. Маленький же пропуск с приглашением на торжественное заседание, напечатанный мелким шрифтом в спецтипографии НКВД, был безымянным и действительным только при предъявлении документа.

Станция метро «Маяковская» приобрела вид настоящего театра. Чтобы хорошо был слышен голос докладчика, кругом висели репродукторы. С одной стороны станции стоял поезд. Двери вагонов были открыты. В них развернули буфет.

Руководство страны прибыло на специальном поезде с противоположной стороны и вышло на перрон станции из вагона.

Сталина встретили овацией.

Все были в военной форме, в гимнастерках, с орденами. Присутствующие понимали торжественность происходящего, понимали, что это заседание войдет в историю.

Его открыл председатель исполкома Моссовета Пронин. Затем внимательно слушали доклад Сталина. После его выступления зал взорвался аплодисментами. Сталин несколько раз подавал сигнал их прекратить, но зал продолжал аплодировать. Сидевшие на задних рядах, чтобы лучше разглядеть Сталина и членов политбюро, встали на спинки стульев. Охрана попыталась было их сдержать, но из этого ничего не вышло. Советский военный и партийный актив невозможно было унять.

Когда Сталин вместе с Маленковым и Берией стали уходить из президиума, аплодисменты возобновились. Они были настолько сильными, что Сталин вынужден был вернуться к столу президиума. Овация долго не смолкала. Сталин качал головой и показывал на часы. По залу минут десять бушевали волны восторженного вдохновения. У присутствовавших утвердилась уверенность в близкой победе под Москвой, несмотря на тяжелое положение на фронте.

Я нашел в Сталине заметные перемены. Мне было с чем сравнивать. С ним я встречался в 1940 году. Спокойствие и уверенность в себе остались неизменными, но мне показалось, что физически он несколько сдал.

После концерта, завершившего торжественное заседание, люди покидали вестибюль метро в приподнятом настроении. Я мысленно возвращался к словам Сталина, обращенным к нам, и думал, что еще можно было бы сделать, чтобы изменить положение на фронте в нашу пользу. Представлял себе участие ОМСБОНа в параде на Красной площади, полк бригады под командованием полковника С. Иванова должен был принять в нем участие. Сам парад держался в глубоком секрете. Бойцы и командир полка о нем не знали, хотя последние две недели перед ним занимались усиленной строевой подготовкой. Иванов получил приказ об участии в параде лишь днем 6 ноября 1941 года, когда был направлен в распоряжение генерала К. Синилова — коменданта Москвы для совещания командиров частей — участников парада.

Я не заметил того, как прошел пешком от станции метро «Маяковская» до Лубянки. Был морозный вечер. Но я совершенно не почувствовал холода.

На следующий день, 7 ноября 1941 года, полк ОМСБОН, ведомый полковником Ивановым, четко печатая шаг, прошел по

брусчатке Красной площади перед Мавзолеем. Наши воины представляли на параде бойцов и офицеров спецназа НКВД, сражавшегося под Москвой и в глубоком тылу противника.

Отношения с союзниками и тихоокеанская война в 1941 году

В феврале 1992 года, когда я уже работал над рукописью первой книги, по просьбе военной прокуратуры мною был принят один из видных английских советологов — лорд Бэтл. Его интересовал ряд эпизодов тайной войны сороковых — пятидесятых годов (связанных с помилованием президентом Б. Ельциным перебежчика Н. Хохлова). При встрече он бросил мне упрек, что в годы войны советская разведка добилась впечатляющих успехов в разведывательной работе в основном против союзников, а не против фашистской Германии.

Но так ставить вопрос, я считаю, совершенно неверно в принципе. Работа советской разведки по изучению и выявлению подлинных намерений и планов союзников (в целях обеспечения наших коренных интересов в борьбе с фашистской Германией) проводилась по той причине, что подлинное их отношение к нам было двуличным. Усилия нашей агентуры в США были нацелены на то, чтобы разобраться в политике американского правительства, которое после наших военных неудач летом 1941 года намерено было одно время признать Керенского главой Временного правительства России в эмиграции якобы с целью продолжения войны с Гитлером на Восточном фронте. Как мы могли относиться к этим замыслам и планам? Пусть это была просто болтовня, идущая в стенах высокопоставленных представителей американской администрации. Но мы обязаны были на это реагировать и не могли не реагировать. Вполне естественно, что эти данные не являлись свидетельством американского дружелюбия к Советскому Союзу. И как бы Д. Волкогонов ни иронизировал по поводу внимания нашей резидентуры в США к деятелям русской эмиграции в начале войны, оно, безусловно, было оправданным. Мы старались противодействовать возможным американским планам по использованию антисоветской эмиграции.

В силу этих обстоятельств мы вплотную занялись и плодотворно поработали по разоблачению двурушнической тактики по отношению к Советскому Союзу американских и английских правящих кругов.

Как вело себя английское правительство летом 1941 года? У нас с ним в июле было подписано союзное соглашение о войне с Германией. Но… 18 августа 1941 года в Государственный комитет обороны поступает информация на основе документа, добытого

нашей закордонной резидентурой в Англии. Это указание МИДа Великобритании поверенному в делах Англии в Вашингтоне по вопросу об отношении к Советскому Союзу. Там написано: «Наши отношения к русским целиком строятся на основе того, чтобы заставить их показать нашим представителям в России свои военные заводы и другие объекты, в которых мы заинтересованы. Пока что русские у нас ничего не видели. Или почти ничего не видели. В ближайшее время им будут показаны заводы, выпускающие стандартную военную продукцию, однако на экспериментальные объекты они допущены не будут. Начальники штабов установили порядок, согласно которому русским можно давать только такую информацию — сообщения, которые, если даже и попадут в руки немцев, ничего последним не дадут. Ясно, что имеются заводы и объекты куда русские вообще допущены не будут. Надеемся, что американские власти не выйдут за эти границы, которые мы соблюдаем».

Или другой пример. 1 августа 1941 года наша разведка добыла указания МИДа Великобритании послу Англии в Японии о политике Англии на Дальнем Востоке в случае нападения Японии на Советский Союз. В нем подчеркивалось: «Наши соглашения с СССР специфически лимитированы совместными действиями только против гитлеровской Германии… Мы не имеем каких-либо договорных обязательств порвать отношения с Японией в случае, если она нападет на СССР. Отсрочка такого шага даст нам возможность продолжать на месте наблюдать за развитием японской политики. Мы будем прилагать все усилия к возможно более тесному координированию нашей политики с действиями США». Что это, как не сговор с американцами, ущемляющий наши интересы?

Хотел бы отметить большой успех нашей контрразведки и разведки в 1941 году в пресечении разведывательной работы наших союзников против нас.

Правильное использование подставленного американскому военному атташе генералу Файмонвилу агента НКВД «Электрика» позволило, по существу, контролировать работу американских военных представителей.

Наша разведка и контрразведка в изучении разведывательных мероприятий англо-американских союзников всегда опирались на данные взаимодействия с военной и военно-морской разведками Красной армии и ВМФ. Без наших военных аналитиков мы, конечно, не могли бы определить смысл разведывательных операций военных атташатов Англии и США. В специальных записках разведывательных управлений наркоматов обороны и ВМФ давалась развернутая квалифицированная оценка смысла

действий офицеров военной и военно-морской разведок Англии и США в Москве, Мурманске и Владивостоке.

Совместная операция разведывательного управления НКВД и контрразведки по проникновению в резидентуру английского посольства в Москве также имела исключительно важное значение. Нам удалось решить эту задачу не сразу. Первоначально она закончилась неудачей. Мы хотели выйти на англичан через их агента в двадцатые годы, графа Нелидова, арестованного поляками и захваченного нами в 1939 году. Но к возобновлению связи с ним в Москве англичане отнеслись с большим недоверием. В. Зарубин, который работал с ним, успеха не достиг, и Нелидов повесился после нескольких неудачных встреч с представителями английской разведки в гостинице «Метрополь».

Но руководящий работник нашей контрразведки, бывший нелегал в США (Гранит) — Норман Бородин достиг впечатляющего успеха, перевербовав одного из видных английских разведчиков. В годы войны этот человек сыграл роль не менее важную, чем Ким Филби. Это был Ральф Паркер. В 1937–1939 годах он был резидентом английской разведки в Белграде под прикрытием должности консула. Уже тогда начались первые контакты с ним по линии нашей агентуры. 30 октября 1941 года Паркер появился в Москве как корреспондент английской газеты «Таймс» и ряда ведущих американских газет. Паркер был одним из наиболее ценных сотрудников английской резидентуры, возглавлявшейся представителем «Интеллидженс сервис» генералом Хиллом.

Следует отметить, что фактически ряд корреспондентов американских и английских газет выполняли тогда функции так называемых подрезидентов разведки. В некоторых случаях они сами проводили вербовку агентов, правда, не отбирая у них соответствующих обязательств по сбору разведданных, а легендируя свои действия расписками советских граждан о сотрудничестве с американскими и английскими средствами массовой информации.

Норману Бородину успешно удалось осуществить операцию по перевербовке Ральфа Паркера. Знаменательна его судьба в дальнейшем: английская контрразведка почувствовала, что он участвует в двойной игре, и постепенно Паркер перестал пользоваться доверием «Интеллидженс сервис». В 1947–1948 годах он был корреспондентом газеты «Ньюс кроникл», а в апреле 1949 года, почувствовав близкое разоблачение, сделал, насколько я помню, письменное заявление о своем желании остаться в СССР. В пятидесятые годы Паркер стал корреспондентом

коммунистических и левых лейбористских газет и журналов в Москве.

Я не буду вдаваться в весь комплекс наших непростых отношений с союзниками в 1941 году. Хочу подчеркнуть, однако, что обстановка в Скандинавии и угроза развязывания войны на Тихом океане оказывали на них существенное влияние. В напряженные моменты лета и осени 1941 года информация советской разведки из этих регионов имела важное для советского командования значение.

9 сентября 1941 года резидентура НКВД в Стокгольме сообщила в Центр информацию о положении в Финляндии, о больших потерях финской армии, ограничивавших ее возможности содействия немцам в критический момент сражения за Ленинград. Что особенно важно, подчеркивалось наличие серьезной проамериканской ориентации в правящих кругах страны. Это было использовано нами. Американское правительство по нашей просьбе оказывало давление на финнов с тем, чтобы они остановились на рубежах старой границы и воздержались от продолжения наступления на Ленинград, чего от них требовал Гитлер.

Большую помощь в оценке обстановки в Скандинавии, в изучении переплетения англо-американских и немецких интересов в этом регионе нам оказала наш ценный агент «Гриша» — антифашистски настроенный французский дипломат и источник «Розмари» — популярная актриса, негласный член компартии Швеции Сара Леандер. Ее часто принимали там в германском посольстве на высоком уровне.

В Стокгольме для советской разведки сложились непростые условия для работы. Назначенный туда резидентом незадолго до войны А. Граур не справился с выполнением сложных поручений. Осенью 1941 года наша резидентура была усилена опытными работниками: Б. Рыбкиным (Кин) и его помощницей З. Воскресенской (Ириной). Им удалось на полную мощь задействовать наших ценных агентов Терентия, Клару, оперработника под крышей ТАСС И. Стычкина (Абрам) и несколько сгладить конфликтные отношения сотрудников разведывательного аппарата с послом А. Коллонтай.

На этот счет в советской и постсоветской литературе бытует много мифов. В частности, о том, что НКВД следило за Коллонтай в Швеции как за бывшим членом оппозиции, что якобы у нее, прикованной болезнью к постели, буквально из-под подушки, сменивший Рыбкина резидент Рощин (Разин, Валерьян) выкрал ее личные архивные записи и отправил их в Москву.

В действительности же ситуация была иной. Коллонтай

считалась своенравной женщиной. Но как человек известный в международном женском движении и в прошлом связанная с оппозицией, она держалась Сталиным за границей в качестве приманки для Запада, «обложенная» со всех сторон, в расчете на то, что на эту личность выйдут с какими-то предложениями, адресованными оппозиционным кругам в советском руководстве.

Этот замысел, о котором мне говорил Берия со слов Молотова (при этом, видимо, передавалось мнение Сталина), состоял в том, что Коллонтай следует держать как наш форпост, открытый к зондажам, и как нестандартную фигуру, перед которой будут ставить какие-либо деликатные вопросы. (В шифропереписке нашей резидентуры с Центром Коллонтай называлась «Хозяйкой».) У нас было достаточно оснований полагать, что на Западе существуют определенные круги, которые ищут такие связи. Но эта ставка на Коллонтай была ошибочной, хотя мифов вокруг ее роли, ее архива, переписки и того, что она скрывала свои симпатии к оппозиции, расплодилось предостаточно.

В тяжелые дни осени 1941 года, имея прочные позиции в МИДе Швеции, мы были прекрасно ориентированы в скандинавской политике и действовали не с завязанными глазами. Мы знали, что шведы и финны имеют свои интересы, и предполагали, что они хотят воспользоваться своими преимуществами в роли буфера в отношениях стран Запада с Советским Союзом и потому не были заинтересованы в нашем полном поражении. Они не хотели оставаться один на один ни с Германией, ни с Англией. Мы, естественно, доказывали шведам, что СССР является сторонником стратегического нейтралитета Скандинавии.

По этой причине мы отвергли американские предложения об уступке нам норвежской территории в качестве компенсации за победу в войне с немцами на Севере. Наш ответ мы предали гласности, хотя эти переговоры проходили в форме секретной переписки с союзниками: через свою агентуру влияния довели до сведения шведского и норвежского руководства занимаемую нами позицию. Советские контакты с представителями правящих кругов Скандинавии дополнялись постоянным и плодотворным сотрудничеством с левым антифашистским движением.

Следует также отметить, что руководство нашей резидентуры уже осенью 1941 года установило с влиятельным семейством Валенбергов секретный обмен мнениями о роли Скандинавии в этой войне.

Интересно, что именно тогда, в ноябре, теперь известный представитель этого семейства Рауль Валленберг, еще не будучи

на дипломатической службе, получил полномочия шведских властей для поездок на оккупированные немцами территории стран Европы и Советского Союза. Через семейство Валленбергов были начаты секретные переговоры о посредничестве в дележе награбленного нацистами имущества в странах Западной и Восточной Европы. Обстоятельства дела Валленберга, что навряд ли оправданно, до сих пор покрыты завесой секретности. Хотя живы очевидцы его трагедии. Как рассказывал мне известный историк Л. Безыменский, в допросах Валленберга на Лубянке участвовал видный работник внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенант С. Кондрашов.

В это же тяжелый период в Швеции успешно и активно действовала наша военная и военно-морская разведка. По их линии были получены важные данные о движении немецкого флота, о стратегических перевозках, об обстановке на Северном театре военных действий.

Драматично для нас и для союзников складывалась ситуация на Дальнем Востоке. В этой связи не могу не остановиться подробно на известном мифе о том, что якобы советская военная разведка и внешняя разведка НКВД своей деятельностью в Японии и Китае обусловили решение Ставки о переброске войск с Дальнего Востока на советско-германский фронт под Москву в трудные дни октября 1941 года.

Эти утверждения впервые появились в литературе по истории разведки на Западе. Западные историки исходят из того, что будто бы на планы Японии по развязыванию войны против СССР повлияла информация перебежчика Г. Люшкова, бывшего полномочного представителя НКВД по Дальнему Востоку. От него, как они утверждают, японская армия получила развернутые материалы о группировке Красной армии на Дальнем Востоке и использовала их против нас. Однако это всего-навсего версия. Люшков не был в курсе замыслов Москвы и нашего военного командования. Конечно, он обладал большой информацией о реальной ситуации на Дальнем Востоке, о той неразберихе, которая творилась в войсках, о низком уровне их боеготовности, проявившемся в боях на озере Хасан.

Люшкову также в целом была известна дислокация войск Красной армии на Дальнем Востоке, но не более того. Даже агентуры ИНО НКВД в глубинных, не приграничных районах Маньчжурии он не знал. Исходя из его данных и показаний японцы сами выбрали район реки Халхин-Гол для действий против Монголии. Они знали, что наша военная группировка в Монголии незначительна и не может оказать им серьезного противодействия. Знали японцы и о том, что монгольские войска

слабы. Но то, что было осуществлено командованием Красной армии в сжатые сроки, — создание ударной группировки — повергло японцев в полный шок. Мы оказались на Халхин-Голе в крайне невыгодных условиях. Тем не менее Жуков как крупный и талантливый полководец остановил и разгромил японцев во встречном рискованном сражении, первоначально бросив против японцев танки без сопровождения и поддержки пехоты. Он сделал это вопреки всем уставам и не от хорошей жизни. Другого выхода у него просто не было. Но быстрое развертывание нами ударной группировки было совершенно неожиданным для противника.

Дело не в том, что Зорге сообщил в Москву о показаниях Люшкова о тактике Красной армии и мы соответствующим образом откорректировали свои действия. Дело в другом. Жуков как талантливый военачальник принял быстрое, эффективное и единственно правильное решение.

Информация же Люшкова содержала лишь многочисленные данные об арестах, интригах «наверху», он был в курсе расправ с оппозицией. Эта информация, бесспорно, имела важное политическое, но не военное значение. Японцы поделились с немцами этой информацией, но к нам она попала в отраженном виде через сообщения Зорге, которому показывал ее немецкий военный атташе. Все это сыграло двоякую роль. На первоначальном этапе она была правильно использована японским командованием в выборе места боевых действий на основе данных о низкой боеготовности Красной армии. Затем в связи с развитием событий на Халхин-Голе, массовым применением нами танковых соединений, у японского командования возникли обоснованные сомнения в показаниях перебежчика.

Развитие событий не укладывалось в старые каноны. Японские генералы практически оказались не способны спланировать на реке Халхин-Гол крупную маневренную операцию с использованием механизированных соединений. Для японского политического руководства стало очевидным, что уровень готовности их армии к ведению масштабной войны с сильным противником не отвечал современным требованиям. Мы же из событий на Халхин-Голе сделали правильные выводы. Японцы увязли в длительной войне с Китаем. Их группировка в Маньчжурии не была готова и не имела запасов для ведения широких наступательных операций против Советского Союза. В этой связи хочу подчеркнуть, что принципиальное решение Сталина оставить на Дальнем Востоке лишь войска для прикрытия границы и активной обороны было принято еще до начала советско-германской войны. Переброски войск под Москву

в октябре 1941 года были логичными, хотя и вынужденными шагами советского командования.

Дело в том, что, помимо донесений Зорге, к Сталину поступали другие не менее важные данные о противоречивом развитии обстановки на Дальнем Востоке. Мы твердо знали, что Япония имеет отличные от Германии собственные интересы в конфликте с США, Англией и Китаем. Без нейтралитета Советского Союза в этом противостоянии японцы не могли реализовать свои цели — установить господство в Азии.

16 июля 1941 года резидент НКВД в Китае А. Панюшкин доложил в Москву о реакции Чан Кайши, китайского правительства на фашистскую агрессию против СССР. Указывалось на то, что они рады этому нападению, этой войне, считая, что вслед наступит черед выступления Японии против Советского Союза и она вынуждена будет прекратить активные боевые действия в Китае.

Нужно отметить, что в то же время в Китае находился Лочлин Карри — помощник президента Рузвельта по Дальнему Востоку. Будучи членом негласного аппарата компартии США, он, как источник «Паж», через доверенное лицо руководства американской компартии нашего групповода Я. Голоса передал советскому резиденту в Нью-Йорке «Луке» — Кларину (П. Пастельняк) исключительно важные данные об обстановке в Китае и перспективах нападения Японии на Советский Союз.

Именно Карри оказывал сильнейшее влияние на формирование американской политики противодействия японской агрессии в Китае и на Дальнем Востоке. При этом он опирался на своего коллегу по негласному сотрудничеству с компартией США и с нами Г. Уайта (Кассира), который занимал высокую должность в министерстве финансов США и периодически готовил экономические обоснования американских мер относительно японской агрессии на Дальнем Востоке.

Интересно, что эта информация об итогах поездки Карри в Чунцин (по линии НКВД из Нью-Йорка от Пастельняка и из Китая от Панюшкина) совпала с официальным уведомлением советского посла Уманского, которого вызвал заместитель Госсекретаря США С. Уэллес и проинформировал его о том, что не исключено выступление Японии против Советского Союза. Вместе с тем сразу же после встречи с ним Уманского советская разведка сообщила Сталину и Молотову, что, по сведениям из ближайшего окружения президента Рузвельта, «американцы не заинтересованы в том, чтобы втянуться в войну с Японией, что президент проявляет очень большую осторожность в введении эмбарго против Японии, ибо санкции могут ударить таким

образом, что японцы вынуждены будут за нефтью двинуться в Юго-Восточную Азию, что спровоцирует войну».

Получение противоречивой информации из Шанхая, Чунцина и Вашингтона не могло не настораживать советское командование. Разобраться в драматических событиях было непросто.

Например, 11 июля 1941 года резидентура НКВД в Шанхае сообщала о действиях японских властей в Китае весьма интересные данные. Так, в Шанхае они предупредили, чтобы со стороны эмиграции не было никаких выступлений против СССР, а если таковые будут, то японские власти примут суровые меры. Немцы этим были очень недовольны. В сообщении указывалось, что среди японцев идут разговоры о том, что Япония уже начала переброску войск в Маньчжурию и Северный Китай. Тут приводились противоречивые данные. С одной стороны — о военных приготовлениях, а с другой стороны — о пресечении слухов о войне.

Руководство тогдашнего Китая — Чан Кайши и его окружение были крайне заинтересованы в провоцировании войны между Японией и Советским Союзом летом и осенью 1941 года. Сталин и Молотов были прекрасно осведомлены об этих шагах Чан Кайши по линии НКВД, поскольку наш агент «Друг» — В. Стенес, портрет которого находится в музее ФСБ, исполнявший одно время обязанности начальника его внешней разведки, регулярно информировал нас об этих его замыслах.

Должен отметить заслуги нашей дешифровальной службы в этот острый момент. Западный историк КГБ Кристофер Эндрю советскую шифровальную службу особо не жалует. Однако сейчас и мы, и зарубежные авторы признают, что НКВД достиг больших успехов в дешифровке материалов переписки японского МИДа, турецкой, итальянской и греческой дипломатических миссий в Москве. Серьезную роль в этом плане сыграло то, что мы читали дипломатическую переписку итальянского посольства в Токио с его МИДом в Риме. Ведь Италия в то время была союзником Японии по антикоминтерновскому пакту.

К этому добавлю, что через Карри мы контролировали переписку Чан Кайши (псевдоним «Сегак») с президентом США в течение всей войны, что позволяло в целом сделать правильные выводы о развитии обстановки на Дальнем Востоке. До сих пор помню, какое сильное впечатление на меня произвел доклад Карри президенту Рузвельту об обстановке на Дальнем Востоке и в Китае, который был направлен мне для ознакомления, а позднее послан Сталину и Молотову вместе с оценкой документов и предложениями о конкретных мероприятиях в

области разведывательной работы под дипломатическим прикрытием в Китае.

Почти одновременно в сентябре 1941 года харбинская и токийская резидентуры НКВД сообщили в Центр о том, что военное выступление Японии против СССР, ввиду обострения отношений с США и Англией, представляется маловероятным. Наш резидент в Японии Г. Долбин (Артем) передал, что, по данным источника токийской резидентуры — «Экономиста», наиболее острый период, который был в начале германо-советской войны, уже прошел… При критических взаимоотношениях, которые Япония имеет с США, руководство империи будет держаться мира с СССР. Знаменательно, что эта информация (появившаяся во время успешных советско-японских экономических переговоров об условиях японских концессий на Сахалине) основывалась на заявлении министра торговли и промышленности Японии Сакондзи на официальном обеде по случаю приезда в Токио директора общества по японским концессиям на Сахалине.

Р. Зорге в одном из своих последних донесений в Центр в середине сентября 1941 года также подтвердил фактический отказ японского командования от развязывания войны с Советским Союзом в ближайшей перспективе. Его сообщение выглядело особенно впечатляющим, поскольку он ссылался в качестве источника на «Инвеста» (Х. Отзаки, видного журналиста, советника премьер-министра Японии).

В это же время харбинская резидентура также сообщила в Центр о том, что по сведениям, полученным от сотрудников японской военной миссии, Япония до весны 1942 года наступательных действий против СССР не предпримет. Вместе с тем при этом отмечалось, что, по мнению японских военных кругов, к весне 1942 года немцы будут иметь решающий успех, и тогда Япония начнет военные операции, чтобы установить новый порядок по всей Сибири. В связи с этим эмигрантским кругам было поручено составить схему государственного устройства Сибири с выделением границ национальных автономных республик — Бурят-Монгольской, Алтайской, Якутской и т. д.

Эти сообщения следует рассматривать в контексте обстоятельств противостояния между Японией, США и Англией на Дальнем Востоке и в Китае.

Японцы как бы подтверждали конкретными шагами свои намерения решительно выступить против «англо-американского империализма» в Азии, которые они секретно изложили Сталину и Молотову в Москве в апреле 1941 года. В конце июля того же года японские войска приступили к оккупации стратегически

важных пунктов в Индокитае. Американское правительство объявило о введении эмбарго на поставки нефтепродуктов в Японию и запретило японским кораблям пользоваться Панамским каналом.

На эти действия японское телеграфное агентство «Домей» сообщило 8 августа, что, «вопреки различным слухам, в советско-японских взаимоотношениях не произошло изменений со времени подписания пакта о нейтралитете». Это заявление было прямо адресовано советскому правительству. 23 августа министр иностранных дел Японии Тойода подтвердил это нашему послу Сметанину, несмотря на официальную ноту японских властей о том, что перевозки военных материалов из США во Владивосток создают затруднительное положение для Японии. В свою очередь ТАСС опроверг сообщение японских газет об активных советско-китайских консультациях по отражению действий японской армии в Центральном Китае.

За кадром, однако, остались секретные консультации между послом СССР в Японии К. Сметаниным и японским министром иностранных дел. Как по линии советского посольства, так и по линии нашей резидентуры в Кремль было сообщено, что руководство Японии настаивало на подтверждении советской стороной обязательств по соблюдению нейтралитета и недопущению предоставления Советским Союзом своей территории для военных баз другим странам, которые могут быть использованы при обострении обстановки в Азии против интересов Японии. Особо подчеркну, что Молотов дал указание нашему послу в Токио в августе, когда японо-американские отношения обострились и когда наше сотрудничество с англо-американскими союзниками в войне против Гитлера стало очевидным, решительно подтвердить от имени советского руководства, что «СССР остается верным своим обязательствам в отношении Пакта о нейтралитете и не войдет в соглашение с третьей стороной, направленное против Японии».

Иносказательно это означало, что в секретных консультациях с Токио Москва давала японской стороне полную свободу действий в Индокитае.

Поэтому в критический период битвы под Москвой, 15 октября, в Харбине были успешно закончены переговоры между Монголией и японским сателлитом Маньчжоу-го по уточнению границ и подписаны соответствующие документы. Тогда же Япония хотя и начала переговоры с США о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке и Азии, вместе с тем активно продолжала оккупационные мероприятия в Индокитае.

Противоречивость информации, поступавшей с Дальнего

Востока, требовала особого внимания. Возглавляемая мной Особая группа в сентябре-октябре 1941 года продолжала прорабатывать возможные мероприятия в связи с угрозой начала военных действий на Дальнем Востоке. И в Кремле, и в НКВД, несмотря на секретные консультации с Токио, не тешили себя иллюзиями об агрессивности японцев, «направленной в первую очередь против западного империализма». К счастью, к этому времени был освобожден из тюрьмы по инициативе Эйтингона начальник восточного отделения ИНО М. Яриков.

Оклеветавший его и Шпигельглаза в 1939 году В. Пудин одновременно поставил под сомнение источники ИНО ОГПУ-НКВД в Маньчжурии, Японии и Корее. Яриков спустя неделю после освобождения в конце сентября вместе со мной был вызван на ковер к Берии, прямо сказавшему, что «наши головы полетят первыми, если материалы, добытые старой агентурой из эмиграции в Харбине, Шанхае и Токио о планах Квантунской армии, обернутся дезинформацией». Для угроз у Берии были все основания. На восемь из двенадцати резидентур НКВД и военной разведки в Китае и Японии Пудиным в 1939 году было подготовлено заключение, что их сотрудники являются «двойниками» немецкой, английской, американской, японской и китайской спецслужб.

Яриков достойно ответил наркому, что за свои источники, какими они были до января 1939 года, то есть до его ареста, он ручается, предложив конкретно проверить их в разведывательно-рекогносцировочных акциях на границе с Маньчжурией. Что и было сделано под руководством начальника Приморского НКВД М. Гвишиани.

Тем не менее исключать полностью возможность удара нам в спину со стороны японцев на Дальнем Востоке мы не могли, хотя было очевидным, что японская армия не проводила в октябре-ноябре мероприятий по созданию ударных группировок для наступательных операций против советских войск в Приморье.

Показательным в этом плане было то, что в укрепрайонах в непосредственной близости от советских границ не были развернуты главные силы японских сухопутных войск и авиации. Однако обстановка на границе в целом оставалась напряженной. Провокационные разведывательные поиски японских войск на всей нашей границе с Маньчжурией сильно нервировали как командование советских войск на Дальнем Востоке, так и Ставку.

Следует внести ясность в очень важное обстоятельство. Я уже говорил, что мы ни в коем случае не ставили перед нашими доверенными лицами и агентурой в президентской администрации США, Госдепартаменте и Министерстве финансов

задачи по обострению японо-американских отношений и провоцированию войны между Токио и Вашингтоном. Наша линия в работе с этими людьми соответствовала линии Коминтерна — использовать имевшиеся возможности влияния на американское руководство для того, чтобы его «давление» на Японию затруднило и исключило бы военную акцию японского империализма против СССР в условиях германо-советской войны.

Фактически американское правительство заняло по отношению к Японии жесткую позицию сдерживания расширения ее агрессии в Юго-Восточной Азии. При этом оно защищало прежде всего свои интересы в известной ноте, переданной госсекретарем США Халлом японским представителям в Вашингтоне 26 ноября 1941 года.

Сейчас утверждают, что поскольку член негласного штата компартии США, кружка Сильвермастера, Г. Уайт подготовил эту неприемлемую для японцев ноту, последние получили повод для внезапного нападения на Америку. В действительности же нота Госдепартамента США лишь фиксировала начало открытого противостояния. Еще до ее вручения американское правительство объявило о намерении направить свои войска и флот за пределы Филиппин, в голландские владения — Индонезию с целью обеспечения обороны находящихся там значительных запасов сырья и стратегически важных полезных ископаемых. Индонезия же, как известно, была одной из главных целей агрессии Японии.

Американские правящие круги и без рекомендаций Карри и Уайта прекрасно отдавали себе отчет, что экономические меры воздействия, наложение секвестра на японские фонды, денонсирование торговых договоров в июле-августе не остановили японскую оккупацию стратегически важных пунктов в Южном Индокитае. Всем было ясно, что японский флот и армия подготовились к решительному броску с целью захвата американских, английских и голландских владений на Тихом океане.

Вместе с тем сокрушительный удар японцев именно по Перл-Харбору, по главным силам ВМФ США на Тихом океане, оказался полной неожиданностью для союзников и советского командования. Хотя приближение войны на Тихоокеанском театре военных действий, можно сказать, витало в воздухе. Знаменательно, что и американская, и наша дешифровальная службы перехватили и расшифровали почти одновременно 27 ноября 1941 года телеграмму японского МИД от 24 ноября 1941 года посольству Японии в Берлине, в которой, по существу, сообщалось о скором начале военных действий. Перехват этой телеграммы был доложен Берии из Куйбышева, по-моему,

немедленно.

Интересно другое. Кремль был проинформирован о будущем начале военных действий не только по каналам разведки. Наиболее серьезные данные поступили по дипломатическим каналам. Будучи на приеме у Берии в конце ноября или начале декабря, я с удивлением воспринял его реплику, докладывая о согласованном с Гвишиани плане развертывания агентурно-диверсионного аппарата на Дальнем Востоке. «Отложите эти дела, — сказал он, — сражаться с японцами нам, по-видимому, в ближайшие полгода не придется. Артем сообщает и Молотов подтвердил мне, что нам с японцами удалось договориться о сохранении нейтралитета по дипломатическим каналам».

И действительно, из документов, теперь доступных, следует, что 22 ноября 1941 года, когда японская эскадра закончила сосредоточение в исходной точке, министр иностранных дел Японии Того вызвал советского посла К. Сметанина и потребовал подтвердить заверения советского правительства от 13 августа о том, что оно, соблюдая пакт о нейтралитете, не войдет в соглашение с третьей стороной, направленное против Японии. Сметанин трижды положительно ответил Того по этому вопросу.

28 ноября Сметанин, получив инструкции из Москвы, еще раз подтвердил позицию советского правительства о нейтралитете. В это время японская эскадра уже три дня скрытно двигалась к Перл-Харбору. Но что особенно знаменательно, примерная дата моего доклада у Берии совпадает со специальным визитом по указанию Москвы нашего посла Сметанина в японский МИД — 1 декабря 1941 года. В Кремле полностью отдавали себе отчет, что против США готовится военная акция Японии, и поручили Сметанину еще раз заявить, что «СССР не думает нарушать Пакт о нейтралитете при условии, что и Япония также будет соблюдать обязательства Пакта о нейтралитете с Советским Союзом».

Нападение Японии на США и Англию 7 декабря 1941 года, последовавшее за этим 11 декабря объявление Германией войны США коренным образом изменили всю мировую обстановку и перспективы войны против германского и японского фашизма.

Хочу особо подчеркнуть, что Тихоокеанская война, развязанная Японией, не была спровоцирована Советским Союзом или нашей разведкой. При ближайшем рассмотрении наивными и упрощенными являются утверждения, что рекомендации наших агентов и доверенных людей в США или группы Зорге в Японии подтолкнули правящие круги этих стран к военному противостоянию.

Определяющую роль в развязывании войны в этом регионе сыграли кардинальные интересы государств в утверждении своего

геополитического и экономического влияния в мире. Вместе с тем Сталин отплатил нашим союзникам, занимавшим тогда, в критический момент войны Советского Союза с Гитлером, в основном благожелательно-наблюдательную позицию по отношению к СССР, чрезвычайно эффективным секретным разведывательно-дипломатическим маневром. Ему удалось превратить зародившуюся антигитлеровскую коалицию в реальную военно-политическую и экономическую силу борьбы с фашистской агрессией.

На новый, более высокий уровень были подняты наши дипломатические отношения с США. Показательно, что назначенный нашим послом в США 10 ноября 1941 года бывший нарком иностранных дел М. Литвинов был 14 ноября одновременно назначен заместителем народного комиссара иностранных дел. В этой связи не могу не сказать, что М. Литвинов прибыл в Вашингтон в день начала войны на Тихом океане одновременно с назначенным туда главным резидентом НКВД по американскому континенту В. Зарубиным.

Советская дипломатия и разведка сыграли знаковую роль в этой акции руководства нашего государства. Угрозу войны на два фронта против Советского Союза, не дававшую нам покоя в тридцатые — сороковые годы, после прихода Гитлера к власти и японской оккупации Маньчжурии, удалось предотвратить. Этим также была заложена важная предпосылка в грядущей победе советского народа в Великой Отечественной войне.